

Содержание

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

- Касым-Жомарт Токаев** Борьба за мир — миссия парламентской дипломатии в Евразии.....7
- Георгий Дубовцев** Развитие миротворческого потенциала Казахстана как важный фактор укрепления национальной безопасности.....10

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СПЕКТР РЕАЛЬНЫХ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ

- Айдархан Кусаинов** Внутренняя нестабильность общества как ключевая угроза национальной безопасности Казахстана.....33
- Канат Сахариянов** Проблемы и механизмы повышения конкурентоспособности отечественного контента.....49
- Аружан Джусибалиева** Роль и значение продовольственной безопасности в реализации аграрной политики.....60
- Айгуль Садвокасова,
Гулимжан Сулейменова** Взятки как социальный феномен: восприятие населения.....77

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

- Лидия Пархомчик** Влияние интеграционных процессов в ЕАЭС на Каспийский регион.....86

РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ

- Джамиля Нурманбетова,
Юлия Шаповал,
Рузия Камарова,
Татьяна Липина** Религия и этничность в деятельности этнокультурных центров Ассамблеи народа Казахстана.....101

РЕЦЕНЗИЯ

- Марат Шибубов** Сыроежкин К.Л. Охота на «тигров»: почему и как в Китае борются с коррупцией.....120

KAZISS
Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Мадина Нурғалиева**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск Алмас Арикулов
Редактор-корректор Наталья Шестакова
Верстка Елена Тушкова

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644, ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в типографии ООО «КРОИВА» г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 115. Тираж 500 экз.

Мазмұны

ҚАЗІРГІ ТАҢДАҒЫ БІТІМГЕРШІЛІК ӨЛЕУЕТ

Қасым-Жомарт Тоқаев	Бейбітшілік үшін күрес — Еуразиядағы парламенттік дипломатияның жеңісі.....	7
Георгий Дубовцев	Қазақстанның бітімгершілік өлеуетін арттыру ұлттық қауіпсіздікті нығайтудың маңызды факторы.....	10

ҰЛТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІК: НАҚТЫ ЖӘНЕ ӨЛЕУЕТТІ ҚАТЕРЛЕР

Айдархан Құсайынов	Қоғамның ішкі тұрақсыздығы Қазақстанның ұлттық қауіпсіздігінің негізгі қатері ретінде.....	33
Қанат Сахариянов	Отандық мазмұнның бәсекеге қабілеттілігін арттырудың мәселелері мен тетіктері.....	49
Аружан Джусибалиева	Аграрлық саясатты жүзеге асырудағы азық-түлік қауіпсіздігінің рөлі және маңызы.....	60
Айгүл Сәдуақасова, Гүлімжан Сүлейменова	Пара алу әлеуметтік феномен ретінде: халықтың қабылдауы.....	77

ГЕОСАЯСИ ӨЗГЕРІСТЕР ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ КАСПИЙ АЙМАҒЫ

Лидия Пархомчик	ЕЭО-дағы интеграциялық үдерістердің Каспий аймағына әсері.....	86
------------------------	--	----

ДІН ЖӘНЕ ЭТНИКА

Джамия Нурманбетова, Юлия Шаповал, Рузия Камарова, Татьяна Липина	Қазақстан халқы Ассамблеясының этномәдени орталықтары қызметіндегі дін және этникалық (этничность).....	101
--	---	-----

РЕЦЕНЗИЯ

Марат Шибатов	Сыроежкин К.Л. Жолбарысты аулау: Қытай коррупциямен неге және қалай күреспек.....	120
----------------------	---	-----

KAZISS
Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Мадина Нұрғалиева**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ
Өкілдінің жетекшісі (Алматы қ.)

Шығаруға жауапты Алмас Арыққұлов
Редактор-корректор Наталья Шестакова
Беттеу Елена Тушкова

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі мүмкін. «КРОИВА» ҚБ баспаханасында басылып шығарылды. Алматы қ., Ш. Уәлиханов көш., 115 үй. Тиражы 500 дана.

Contents

PEACEKEEPING CAPACITY IN CONTEMPORARY WORLD

- Kassym-Zhomart Tokayev** Struggle for Peace: Mission of Parliamentary Diplomacy in Eurasia.....7
- Georgy Dubovtsev** Development of Kazakhstan's Peacekeeping Capacity as Important Factor to Strengthen National Security.....10

NATIONAL SECURITY: SCOPE OF ACTUAL AND POTENTIAL THREATS

- Aidarkhan Kussainov** Internal Instability as Key Security Threat for Kazakhstan.....33
- Kanat Sakhariyanov** Challenges and Mechanisms to Boost Competitiveness of Domestically Produced Content.....49
- Aruzhan Dzhusibalieva** Role and Significance of Food Security in Agricultural Policy.....60
- Aigul Sadvokasova, Gulimzhan Suleymenova** Bribery as Social Phenomenon: Public Perception.....77

CASPIAN REGION AMIDST GEOPOLITICAL TRANSFORMATION

- Lidiya Parkhomchik** Impact of EEU Integration on the Caspian Region.....86

RELIGION AND ETHNICITY

- Zhamila Nurmanbetova, Yuliya Shapoval, Ruziya Kamarova, Tatyana Lipina** Religion and Ethnicity in Activities Cultural Centers of People's Assembly of Kazakhstan.....101

BOOK REVIEW

- Marat Shibutov** Syroezhkin K.L. Hunting the Tiger: Why and How China Fights Corruption.....120

KAZISS
Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic
of Kazakhstan

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Madina Nurgalieva**,
Head of Almaty Office of KazISS
under President of Kazakhstan

Responsible for publication Almas Arzikulov

Editor-corrector Nataliya Shestakova

Layout Yelena Tushkova

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed in printhouse of PA "Kroiva" CH. Valikhanova St., 115, Almaty.

Copies 500.

Редакционный совет

- Баглан Майлыбаев** — председатель Редакционного совета, заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Мадина Нургалиева** — шеф-редактор, руководитель Представительства Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК в г. Алматы, кандидат политических наук
- Андрей Чеботарёв** — директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
- Геннадий Чуфрин** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Гульмира Илеуова** — директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
- Гульнар Насимова** — заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Константин Сыроежкин** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Марат Шайхутдинов** — заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
- Мартин Брусис** — доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвиг-Максимилиана (Германия)
- Рахман Алшанов** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Синтия Каплан** — профессор Калифорнийского университета (США)

Редакциялық кеңес

- Бағлан Майлыбаев** — Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің Әкімшілігі Басшысының орынбасары, заң ғылымдарының докторы
- Мадина Нұрғалиева** — Бас редактор, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты Өкілдігінің басшысы (Алматы қ.), саяси ғылымдарының кандидаты
- Андрей Чеботарёв** — «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Геннадий Чуфрин** — РҒА корреспондент-мүшесі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** — «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы ҚҚ-ның директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** — әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының басшысы, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Константин Сыроежкин** — Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Марат Шайхутдинов** — ҚР Қауіпсіздік Кеңесі хатшысының орынбасары, тарих ғылымдарының докторы, профессор
- Мартин Брусис** — әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғары мектебі, Людвиг-Максимилианның Мюнхен Университеті (Германия)
- Рахман Алшанов** — «Тұран» ағарту корпорациясының президенті, ҚР жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Синтия Каплан** — Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)

Editorial Board

- Baglan Mailybaev** — Chairman of Editorial Board, Deputy Head of Administration of President of Kazakhstan, Doctor of Law
- Madina Nurgalieva** — Editor in Chief, Head of Almaty Office of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Andrey Chebotarev** — Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Science
- Gennadiy Chufirin** — Corresponding Fellow of Russian National Academy of Science, Doctor of Economics, Professor
- Gulmira Ileuova** — Director of “Strategia” Public Foundation for Social and Political Studies, Candidate of Sociology
- Gulnar Nasimova** — Head of Political Science and Political Technologies Department, al Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Konstantin Syroezhkin** — Chief Research Fellow of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan, Doctor of Political Science, Professor
- Marat Shaykhudinov** — Deputy Secretary of Security Council of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
- Martin Brusic** — Graduate School for East and Southeast European Studies Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Rakhman Alshanov** — President of “Turan” Educational Corporation, Chairmen of Kazakhstan Universities Association, Doctor of Economics, Professor
- Cynthia Kaplan** — Department of Political Science, University of California Santa Barbara, Professor (the USA)

БОРЬБА ЗА МИР — МИССИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЕВРАЗИИ

Касым-Жомарт Токаев

Председатель Сената Парламента РК,
доктор политических наук

Евразия является остовом современного мира. Это самый крупный по территории континент, представляющий три четверти населения планеты, производящий более 60 процентов мирового ВВП и обладающий богатейшими природными ресурсами.

В Евразии расположены четыре «официальных» и ряд «неформальных» ядерных государств, а также происходит наибольшее количество конфликтов, в которых ежегодно гибнут около двухсот тысяч человек. Самые кровопролитные войны современности в Сирии, Ираке и Афганистане, многомиллионные потоки беженцев оказывают крайне отрицательное воздействие на общую ситуацию в Евразии.

Взаимное недоверие и растущий милитаризм, наряду с терроризмом и другими транснациональными угрозами международной безопасности, бросили вызов будущему всего человечества.

Недавно обнародованный Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым Манифест «Мир. XXI век» содержит глубокий анализ последствий распространения вируса войны. Лидеры всех государств должны, наконец, проявить политическую волю, чтобы избавить современную цивилизацию от многочисленных вооруженных конфликтов и угрозы смертоносной войны. Надо понимать, что без общих усилий всех государств невозможно рассчитывать на благополучие жителей планеты. Насилие порождает еще большее насилие. Попытки решать споры и проблемы с помощью военной силы или санкций толкают цивилизацию вспять, о чем свидетельствуют войны последних десятилетий.

Ключевая проблема современности — это кризис доверия между государствами, игнорирование международного права, стремление к доминированию в мировых делах, пренебрежительное отношение к истории и культуре других народов.

Борьба за мир — это политический и моральный долг каждого государства, независимо от его размеров и мощи. На вооружение в мире расходуется около 2 триллионов долларов ежегодно. При этом в 2015 г. впервые с 2011 г. был зафиксирован рост темпов расходов на вооружение. Это более чем наглядно свидетельствует, что в мире нарастает опасная тенденция к гонке вооружений, когда в бюджете военные нужды явно преобладают над целями развития.

29 августа исполняется 25 лет со дня подписания Президентом Казахстана Указа о закрытии Семипалатинского ядерного полигона. Это первый и последний случай в мировой практике разоружения. Поэтому данная памятная дата — хороший повод задуматься о первостепенной важности создания устойчивого мира в Евразии и за ее пределами.

Политики обязаны сказать твердое «нет» ядерному распространению. Казахстан вправе требовать от крупных государств полного ядерного разоружения, выступать за выполнение Договора о нераспространении ядерного оружия и скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Ядерное оружие уже попало в руки безответственных политиков, в очереди к нему — террористы.

Евразия неделима, так же как неделима и ее безопасность. Шесть лет назад в итоговом документе Астанинского саммита Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе было сказано, что безопасность каждого государства неразрывно связана с безопасностью всех других стран. Этот вывод, как никогда, актуален для всех государств Евразии. Торговля оружием и людьми, незаконный оборот наркотиков, терроризм, нелегальная миграция, экологические бедствия — таким угрозам неподвластны большие расстояния и политические границы Евразии.

Определяющее значение широкого диалога, тесного сотрудничества и совместных действий в условиях международной напряженности подчеркнуто в политических документах Шанхайской организации сотрудничества, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Государства Евразии должны поддерживать центральную роль ООН в мировых делах, выступать против любых ограничительных мер и военных акций в нарушение Устава ООН.

Важно также направить усилия на экономическое сотрудничество и торговлю, что соответствует коренным интересам наших народов. Здесь большое значение приобретает китайская стратегия Экономического пояса Шёлкового пути. Президент Казахстана предлагает обсудить идею создания Большой Евразии с целью сопряжения крупных интеграционных проектов на континенте.

Со своей стороны Казахстан осуществляет масштабные проекты, предусматривающие построение автомобильных и железнодорожных

магистралей, модернизацию логистической инфраструктуры в рамках проекта «Западная Европа — Западный Китай» и программы «Нұрлы жол» («Светлый путь») с целью соединения транспортными коридорами всей территории Евразии.

Отмечается растущий интерес целого ряда государств к деятельности нового интеграционного объединения — Евразийского экономического союза, который в перспективе может стать важнейшим компонентом мировой экономики.

Говоря о более тесной интеграции в ЕАЭС, нужно уже сейчас готовить молодежь к новому укладу экономики, где ключевую роль будут играть новейшие технологии и роботы. Отставание в этой сфере чревато тяжелыми последствиями для наших государств, тем более что уже сейчас из 210 миллионов безработных в мире более 75 миллионов — это молодежь не старше 25 лет.

В этих условиях многократно возрастает роль парламентской дипломатии. В эпоху глобальной турбулентности, нарастания недоверия между государствами, законодателям вполне под силу выполнить важную миссию укрепления добрых связей и сотрудничества между народами.

Депутаты парламентов обязаны сказать свое веское слово в противодействии экстремистской угрозе, особенно в религиозной среде. В данном плане большое значение придается проведенной 31 мая сего года в Астане конференции с участием парламентариев из разных стран и представителей всех мировых конфессий на тему «Религии против терроризма». Это первый подобного рода форум в Евразии. Его цель — укрепить диалог и взаимодействие цивилизаций.

Безусловно, важное значение имеет новая совместная инициатива России и Южной Кореи о проведении совещаний спикеров парламентов государств Евразии. Прошедший 19 апреля 2016 г. в Москве первый форум парламентских глав показал плодотворность совещания, которое, несомненно, войдет в историю международного парламентаризма. Казахстан поддержал предложения о продолжении таких парламентских встреч, считая их конструктивным компонентом международной политики и парламентской дипломатии.

РАЗВИТИЕ МИРОТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАЗАХСТАНА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Георгий Дубовцев

Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, кандидат военных наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются содержание и современные тенденции миротворческой деятельности, которая в существующих условиях становится одной из важнейших составляющих укрепления международной безопасности, одним из основных инструментов мирового сообщества для раннего обнаружения и своевременного предотвращения политическими средствами назревающих военно-политических кризисов и военных конфликтов. Поскольку современное миротворчество представляет собой сложную и многогранную проблему, в которой тесно взаимосвязаны политические и военные акции, в статье дан анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей проведение миротворческих операций, выявлены международно-правовые и военные проблемы, снижающие эффективность международных усилий по поддержанию мира. Проанализирован также опыт участия казахстанского контингента в миротворческих операциях и предлагаются рекомендации по активизации участия нашей страны в миротворческом процессе ООН и других международных организаций.

Ключевые слова: международная и национальная безопасность, вооруженные конфликты, военные действия, миротворческая деятельность, миротворческие операции, миротворческий контингент, операции по поддержанию мира.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ БІТІМГЕРШЛІК ӘЛЕУЕТІН АРТТЫРУ ҰЛТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ НЫҒАЙТУДЫҢ МАҢЫЗДЫ ФАКТОРЫ

Георгий Дубовцев

Аңдатпа. Мақалада халықаралық қауіпсіздікті нығайтудың маңызды құрамдас бөліктерінің бірі, өршіп келе жатқан әскери-саяси дағдарыстар мен әскери

шиеленістердің алдын алу және оны саяси әдіс-құралдар арқылы уақтылы тоқтатуға арналған әлемдік қауымдастықтың негізгі құралдарының бірі саналатын бітімгершілік қызметтің мазмұны мен заманауи үдерістері қарастырылған. Заманауи бітімгершілік саяси және әскери шаралар өзара тығыз байланысқан күрделі және көпқырлы мәселе болғандықтан, мақалада бітімгершілік шараларды жүзеге асыруды реттейтін нормативтік-құқықтық базаға талдау жасалып, бейбітшілікті сақтаудағы халықаралық әрекеттердің нәтижесін төмендетіп отырған халықаралық-құқықтық және әскери мәселелер анықталған. Сонымен қатар қазақстандық қосынның бітімгершілік шараларға қатысу тәжірибесі сараланған және БҰҰ мен басқа да халықаралық ұйымдардың бітімгершілік үдерістеріне отанымыздың қатысуын барынша белсендендіру бойынша ұсыныстар берілген.

***Түйінді сөздер:** халықаралық және ұлттық қауіпсіздік, қарулы қақтығыстар, әскери шаралар, бітімгершілік қызмет, бітімгершілік операциялар, бітімгершілік күштер, бейбітшілікті сақтау бойынша шаралар.*

DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN'S PEACEKEEPING CAPACITY AS IMPORTANT FACTOR TO STRENGTHEN NATIONAL SECURITY

Georgy Dubovtsev

Abstract. The article deals with the content and current trends in peacekeeping activities as an increasingly important component of maintenance of international security and one of the main instruments of the international community for early detection and prevention of political crises and armed conflicts. Since modern peacekeeping is a complex and multifaceted phenomenon with political and military actions being closely interrelated, the article analyzes the legal and regulatory framework governing the conduct of peacekeeping operations and surveys the international legal and military obstacles for effective international peacekeeping efforts. The author provides the analysis of the participation of Kazakhstan's contingent in the peacekeeping operations and offers a number of recommendations to achieve a more proactive participation of Kazakhstan in the peacekeeping activities of the United Nations and other international organizations.

***Key words:** international and national security, armed conflicts, acts of aggression, peacekeeping, peacekeeping operations, peace-building operations, peacekeepers, peace-enforcement operations.*

Введение

В современных условиях стремительно нарастает напряженность в ряде регионов мира. Более высокой стала вероятность перерастания кризисных ситуаций в открытые вооруженные конфликты в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, на постсоветском пространстве. Красноречивым свидетельством эскалации непредсказуемых

по своим последствиям и трудно контролируемых вооруженных конфликтов являются военные действия в Афганистане, Ираке, Сирии и на Украине, которые приобретают характер затяжных и трудно поддающихся урегулированию.

Характерной чертой современных военных конфликтов является смещение из межгосударственной плоскости в плоскость внутригосударственную. Поводом для них, как правило, становится этнический и межконфессиональный антагонизм, сепаратизм, усугубляемые кризисными явлениями во всех областях общественной жизни. Эти конфликты часто сопровождаются грубейшими нарушениями прав человека и преступлениями против человечества, гибелью гражданского населения, уничтожением ключевых объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения.

Именно поэтому мировое сообщество, прежде всего в лице ООН, прилагает значительные усилия для предупреждения, локализации и прекращения таких конфликтов. Интересы международной безопасности требуют вмешательства стран — членов ООН в такие конфликты путем проведения операций по поддержанию мира.

Республика Казахстан рассматривает миротворческую деятельность как важнейшую составную часть своей политики по укреплению коллективной и национальной безопасности, считает ее одним из основных инструментов раннего обнаружения и своевременного предотвращения политическими средствами назревающих военно-политических кризисов и военных конфликтов (Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 21 марта 2007 года N 299. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U000000334> [дата обращения: 01.08.2016]).

Целью миротворческой деятельности является прекращение вооруженного конфликта и создание условий, способствующих его политическому урегулированию.

Выполнение международных обязательств по поддержанию мира и безопасности, в том числе участие в миротворческой деятельности в рамках выполнения соответствующих решений (резолюций) Совета Безопасности ООН в военной доктрине Республики Казахстан, определено в числе основных задач оборонной политики нашего государства (Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 11 октября 2011 года N 161. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000161> [дата обращения: 01.08.2016]).

Поэтому исследуемая в статье тема является актуальной как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Методы исследования

Исследование заявленной темы потребовало применения различных методов исследования: системного анализа, логических (анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии, обобщения) методов, а также методов установления причинно-следственных связей исследуемых процессов, методов формализации и идеализации, исследования операций и других общенаучных методов.

Использование системного и комплексного подходов к изучению содержания и современных тенденций миротворческой деятельности, анализу нормативно-правовой базы, регламентирующей проведение миротворческих операций, позволили выявить ряд международно-правовых и военных проблем, снижающих эффективность международных усилий по поддержанию мира.

Кроме того, для анализа накопленного Казахстаном опыта миротворческой деятельности, выявления имеющихся резервов и возможностей для активизации участия казахстанского контингента в миротворческих операциях под эгидой ООН и других международных организаций использованы специальные методы военной науки: военное прогнозирование; обобщение опыта проведения операций; анализ опыта миротворческих учений.

Логика формулирования выводов и рекомендаций исходила из принципов дедукции, они сделаны на основе анализа и обобщения имеющихся документов и исторических фактов.

1. Содержание и современные тенденции миротворческой деятельности

Со второй половины XX в. миротворческий процесс стал играть особую роль в международных отношениях, поскольку миротворческая деятельность напрямую влияет на переустройство мира в интересах обеспечения коллективной и международной безопасности. В новом столетии роль миротворчества еще более возросла. Это связано с новым характером конфликтов. Лишь немногие из современных кризисов имеют характер межгосударственных конфликтов, для которых как раз и создавались механизмы коллективной безопасности ООН и региональные союзы. Им на смену приходят гражданские войны, внутренние межэтнические и межконфессиональные вооруженные конфликты. Возникающее при этом насилие не укладывается в общепринятые нормы ведения войны, оно использует все средства, в том числе самые изощренные и варварские, приводит к многочисленным человеческим

жертвам. Поэтому в современных условиях проблемы предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов, в ходе которых в основном гибнет и страдает гражданское население, выступают на первый план в политике многих государств и международных организаций.

Термин «миротворчество» в том смысле, в котором он употребляется в ООН, означает применение дипломатических средств с целью убедить стороны, участвующие в конфликте, прекратить военные действия и в ходе переговоров мирным путем урегулировать свой спор.

Между тем при попытке дать не обыденное, а научно точное и политически четкое толкование миротворчества обнаруживается отсутствие его общепризнанного определения.

Анализ документов ООН, других международных организаций, а также национальных нормативных актов различных стран показывает, что в целом под миротворческой деятельностью обычно понимают *коллективные действия международных организаций (ООН, ОБСЕ, СНГ и др.) политического, экономического, военного и иного характера, проводимые в соответствии с нормами и принципами международного права с целью разрешения международных споров, предотвращения и прекращения вооруженных конфликтов преимущественно мирными способами* [1].

Дается определение миротворческой деятельности и казахстанским законодательством. Так, в законе «О миротворческой деятельности Республики Казахстан», который был принят 15 июня 2015 г., *применительно к такой деятельности нашего государства, это — совокупность мер, включающих средства и методы, соответствующие целям и задачам Устава ООН, с использованием военного и (или) гражданского персонала, направленные на предотвращение, сдерживание и прекращение вооруженных конфликтов между государствами или в пределах государства посредством вмешательства третьей стороны и способствующие поддержанию мира и безопасности, оказание гуманитарной помощи в соответствии с принятыми Республикой Казахстан международными обязательствами* (Закон Республики Казахстан от 15 июня 2015 года N 320-V «О миротворческой деятельности Республики Казахстан». URL: http://online.zakon.kz/Document/doc_id=39843849 [дата обращения: 01.08.2016]).

Благодаря целенаправленной деятельности ООН, в международную практику под обобщенным понятием миротворческой деятельности были внедрены такие нововведения, как операции по поддержанию мира, гуманитарные операции, миссии по наблюдению и установлению фактов агрессии, постконфликтное миростроительство и др. (Повестка дня для мира. Доклад Генерального секретаря ООН Б.Б. Гали на заседании Совета Безопасности. Нью-Йорк, ООН, 1992. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/index.html> [дата обращения: 25.07.2016]).

Само миротворчество осуществляется разными способами и средствами, которые меняются вместе с развитием геополитической обстановки в мире и состоянием конфликтности общества в различных странах.

С момента развертывания самой первой миротворческой миссии ООН в 1948 г. свыше 120 стран добровольно предоставили в распоряжение ООН около 800 тысяч военнослужащих и полицейских. Вместе с тысячами гражданских специалистов они принимали участие в 68 операциях по поддержанию мира.

В течение последних десяти лет ежегодно в среднем проводится 15 миротворческих операций, в которых участвуют десятки тысяч военнослужащих, полицейских и гражданских специалистов из разных государств. Наиболее напряженным в этот период был 2008 г., когда ООН принимала участие в урегулировании 17 конфликтов. Бюджет миротворческой деятельности в то время составил около 4 миллиардов долларов.

В настоящее время ООН проводит 16 миротворческих миссий, из них 9 — на Африканском континенте. Наиболее крупными из них являются:

1. *Миссия ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (MONUSCO)*, где численность военного и полицейского персонала от 55 стран составляет 19 784 человека, международного гражданского персонала — 840 человек, местного гражданского персонала — 2725 человек и добровольцев ООН — 450 человек.

2. *Смешанная операция Африканского союза и ООН в Дарфуре (UNAMID)* в Судане, где численность военного и полицейского персонала от 46 стран составляет 17 754 человека, международного гражданского персонала — 845 человек, местного гражданского персонала — 2565 человек и добровольцев ООН — 169 человек.

3. *Миссия ООН в Республике Южный Судан (UNMISS)*, где численность военного и полицейского персонала от 60 стран составляет 12 523 человека, международного гражданского персонала — 769 человек, местного гражданского персонала — 1204 человека, добровольцев ООН — 409 человек.

4. *Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали (MINUSMA)* с численностью военного и полицейского персонала от 48 стран — 10 207 человек; международного гражданского персонала — 578 человек, местного гражданского персонала — 682 человека, добровольцев ООН — 124 человека;

5. *Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (MINUSCA)*, где численность военного и полицейского персонала от 47 стран составляет 10 806 человек, международного гражданского персонала — 462 человека, местного гражданского персонала — 219 человек и добровольцев ООН — 76 человек.

Значительные масштабы имеет также *миротворческая миссия UNIFIL — Временные силы ООН в Ливане* с численностью военного персонала *от 36 стран — 10 410 человек*, международного гражданского персонала — 279 человек, местного гражданского персонала — 590 человек (Операции ООН по поддержанию мира. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/operations/current.shtml> [дата обращения: 26.07.2017]).

Миротворческая деятельность ООН основана на принципах совместного несения бремени и распределения рисков, и в конечном счете она обходится намного дешевле односторонних мер. Страны Европейского союза, например, финансируют до 40% всех расходов, связанных с миротворческой деятельностью, но при этом в составе миротворческих сил европейцев — только около 10%. США финансируют более 25% всех расходов на миротворческую деятельность, а участвуют в восьми миротворческих операциях только немногим более 80 американских граждан.

Больше всех своих граждан в состав миротворческих контингентов направляют Бангладеш (9432 чел.) и Эфиопия (8309 чел.), Индия (7794 чел.) и Пакистан (7533 чел.) (Операции ООН по поддержанию мира. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/operations/current.shtml> [дата обращения: 06.07.2017]).

В течение продолжительного времени развивающиеся страны предоставляют наибольшее количество военнослужащих и полицейских для операций по поддержанию мира, на них приходится почти две трети миротворцев ООН.

В рассматриваемый период масштабы миротворческих операций резко возросли, существенно увеличилась численность участвующего в них персонала. Причем, если раньше миротворческие силы выполняли лишь контрольно-разделительные функции, то сейчас они привлекаются и с целью установления мира (принуждения к миру силой).

Таким образом, от изначального понимания миротворчества как деятельности по недопущению насилия по отношению к кому бы то ни было происходит значительная трансформация его содержания.

Действия военного характера, а именно операции ООН по поддержанию мира, осуществляются в двух формах:

- 1) *миссии военных наблюдателей ООН* для контроля над соблюдением перемирия, за прекращением военных действий;
- 2) *направление ООН в «горячие точки» вооруженных сил, набранных из различных стран («голубые каски»)*. Роль этих вооруженных сил совершенно иная, чем при осуществлении принудительных действий ООН. Они не ведут военные действия против воюющих сторон, вооружены легким оружием и применяют его лишь для самообороны. Войска наблюдают

за прекращением военных действий, как и военные наблюдатели ООН, а также используются для разъединения противоборствующих сторон, создания буферных зон между ними и тому подобных задач.

Как показывает анализ, до настоящего времени единой, строго выверенной и согласованной терминологии, описывающей миротворческие операции, не существует.

Специфика различных типов миротворческих операций позволяет выделить в них три крупных блока:

Первый — *использующие преимущественно несилловые методы* действий вооруженных сил (наблюдение, различные формы контроля) для подкрепления политических и дипломатических усилий по прекращению и урегулированию конфликта.

Второй — *сочетание политических методов с активными операциями вооруженных миротворческих контингентов*, не ведущих, однако, боевых действий.

Третий — *использование силовых методов, в том числе боевых действий*, для принуждения к миру в сочетании с политическими усилиями или же без них.

Операции ООН по поддержанию мира по сути своей изначально основывались на трех взаимосвязанных принципах:

- 1) согласие обеих конфликтующих сторон;
- 2) нейтральность;
- 3) минимальное применение силы, в основном в целях самообороны.

В последние годы в ходе важнейших операций по поддержанию мира все эти три принципа подверглись новой интерпретации. Происходит существенное расширение соответствующих полномочий, часто выходящих далеко за рамки традиционных действий по поддержанию мира и сопровождающихся приданием для этого силам ООН вспомогательных структур в виде воинских контингентов и боевой техники.

Главным органом по предотвращению и урегулированию вооруженных конфликтов, безусловно, продолжает оставаться ООН. Однако в последние годы все четче обозначается тенденция смещения центра тяжести усилий по обеспечению безопасности с глобального на региональный уровень. ООН, наряду с собственной деятельностью по разрешению многих конфликтных ситуаций, все чаще привлекает региональные организации, в том числе ОБСЕ и НАТО, для проведения операций по установлению и поддержанию мира. Ярким примером этому являются миротворческие операции многонациональных сил на территории бывшей Югославии, на Африканском континенте.

Такое расширение рамок не могло не затронуть состав участников миротворческого процесса, и в результате в последние годы происходит процесс перераспределения ролей в миротворчестве между ООН и

региональными структурами безопасности. Эта тенденция носит объективный характер и отражает реалии современного мира.

Фактически при осуществлении миротворческих функций ООН и другими международными организациями формируется еще одна качественно новая тенденция, которая заключается в размывании различий между собственно миротворческими действиями и мерами принуждения. Это тесно связано с тенденцией к принижению роли требования о согласии противоборствующих сторон как предпосылке организации и проведения миротворческой операции. Некоторые операции ООН проводятся в соответствии с Главой VII Устава ООН, что делает необязательным согласие противоборствующих сторон. Иногда принудительные меры, в том числе военные, предпринимаются не Советом Безопасности, а одной из региональных военно-политических организаций. Такое вмешательство имело место в трех серьезных кризисах в последние годы (север Ирака, бывшая Югославия, Сомали) и сопровождалось изменением подходов к проведению миротворческих операций.

Кроме того, цели некоторых операций выходят за рамки посреднических функций или функций контроля (наблюдения) и могут включать создание условий для безопасной доставки гуманитарной помощи или защиты определенных районов от военных действий. Во всех подобных случаях традиционные принципы минимального применения силы и самообороны уже не всегда действуют.

В последнее время в подходах международных организаций (ООН, ОБСЕ, НАТО) к операциям по установлению и поддержанию мира появились ряд тенденций, которые обобщенно состоят в признании за международным сообществом права и обязанности принимать на себя ответственность за обеспечение всеми средствами, включая силовые, мира, правопорядка и безопасности граждан в тех государствах, в которых по каким-либо причинам эти фундаментальные условия жизни не могут быть обеспечены национальными средствами.

Так, теперь в практике ООН считается нормальным привлечение вооруженных сил на любых этапах конфликта, в том числе и без согласования с конфликтующими сторонами (хотя и по мандату международных организаций) для выполнения превентивных, посреднических, гуманитарных и иных функций в конфликтном регионе.

Воинские контингенты ООН, вопреки бытовавшим ранее критериям, в ряде миротворческих операций (в бывшей Югославии, Сомали) использовали не только легкое, но и тяжелое вооружение, бронетехнику и авиацию.

Если ранее мандатом ООН предписывалось строго ограничивать применение силы самообороной, то сейчас начинают практиковаться формулировки в том числе «превентивной обороны», «преследования»

и «вытеснения» сопротивляющихся группировок, превентивного размещения вооруженных сил и «превентивной демонстрации силы» в международных вооруженных конфликтах.

Безусловно, региональные и субрегиональные структуры должны иметь известную свободу действий в реагировании на кризисные ситуации, однако это должно происходить при неременном учете положений главы VIII Устава ООН, уважении главенствующей роли Совета Безопасности ООН в вопросах международной безопасности.

В целом анализ опыта проведения миротворческих операций в течение последнего десятилетия позволил выявить основные тенденции современного миротворческого процесса.

Первая. Переход от вмешательства преимущественно в межгосударственные конфликты (характерного для 1940—1970-х гг.) к более широкому и частому вмешательству во внутренние конфликты.

Вторая. Увеличение масштабов вмешательства, количества параллельно идущих операций и представленных в операциях стран, размеров вовлеченных контингентов.

Третья. В миротворческой деятельности происходит смещение акцентов к операциям по принуждению к миру.

Четвертая. Происходит передача полномочий по урегулированию региональных кризисов от ООН региональным военно-политическим организациям, а в отдельных случаях — даже отдельным государствам. Возрастает количество операций, осуществляемых региональными организациями как самостоятельно, так и в сотрудничестве или по просьбе ООН. Часто инициатива и ответственность не только за военную стадию операций, но и за политическое урегулирование переходят от ООН к другим международным организациям и коалициям государств.

Пятая. Миротворческие операции становятся все более комплексными и многокомпонентными.

Шестая. Расширение практики передачи военного планирования и командования операциями и их стадиями военному руководству отдельных стран и групп государств.

Седьмая. Размывание четкой грани между операциями по поддержанию и операциями по установлению мира (принуждению к миру). Нарастание количества элементов принудительных действий в структуре операций, использование тяжелых вооружений и военной техники, использование силовых средств миротворческими контингентами не только для самообороны, но и для более частой демонстрации силы, предупредительного развертывания, силового разъединения сторон, разоружения незаконных вооруженных формирований.

Восьмая. Нередкий разрыв между военной и политической стороной операций, делегирование военным политико-дипломатических

функций. Задачи военной стадии операций обычно выполняются быстрее и успешнее, чем задачи политического примирения и постконфликтного восстановления мира, однако пребывание вооруженных миротворческих сил в зоне конфликта затягивается для обеспечения стабилизации обстановки.

Девятая. Эрозия критериев «непредвзятости» и «равноудаленности» миротворцев от сторон конфликта, признание допустимости привлечения к операциям стран, имеющих собственные интересы в регионе конфликта. Отказ от практики 60—80-х гг. прошлого века по исключению военных контингентов стран — постоянных членов Совета Безопасности ООН из состава участников операций, переход к активному участию «великих держав» в миротворческих операциях.

Десятая. Усложнение и более частая ревизия мандатов операций. Более раннее — предупредительное вмешательство в назревающие конфликты. Переход от преобладания «классических» наблюдательных операций к все более решительному силовому воздействию на конфликтующие стороны.

Одиннадцатая. Миротворчество выступает катализатором развития сотрудничества государств в военной области.

Двенадцатая. Миротворчество, отражая новые подходы к применению вооруженных сил, начинает оказывать воздействие на трансформацию положений военных доктрин с целью уточнения задач национальных вооруженных сил, в том числе по их участию в проведении миротворческих операций.

2. Международно-правовые и военные проблемы проведения операций по поддержанию мира

Поддержание международного мира и безопасности является главной целью ООН, сформулированной в ее Уставе. Достижение этой цели — основная задача ООН и всех ее органов. Операции по поддержанию мира являются только одним из средств достижения главной цели ООН. В то же время особенность именно этого средства заключается в том, что оно не предусмотрено ни Уставом, не каким-либо иным юридически обязывающим актом ООН. В этом заключается *первая международно-правовая проблема*.

Практика проведения операций по поддержанию мира показывает, что накопленный в ходе их проведения опыт пока еще не воплотился в нормы международного документа.

В докладе бывшего Генсека ООН Бутроса Гали (1992—1996 гг.) «Повестка дня для мира» была предложена достаточно сложная градация операций ООН, включающая превентивную дипломатию, ми-

ротворчество, поддержание мира, послеконфликтное миростроительство, разоружение, санкции и принудительные меры (Повестка дня для мира. Доклад Генерального секретаря ООН Б.Б. Гали на заседании Совета Безопасности. Нью-Йорк, ООН, 1992. Официальный сайт ООН. URL:<http://www.un.org/ru/index.html> [дата обращения: 25.07.2016]). Границы между этими терминами размыты, а некоторые из современных операций носят настолько многокомпонентный характер, что могут включать элементы нескольких или даже всех перечисленных выше типов операций. Актуальность проблемы понятийного аппарата резко возросла после того, как собственные операции стали проводить региональные организации, например НАТО и СНГ. Таким образом, до настоящего времени в международном праве отсутствует четкое понимание и толкование операций по поддержанию мира.

Правовой основой для каждой операции являются резолюции Совета Безопасности ООН, санкционирующие ее проведение и определяющие ее мандат. Такие резолюции, безусловно, несут правовую нагрузку, но они являются административными актами, имеющими определенное целевое значение и ограничения по времени действия. Нельзя отрицать значение других документов ООН, в частности материалов Совета Безопасности, где обобщается опыт проведения операций по поддержанию мира, выдвигаются идеи по их совершенствованию и развитию. Однако в юридическом смысле такие документы в лучшем случае могут расцениваться как материалы, помогающие понять суть операций по поддержанию мира, но не определяющие их правовой статус, права и обязанности сторон, так или иначе причастных к их осуществлению.

Вторая проблема заключается в том, что многокомпонентный и многофункциональный характер современных операций по поддержанию мира делает нереальной и нецелесообразной их жесткую фиксацию в той или иной главе или статье Устава ООН. Современные миротворческие операции могут состоять из военного, полицейского и гражданского компонентов, могут выполнять функции по поддержанию мира, принуждению к миру или по восстановлению мира.

По этой причине многими специалистами ставится вопрос о разработке Конвенции ООН, конкретизирующей положения Устава применительно к операциям по поддержанию мира. Речь идет о разработке рамочного документа, устанавливающего, прежде всего, понятийный аппарат, а также общие и оперативные принципы проведения миротворческих операций, основы статуса их участников.

Третья проблема заключается в том, что многие страны имеют свои законодательные нормы на участие в миротворческих операциях, которые не всегда соответствуют международным. В этой связи

из-за различия международных и национальных юридических основ неизбежно возникают сложности при выполнении резолюций Совета Безопасности.

В ситуации, когда мандат насильственных мер по поддержанию мира не требует согласия правительства или правительств, задействованных в конфликте, глава VII Устава ООН говорит о смешанных операциях. Смешанные операции иногда называют третьим поколением миротворческих операций. Этот термин в свое время был применен в Боснии. Часто размытые правовые границы между миротворческими операциями и операциями с применением силы подрывают доверие к ООН и ставят под угрозу жизнь ее персонала. Поэтому Совет Безопасности в каждом отдельном случае вправе принимать решение на оправданность операций по принуждению к миру, выделяя для их проведения соответствующие людские и материальные ресурсы.

Четвертая проблема, как показал опыт проведения миротворческой операции в Сомали, заключается в не всегда эффективной координации усилий миротворческих сил. Различные государства, как правило, чаще стремились обеспечить безопасность своих национальных контингентов, чем думали о координации совместных действий. Но не менее опасно предоставлять свободу действий национальным командованиям, потому что это может привести к резкому увеличению потерь в военном контингенте ООН.

Пятая проблема носит чисто военный характер. Она связана с совместимостью систем управления национальными контингентами в рамках многонациональных сил, различиями в уровне и требованиях к подготовке личного состава, вооружения и военной техники, к оперативно-тактическим нормативам.

Шестая проблема заключается в отсутствии единой системы международного мониторинга военно-политической обстановки в кризисных точках, что приводит к неспособности своевременно предотвращать развязывание локальных конфликтов, делает превентивные меры государств мирового сообщества малоэффективными.

Седьмая проблема — это просчеты в политическом урегулировании, допускаемые участниками миротворческого процесса, которые приводят к разрыву между выполнением военной части мирных соглашений и реализацией политических, социально-экономических и административных процессов. Это вызывает постоянное продление мандата миротворческих сил, влечет за собой неоправданные людские потери, значительно увеличивает расходы материальных и финансовых средств на проведение операции.

3. Накопленный опыт и возможные формы участия Казахстана в миротворческих операциях

Характер, условия и формы участия Казахстана в операциях по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности определяются международно-правовыми нормами, законодательством Республики Казахстан, международными обязательствами, договорами и соглашениями, участницей которых является наша страна.

В законе «О миротворческой деятельности Республики Казахстан» от 15 июня 2015 г. определены задачи миротворческой деятельности нашего государства:

- 1) предупреждение разногласий сторон, недопущение перерастания конфликтов в вооруженные конфликты, ограничение масштаба конфликта;
- 2) содействие к прекращению насильственных действий дипломатическими средствами и методами;
- 3) участие военного персонала в совместных международных принудительных действиях в соответствии с Уставом ООН;
- 4) защита территории и (или) населения в зоне (районе) проведения миротворческой операции от вооруженного нападения;
- 5) обеспечение соблюдения условий прекращения огня;
- 6) разъединение конфликтующих сторон, разоружение и расформирование подразделений;
- 7) содействие решению проблем беженцев, временно перемещенных внутри страны лиц;
- 8) оказание гуманитарной помощи;
- 9) восстановление инфраструктуры в зоне (районе) проведения миротворческой операции;
- 10) обеспечение правопорядка, безопасности населения и соблюдения прав человека;
- 11) иные задачи, предусмотренные мандатом (Закон Республики Казахстан от 15 июня 2015 года N 320-V «О миротворческой деятельности Республики Казахстан». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39843849#pos=1;-307 [дата обращения: 26.07.2016]).

Возросшая роль международного миротворчества как средства разрешения вооруженных конфликтов нашла свое подтверждение в военных доктринах Республики Казахстан, принятых в 2000-м, 2007-м и 2011-м гг., где миротворческие операции рассматриваются в качестве одной из форм применения Вооруженных сил, других войск и воинских формирований. Таким образом, военная доктрина ставит участие воинских формирований в миротворческих операциях в один ряд с их применением для обеспечения военной безопасности государства.

Участие Вооруженных сил, других войск и воинских формирований Казахстана в миротворческой деятельности, помимо указанного выше закона и военной доктрины, регламентируется международными договорами, ратифицированными нашей страной, рядом подписанных документов, в том числе Концепцией формирования и функционирования механизма миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (2004 г.), Соглашением о миротворческой деятельности ОДКБ; Положением о Коллективных миротворческих силах ОДКБ (Офиц. сайт ОДКБ. URL: <http://www.dkb.gov.ru/d/bzzi.htm> [дата обращения: 26.07.2016]).

Выполнение задач в операциях по поддержанию и восстановлению мира возлагается на специально подготовленные по международным стандартам подразделения Вооруженных сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан.

Их участие в миротворческих операциях осуществляется на основании решения Парламента Республики Казахстан, принимаемого в соответствии с Конституцией, законодательством Республики Казахстан и ратифицированными международными договорами.

Комплектование выделенного контингента личным составом проводится на добровольной основе.

Выделенный контингент в ходе миротворческой операции может выполнять следующие задачи:

- 1) блокирование района конфликта в целях обеспечения выполнения санкций, принятых международным сообществом;
- 2) разъединение вооруженных группировок конфликтующих сторон и их разоружение;
- 3) обеспечение режима прекращения огня и установление мира, предотвращение возобновления военных действий;
- 4) разминирование местности, ликвидация фортификационных сооружений и последствий применения оружия массового уничтожения;
- 5) контроль перевозок, пресечение противоправного ввоза и вывоза боевой техники, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;
- 6) контроль местности и действий населения в зоне разъединения, противодействие беспорядкам;
- 7) содействие местным органам власти (правоохранительным органам) в поддержании правопорядка, обеспечение безопасности лиц, вернувшихся в места прежнего проживания;
- 8) охрана и сопровождение грузов гуманитарной помощи;
- 9) обеспечение безопасности официальных встреч для переговоров по урегулированию конфликта и безопасности персонала миротворческих миссий.

Первой миротворческой миссией казахстанского воинского контингента является участие в стабилизации обстановки в Республике Таджикистан в составе Коллективных миротворческих сил СНГ с 1993-го по 2001 г. Операция в Таджикистане является по статусу полноценной региональной миротворческой операцией СНГ. Она осуществлялась на основании коллективного решения глав государств СНГ (Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана), имела мандат СНГ [2]. Общее военное руководство этой операцией осуществлялось через международный орган — Штаб по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ. При этом в Таджикистане параллельно развёртывалась наблюдательная миссия ООН.

По решению глав государств СНГ казахстанский отдельный сводный стрелковый батальон принимал участие в совместной охране таджикско-афганской границы. В его составе были две роты пограничников, две мотострелковые роты от Вооружённых сил и одна рота от Внутренних войск МВД РК. Как известно, действия Коллективных миротворческих сил СНГ способствовали окончанию конфликта в Таджикистане и принесли в эту страну мир.

Во второй половине 1990-х гг. решением глав трех государств: Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана был сформирован совместный миротворческий батальон — «Центразбат». Подразделения, входящие в состав этого батальона, дислоцировались на территории своих стран. Но жизнь показала, что этот батальон мог успешно функционировать только в период проведения миротворческих учений. Первые такие учения «Центразбат-97» были проведены в сентябре 1997 г. на территории Казахстана и Узбекистана, последние — в 2000 г. Из-за недостаточной проработки нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы функционирования «Центразбата» и его всестороннего обеспечения, в последующем это совместное миротворческое подразделение было расформировано.

Во исполнение указаний Президента РК Н.А. Назарбаева об обеспечении готовности Вооружённых сил к действиям в миротворческих операциях и в соответствии с его распоряжением от 31 января 2000 г. «О создании Казахстанского миротворческого батальона», было создано специальное миротворческое подразделение «Казбат», которое вошло в состав резервных сил ООН.

В настоящее время в составе Аэромобильных войск для выполнения миротворческих задач уже существует отдельная бригада — «Казбриг».

С 2003 г. сначала на базе «Казбата», а затем «Казбрига» ежегодно стали проводиться международные тактико-специальные миротворческие учения «Степной орел». Первоначально они проводились как казахстанско-британские совместные учения. С 2005 г. в них стали участвовать военнослужащие США, в результате чего учения приобрели

трехсторонний формат. Начиная с 2012 г., учения проводятся в рамках программы «Партнерство во имя мира» с участием военнослужащих США, Великобритании, Таджикистана, Кыргызстана, ФРГ, Литвы, Франции, Италии и других государств. Эта цель включена в индивидуальный план действий партнерства Казахстана с НАТО. В 2015 г. в этих учениях участвовали представители штаб-квартиры НАТО, солдаты и офицеры США, Великобритании, Таджикистана, Кыргызстана, а также впервые — Афганистана, Непала и Турции.

Миротворческие задачи в составе многонациональных стабилизационных сил в Ираке с 2003-го по 2008 г. выполнял казахстанский инженерно-саперный отряд. Этот отряд входил в состав многонациональной дивизии «Центр — Юг» под польским руководством, а с осени 2007 г. он был подчинен американскому командованию многонациональной дивизии «Центр».

В течение пяти лет в отряде было произведено девять ротаций, в которых в составе коалиционных сил участвовало 290 военнослужащих казахстанской армии. Основными задачами контингента являлись поиск и уничтожение неразорвавшихся боеприпасов, оборудование пунктов полевого водоснабжения, очистка воды и оказание медицинской помощи.

Казахстанскими миротворцами в Ираке было уничтожено более 4 миллионов взрывоопасных предметов. С 2005 г., в рамках обмена опытом, инструкторами Вооруженных сил Казахстана были обучены саперному делу 572 курсанта военной академии Ирака. Казахские военные врачи постоянно привлекались для работы в медицинской группе американской базы «Дельта», где ими была оказана медицинская помощь более 5000 человек — представителям коалиции и местному населению, в основном пострадавшим от террористических атак (В Казахстане создан общественный Союз ветеранов Ирака. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31078450 12 [дата обращения: 27.07.2016]).

Выполнение миротворческих задач казахстанским воинским контингентом в Ираке было высоко оценено мировым сообществом, руководством ООН, а также главами ряда государств, в том числе и Ирака, что в значительной степени способствовало укреплению авторитета нашей страны на международной арене. Также был получен ценный опыт участия казахстанских военнослужащих в выполнении задач многонациональной коалицией.

Это служит подтверждением необходимости активного участия казахстанского контингента в миротворческих операциях под эгидой ООН и других международных организаций, проводимых на основании выданного правового мандата.

Помимо укрепления международного авторитета страны, активная миротворческая деятельность имеет большое значение для продвижения военно-политических позиций и интересов Казахстана в международных делах, а также обеспечения его национальной безопасности.

В настоящее время только в двух миротворческих миссиях ООН в Западной Сахаре (MINURSO) и Кот-д'Ивуаре (UNOCI) проходят службу офицеры Вооруженных сил Казахстана, хотя в казахстанской армии имеется значительное количество военнослужащих, прошедших специальную подготовку и способных на высоком уровне выполнять задачи в качестве военных наблюдателей в миссиях ООН.

Из опыта Центразбата 1990-х гг., а также миссии в Ираке были извлечены ценные уроки для организации специальной миротворческой подготовки казахстанских военнослужащих. В частности, было выявлено, какие практические трудности возникают у миротворческого контингента в вопросах оперативной совместимости с международными воинскими формированиями. С учетом этого была значительно усовершенствована инфраструктура, необходимая для подготовки национального контингента, а также его языковая подготовка.

При подготовке казахстанских миротворческих подразделений широко используются методики и стандарты НАТО в целях обеспечения оперативной совместимости с многонациональными миротворческими силами.

В рамках реализации плана сотрудничества Казахстана с НАТО в июле 2008 г. на базе Военного института Сухопутных войск был создан учебный центр «Партнерство во имя мира» («Казцент»). Основной целью центра является подготовка военнослужащих Казахстана, стран НАТО и партнеров для участия в операциях по поддержанию мира. В декабре 2010 г. «Казцент» признан НАТО учебно-образовательным центром в рамках программы «Партнерство во имя мира».

В соответствии со сложившейся в последние годы практикой в ходе проведения миротворческих операций не исключается участие казахстанских воинских контингентов в принудительных действиях по урегулированию конфликтов. Однако участие в операциях по принуждению к миру является крайним средством воздействия на кризисную ситуацию, поэтому направление казахстанского миротворческого контингента для выполнения задач в таких операциях должно осуществляться только при наличии соответствующего мандата Совета Безопасности ООН, в строгом соответствии с Уставом ООН и действующим законодательством Республики Казахстан, которым предусмотрена соответствующая процедура парламентского одобрения такого решения.

Свои задачи воинские контингенты Вооруженных сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан, выделяемые для

участия в операциях по поддержанию мира, должны выполнять под единым командованием, руководствуясь следующими принципами:

- признание главенства ООН в поддержании международного мира и безопасности;
- соблюдение Устава ООН, международного законодательства, законов принимающего государства;
- согласие всех участвующих в урегулировании сторон;
- беспристрастность;
- общее руководство и контроль со стороны Совета Безопасности ООН;
- уважение прав человека, обычаев и традиций местного населения;
- применение силы, как правило, в целях самообороны и для пресечения попыток силой воспрепятствовать выполнению мандата миротворческих сил (минимальная достаточность, избирательность, соразмерность, предотвращение побочного ущерба).

Очевидно, что основополагающими критериями, которыми необходимо руководствоваться при направлении Казахстаном миротворческих контингентов в «горячие точки», должны быть:

во-первых, внешнеполитическая целесообразность участия национального контингента в миротворческой операции;

во-вторых, соответствие национальным интересам как в целом на международной арене, так и в пределах данного региона;

в-третьих, развертывание миротворческих сил только после предварительного подписания международным органом и конфликтующими сторонами соответствующего соглашения или получения от последних четких гарантий, что они согласны с введением в зону конфликта миротворческих сил и не намерены оказывать им противодействия;

в-четвертых, наличие адекватных мандату операции ресурсов и готовности Совета Безопасности ООН или другой международной организации обеспечить соответствующее финансирование;

в-пятых, минимальный приемлемый риск для казахстанского миротворческого контингента в операции по поддержанию мира. Развертывание этого контингента должно происходить, как правило, после стабилизации обстановки и при наличии у сторон политической воли к разрешению конфликта политическими методами.

Изложенные выше взгляды на возможные формы участия Казахстана в миротворческих операциях опираются, прежде всего, на опыт и практику миротворческой деятельности ООН. Вместе с тем они учитывают накопленный опыт проведения операций коллективными миротворческими силами, а также те изменения, которые претерпело

миротворчество за последние 20 лет, когда обозначился переход к операциям, включающим, помимо «традиционных» задач, комплекс мер, направленных на решение породивших конфликт проблем: предотвращение гуманитарных катастроф, пресечение случаев массовых нарушений прав человека, содействие осуществлению демократических преобразований.

Выводы

Первый вывод, который может быть сделан в результате проведенного исследования, заключается в том, что для урегулирования современных конфликтов, установления и поддержания мира необходим широкий арсенал гибких структур и механизмов, которые в первую очередь должны базироваться на экономических, социальных, политических и дипломатических усилиях. Мир нельзя установить полностью, если не устранить причины конфликта. Однако увеличившаяся опасность возникновения кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов поставила международное сообщество перед трудной проблемой выбора: либо соглашаться с насилием, либо вмешаться для того, чтобы помешать ему.

Поэтому современное миротворчество представляет собой сложную и многогранную проблему, в которой тесно взаимосвязаны политические и военные акции. Выбор оптимального варианта действий — это трудная и ответственная задача.

В сложной диалектике мирных и военных средств миротворческой деятельности особое значение имеют несколько позиций.

Во-первых, взаимосвязь между превентивной дипломатией и использованием военной силы чрезвычайно сложна и не поддается точному определению. На практике все виды деятельности ООН по поддержанию мира (превентивная дипломатия, миротворчество, поддержание мира, принуждение к миру, миростроительство) неизбежно переплетаются друг с другом. Некоторые из них осуществляются параллельно с мероприятиями других организаций по обеспечению безопасности.

Во-вторых, существует принципиальное различие между поддержанием мира и принудительными действиями. Совсем неоднозначен вопрос о разумных и четких критериях того, когда в интересах миротворчества оправданы и необходимы военные усилия, когда они возможны, когда недопустимы. В том случае, когда воинские контингенты в ходе операций по поддержанию мира начинают убивать людей, они сами становятся участниками конфликта, который должны контролировать.

В-третьих, поддержание мира используется для того, чтобы предоставить возможность для работы дипломатам. Операции по поддержанию мира, в частности развертывание многонациональных миротворческих

сил в зонах напряженности, направлены на то, чтобы предотвратить начало или возобновление военных действий, а также поставить под контроль локальные вспышки возможного конфликта. Они могут также рассматриваться в качестве важнейшей составной части всеобъемлющего процесса мирного урегулирования.

В-четвертых, военное принуждение является лишь одной из крайних мер, с помощью которой можно добиться только ограниченных результатов и которую нельзя считать универсальным средством. Для установления мира необходимо направлять усилия, прежде всего, на ликвидацию глубинных причин возникновения конфликтов: экономических неурядиц, социальной несправедливости, политического диктата. Тем не менее в ряде случаев применение силы может оказаться единственным способом положить конец геноциду; содействовать созданию условий, необходимых для урегулирования конфликта; стабилизировать обстановку для проведения гуманитарных операций.

В-пятых, в самих миротворческих операциях речь идет не о ведении классических боевых действий против регулярных сил противника с целью их уничтожения, а о подавлении воли противника к действиям, о его нейтрализации, о защите населения, то есть о миротворческих акциях.

Второй вывод, к которому приводят результаты, — при осуществлении миротворческой деятельности Казахстану необходимо придерживаться принципиальной позиции о необходимости консолидации коллективных усилий в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН и общепризнанными нормами международного права для обеспечения региональной и международной безопасности.

В этой связи перед Казахстаном стоит задача способствовать повышению роли Совета Безопасности ООН, усилению контроля с его стороны за проведением операций по поддержанию мира. Для достижения этой цели необходимы согласованные действия с государствами, разделяющими данную позицию, а также обеспечение представительства нашей страны в структурах Секретариата ООН, в первую очередь в Департаменте по операциям по поддержанию мира (ДПКО).

Третий вывод. Для дальнейшего совершенствования миротворческого процесса Казахстану целесообразно продвигать следующие инициативы:

- 1) укрепление структур Секретариата ООН, занимающихся проблемами поддержания мира и военными вопросами;
- 2) тесная взаимосвязь операций по поддержанию мира с задачами содействия политическому процессу и мирному разрешению споров;
- 3) расширение состава резервных сил ООН, предоставляемых государствами-участниками для осуществления миротворческих операций;
- 4) четкая определенность мандата, длительности и условий прекращения операции;

- 5) наличие адекватных ресурсов и финансирования;
- 6) включение в национальные программы подготовки военного и гражданского персонала вопросов, относящихся к проведению операций по поддержанию мира; совершенствование стандартизированных процедур в целях взаимодействия сил различных государств;
- 7) состав объединенной командной структуры миротворческих сил должен адекватно отражать численность и роль национальных контингентов, участвующих в данной миротворческой операции;
- 8) возможность контроля со стороны национального и военного руководства.

Четвертый вывод. В ответ на обращение Генерального секретаря ООН, призвавшего в ходе Саммита по миротворчеству в рамках юбилейной — 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН мировых лидеров взять на себя конкретные обязательства по обеспечению новой системы готовности для миротворческих операций ООН, наша страна могла бы значительно активизировать свое участие в миротворческой деятельности.

Во-первых, выделить национальный воинский контингент в состав создаваемых сил быстрого реагирования ООН, а также квалифицированных полицейских и экспертов в области правосудия для участия в миротворческих миссиях.

Во-вторых, инициировать вопрос об участии казахстанского миротворческого контингента в таких операциях, как Миссия ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (MONUSCO), Миссия ООН в Республике Южный Судан (UNMISS), Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали (MINUSMA), Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (MINUSCA), а также в миротворческой миссии UNIFIL (Временные силы ООН в Ливане).

Очевидно, что, наряду с внешнеполитической целесообразностью участия казахстанского контингента в каждой из этих миротворческих операций, одним из важнейших факторов являются также финансовые затраты. В указанных выше операциях расходы, понесенные странами-участниками, компенсируются ООН. Поэтому нашей стране необходимо стремиться к участию в них.

Пятый вывод. Условия участия национального контингента в миротворческой операции и порядок постановки ему задач должны осуществляться в соответствии со специальными договоренностями между международной организацией, учреждающей миротворческую операцию, командованием сил и казахстанской стороной, которая должна осуществлять политический контроль и военное командование казахстанским воинским контингентом.

Шестой вывод. В случае участия казахстанских воинских формирований в миротворческих операциях они должны быть хорошо подготовлены не к ведению классических боевых действий против регулярных сил противника с целью их уничтожения, а к подавлению воли стороны, применяющей вооруженное насилие, к ее нейтрализации, к защите мирного населения.

Это необходимо учитывать военному ведомству Казахстана, на которое действующим законодательством возложены задачи по разработке правил и планов подготовки к миротворческим операциям и организация их исполнения.

Седьмой вывод. Ряд миротворческих операций в настоящее время имеют лишь гражданский и иногда — полицейский компонент, а также компоненты гуманитарной помощи и постконфликтной реконструкции. Некоторые операции фактически являются комплексом мероприятий по переобучению полицейских, сотрудников пограничной охраны и других органов безопасности, в ряде случаев — по обеспечению безопасных условий проведения политических выборов, восстановлению политических институтов и экономической инфраструктуры.

В этой связи активизация миротворческой деятельности Казахстана не должна ограничиваться подготовкой военного персонала в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях. Необходимо к этой деятельности привлекать и другие государственные органы РК, которые на высоком профессиональном уровне способны решать вопросы оказания гуманитарной, медицинской и технической помощи, подготовки соответствующих специалистов.

Наша страна как активный член ООН по объективным причинам заинтересована в активизации международной миротворческой деятельности, поскольку миротворчество содействует обеспечению военно-политической стабильности в мире. Поэтому дальнейшее развитие миротворческого потенциала нашей страны является важным фактором укрепления национальной безопасности.

Список литературы

1. Международное публичное право. Сборник документов / Сост. К.А. Беяшев, Д.К. Беягиев. М.: Проспект, 2009.
2. Сборник документов по миротворческой деятельности, принятых в рамках Содружества Независимых государств. Минск, Исполнительный Комитет СНГ. Ч. 1. 2001.

ВНУТРЕННЯЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК КЛЮЧЕВАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА

Айдархан Кусаинов

Директор компании Almagest, член экспертного совета по экономике и финансам при Президиуме НПП РК «Атамекен», член Ассоциации независимых директоров Казахстана и России

Аннотация. Угрозы национальной безопасности, в том числе и социально-экономического характера, традиционно рассматриваются с точки зрения субъектно-объектных отношений общества и заинтересованных игроков (акторов), где общество является объектом, а акторы — субъектами. Акторами могут быть группы внутри общества — политические движения и партии, группы заговорщиков, которые в ряде случаев могут поддерживаться извне, что принципиально не меняет подхода.

Автор предлагает несколько иную точку зрения, в соответствии с которой взгляд на текущие угрозы национальной безопасности изменяет относительное значение этих угроз в списке приоритетов. По мнению автора, угрозы, связанные с ошибками в коммуникациях общества и власти или в коммуникациях между его членами являются одними из ключевых — именно они могут стать основой и поводом для реализации остальных угроз, связанных с внешним вмешательством. Проще говоря, основная ситуативная опасность для национальной стабильности находится не в плоскости системных внутренних или внешних воздействий, а в плоскости бытового взаимодействия власти и общества: поведение рядовых полицейских в отношении граждан, судебные решения по традиционно рядовым уголовным и общественным делам, решения и действия местных властей в отношении экономических или социальных прав и обязанностей граждан, действия фискальных органов в отношении малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: *восстание, «арабская весна», украинский кризис, Евромайдан, Революция достоинства, движение «Оккупай Уолл-стрит», «эффект толпы», коммуникации «лицом к лицу», «сарафанное радио», интернет-пользователи, «новые медиа», миграционные потоки, самозанятое население, антикризисные меры.*

ҚОҒАМНЫҢ ІШКІ ТҰРАҚСЫЗДЫҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҰЛТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІГІНІҢ НЕГІЗГІ ҚАТЕРІ РЕТІНДЕ

Айдархан Құсайынов

Андатпа. Ұлттық қауіпсіздіктің қатерлері, оның ішінде әлеуметтік-экономикалық мазмұндағы қауіптер болсын, көп жағдайда дәстүрлі түрде қоғам мен мүдделі ойыншылардың (акторлар) субъективті-объективті қатынастары тұрғысынан, яғни мұндағы қоғам — объект, ал акторлар — субъект ретінде қарастырылып келеді. Акторлар ретінде қоғам ішіндегі топтар — саяси қозғалыстар мен партиялар, сырттан қолдау алатын қарсылық топтары болуы мүмкін, бұл оларға қатысты ұстанымды өзгертпейді.

Автор біршама басқа көзқарас ұсынады. Ұлттық қауіпсіздіктің қатерлеріне қатысты ұсынылып отырған көзқарас басымдықтар тізбегіндегі қатерлер маңыздылығын өзгертеді. Автордың пікірінше, қоғам мен билік немесе оның мүшелері қарым-қатынасындағы қателіктерге қатысты қатерлер ең маңыздысы болмақ, яғни — олар сырттан келетін қатерлердің негізі мен себебі болуы мүмкін. Қысқаша айтар болсақ, ұлттық қауіпсіздіктің негізгі жағдайлық қатерлері жүйелік ішкі және сыртқы ықпал деңгейінде емес, қоғам мен биліктің тұрмыстық деңгейінде жатыр: бұл қатардағы полиция өкілінің азаматтарға әрекеті, қатардағы қылмыстық және азаматтық істер бойынша сот шешімі, жергілікті билік органдарының азаматтардың экономикалық және әлеуметтік құқықтарына қатысты шешімдері мен әрекеттері, орта және шағын кәсіпке фискалдық органдардың қарым-қатынасы.

Түйінді сөздер: көтеріліс, «араб көктемі», Украина дағдарысы, Еуромайдан, Қадір-қасиет төңкерісі, «Оккупай Уолл-стрит», «тобыр әсері», «бетпе-бет» байланыс, «ауыздан ауызға», интернет пайдаланушылар, «жаңа медиа», көші-қон ағындары, өзін-өзі жұмыспен қамтығандар, дағдарысқа қарсы шаралар.

INTERNAL INSTABILITY AS KEY SECURITY THREAT FOR KAZAKHSTAN

Aidarkhan Kusainov

Abstract. Threats to national security, including socio-economic ones, are traditionally considered in terms of subject-object relations of society and interested players (actors) with social groupings (actors) being subjects. These actors, such as political movements, parties, or groups of conspirators, in some cases receiving external supported, however, do not fundamentally change the analytical approach.

The author proposes a slightly different analysis. The view of the current threats to national security proposed by the author alters the relative importance of these threats. According to the author, the threats rooted from the miscommunication between society and government or between its members are among the key ones as they can become the reason for the other threat to emerge, those associated with foreign interference. The main situational threat to national stability is not in the internal and external influences of systemic nature,

but in mundane every-day interactions between the authorities and the society. For example, misconduct of a law-ranked police officer, a dubious court decision on a minor criminal or civil case, a decision or action of local authorities regarding the economic and social rights and duties of the citizens, actions of the fiscal authorities in relation to small and medium-sized businesses may become such a factor.

Key words: uprising, unrest, “Arab Spring”, Ukrainian crisis, “Euromaidan”, Revolution of Dignity, “Occupy Wall Street” movement, “crowd effect”, “face to face” communication, rumors, Internet users, “new media”, migratory flows, self-employed, anti-crisis measures.

Введение

Традиционное рассмотрение проблем национальной безопасности происходит с точки зрения внутренне стабильного общества, имеющего уязвимости, которыми могут воспользоваться определенные акторы, заинтересованные в подрыве стабильности государства для достижения собственных, сформулированных целей. Соответственно, анализ угроз национальной безопасности сводится к выявлению заинтересованных сторон, оценке уязвимостей общества и выстраиванию соответствующих политик против тех или иных угроз. Однако в определенных ситуациях общество само по себе становится внутренне нестабильным — в таких ситуациях невозможно выделить каких-то отдельных акторов, которые были бы заинтересованы в дестабилизации, либо их становится слишком много.

Существуют ситуации, когда внутренняя нестабильность вырастает настолько, что основной угрозой становится само общество. Моральное, психологическое состояние людей, то есть само состояние общества, создает более серьезные предпосылки к его же дестабилизации и саморазрушению, чем какие-либо внешние воздействия. В условиях большой вероятности социального взрыва или бунта, значимость противодействия отдельным дестабилизирующим элементам существенно снижается по сравнению со значимостью усилий по стабилизации самого общества.

На примере данных из различных источников показывается, что массовые протесты в Тунисе, Египте, на Украине и движение «Оккупай Уолл-стрит» были спонтанными, не имели политической или иной революционной подоплеки и были сформированы представителями самого стабильного — среднего класса. Эти акции представляли собой скорее социальные бунты, рожденные самим обществом, его внутренними проблемами, но привели к смене политического режима или политических лидеров.

Стоит упомянуть еще одну особенность такой ситуации. В условиях внутренней нестабильности общества изменяется и активность потен-

циальных бенефициаров нестабильности: падает внешняя активность и растет внутренняя, организационно-координационная. Рост количества спонтанных конфликтов, общего общественного напряжения активизирует и ужесточает работу сил правопорядка и органов безопасности, что приводит к падению ценности каждого отдельного конфликта при значительном росте рисков активных действий. В таком случае актерам выгоднее совершенствовать внутреннюю организацию и координацию, дожидаясь удобного случая, с тем, чтобы максимально эффективно действовать в момент особенно крупного спонтанного конфликта.

Приведенная выше особенность снижает ценность и эффективность усилий государства в противодействии внешним актерам. Более того, если в такой ситуации государство продолжает фокусироваться исключительно на борьбе с потенциальными внешними угрозами, сами усилия могут дестабилизировать обстановку, создавая впечатление «боя с призраками», имитации бурной деятельности и необоснованного ужесточения свобод граждан.

В Казахстане сегодня формируется ситуация, в которой вероятность такого бунта резко возрастает. В стране сформирована предтеча среднего класса, то есть интересы значительной части общества сгруппировались и сконсолидировались вокруг традиционных приоритетов среднего класса, выросла информационная связанность общества на фоне набирающего темпы ухудшения социально-экономических факторов. Внутренняя нестабильность общества делает его непредсказуемым: любой, даже на первый взгляд незначительный и вполне заурядный факт может стать триггером национальной дестабилизации.

События на Ближнем Востоке, Украине, Оккупай Уолл-стрит

Мнение о том, что массовые протесты и движения последних лет, были скорее спонтанными восстаниями или даже социальными бунтами, за которыми изначально не стояло целей дестабилизации государства или свержения правительства, не ново и отражено как в западных, так и в российских исследованиях [1].

Вообще, в западной литературе описание «арабской весны» во многом базируется на терминах *uprising*, *revolt* наряду или даже чаще, чем *revolution*. *Uprising* и *revolt* (восстание) по своему смыслу ближе к понятию «бунт», «активный протест», «мятеж» и подчеркивает спонтанный, нецеленаправленный характер. Для Евромайдана термин *revolution* используется существенно чаще, что, видимо, определяется широкой поддержкой Евромайдана на Западе, в том числе и продвижением самоназвания события «Революция достоинства», которое по-

явилось далеко постфактум — как указывают некоторые источники, массовое его использование в СМИ началось в апреле 2014 г. — через полгода после начала (*Александр Бобров* о постреволюционном Киеве. Революция гидности. 05.11.2014 // Свободная Пресса. URL: <http://svpressa.ru/world/article/103090> [дата обращения: 10.08.2016]).

При рассмотрении событий исследователи подчеркивают несколько важных общих характеристик рассматриваемых явлений. Во-первых, спонтанность и непредсказуемость, во-вторых, отсутствие лидеров и выраженных политических требований или идей, в-третьих, активное участие, фактически лидерство так называемого среднего класса — традиционно самого политически инертного. Эти признаки скорее характерны для бунта, и с такой точки зрения не вызывает удивления тот факт, что события приобрели непредсказуемый характер — власть перешла к игрокам, которые были по большому счету непричастными началу или организации процессов.

Е. Примаков в интервью «Российской газете» высказал следующее мнение в отношении «арабской весны»: «Да, это была полная неожиданность. И не только для меня — для всех: для американцев, для европейцев, для самих арабов. «Братья-мусульмане» появились позже» (*В. Снегирев*. Очень Ближний Восток. Интервью с Е. Примаковым // Российская газета. Федеральный выпуск N 5853 [180]. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2012/08/08.html> [дата обращения: 10.08.2016]). Схожее мнение звучит и в отчете Комитета по иностранным делам Палате Представителей Великобритании: «Тем не менее практически все, кто предоставил свидетельства Комитету, согласны, что масштаб и успех протестов удивили всех, включая региональных обозревателей и даже самих участников» (Foreign Affairs Committee — Second Report. British foreign policy and the “Arab Spring”. July 3, 2012. Article 2.11. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmselect/cmfaff/80/8006.htm> [дата обращения: 10.08.2016]). Киевский центр политических исследований и конфликтологии отмечает: «Евромайдан застал врасплох многих наблюдателей: исследователей, политиков, самих гражданских активистов» (Евромайданы. Киевский центр политических исследований и конфликтологии. 27.11.2013. URL: <http://archive.ec/1VBnk#selection-487.172-487.392> [дата обращения: 10.08.2016]).

Движение «Оккупай Уолл-стрит» по своим характеристикам подходит под вышеперечисленные описания: «Основная часть ключевых активистов, которых мы интервьюировали, признались, что... были очень удивлены, что движение привлекло такую поддержку широкой публики... не были готовы к тому, что произошло, и точно не ожидали, что все это распространится далее» (*By Cara Buckley and Rachel Donadio*. Buoyed by Wall St. Protests, Rallies Sweep the Globe. NY Times, Oct. 15, 2011. URL: <http://www.nytimes.com/2011/10/16/world/occupy-wall-street-protests-worldwide>.

html?_r=2&scp=1&sq=occupy%20wall%20street%20world&st=cse [дата обращения: 10.08.2016]; By *Ruth Milkman, Stephanie Luce and Penny Lewis*. *Changing the subject: A bottom-up account of Occupy Wall Street in New York city*. The City University of New York, The Murphy Institute, 2013. URL: <http://ht.ly/he6Ea> [дата обращения: 10.08.2016]).

Базой и основой протеста, по мнению ряда исследователей, стало ухудшение социально-экономических условий [2]; (Tunisia: *Analyzing the Dawn of the Arab Spring*. 2011. Abu Dhabi Gallup Center. URL: <http://www.gallup.com/poll/157049/tunisia-analyzing-dawn-arab-spring.aspx> [дата обращения: 10.08.2016]).

Итак, рассмотрев приведенные примеры, можно констатировать, что значимые массовые движения последних лет, которые потрясли государства, а в ряде случаев их и разрушили, начались спонтанно, оказавшись «черными лебедями» для всех. Исследователи, аналитики, сами участники и даже организаторы (если таковые вообще были) оказались не готовы к их масштабам. Вероятные акторы и основные бенефициары революций на момент начала протеста даже не были включены в него (братья-мусульмане, украинские оппозиционеры), они встраивались в движение, создавали ситуативные блоки и союзы, боролись за управление протестом уже по ходу развития событий, то есть скорее пользовались ситуацией, чем ее организовывали.

Характерны результаты опроса на Евромайдане 7—8 декабря 2013 г. (Maidan-2013. Социологический опрос Фонда демократических инициатив Илько Кучерива и Киевского международного института социологии. URL: <http://dif.org.ua/en/events/gvkr1gkaeths.htm> [дата обращения: 12.08.2016]). Первой причиной, которая привела участников на площадь, было названо избиение участников майдана 30 ноября (70%), вслед за этим стоит отказ Януковича подписать Соглашение об ассоциации (53%), желание изменить жизнь на Украине (49,9%). Желание сменить власть оказалось только на 4-м месте (39%). «Собственно, в Киеве с призывом выйти на улицу выступили именно журналисты. Лидеры оппозиции на фоне происшедшего выглядели явно проигрышно» (Партийный и беспартийный Майдан. Киевский центр политических исследований и конфликтологии. 03.12.2013. URL: <https://archive.ec/wVasW#selection-523.0-523.421> [дата обращения: 12.08.2016]).

Движущей силой всех движений стал средний класс. Так, в своем весьма объемном и детальном исследовании авторы *Mark R. Beissinger, Amaney Jamal* и *Kevin Mazur* заявляют: «Соответственно, можно считать Египетскую и Тунисскую революцию восстанием среднего класса» (*Mark R. Beissinger, Amaney Jamal, Kevin Mazur*. *Who Participated in the Arab Spring? A Comparison of Egyptian and Tunisian Revolutions*. URL: <http://>

www.princeton.edu/~mbeissin/beissinger.tunisiaegyptcoalitions.pdf. P. 14 [дата обращения: 12.08.2016]). Согласно опросу, наибольшее количество участников Евромайдана, 49%, были в возрасте 30—54 лет, 38% участников было в возрасте 15—29 лет, 62% имело высшее образование, что в три раза превышает уровень в среднем по стране. В разрезе профессиональной деятельности основой Евромайдана стали специалисты с высшим или средне-специальным образованием, наемные руководители и предприниматели — 56,5%, студенты — 13,2% и пенсионеры — 9,4%. (Maidan-2013. Социологический опрос Фонда демократических инициатив Илько Кучерива и Киевского международного института социологии...). Видно, что и на Майдане в целом лидирующими в протесте оказались занятые и высокообразованные работники, что является одним из традиционных признаков среднего класса.

Обратим внимание на роль Интернета во всех рассмотренных движениях. Этому вопросу было посвящено много исследований, где подчеркивается, что роль социальных медиа и вообще Интернета в них существенно переоценивается.

Так, например, Чэнь Ди пишет: «Движущей силой протестов и демонстраций стало скорее «сарафанное радио», нежели активная переписка пользователей социальных сетей. Процент пользователей из арабских стран на тот момент оказался ничтожно мал» [3]. Это согласуется с точкой зрения Татьяны Богдановой, что на стадии организации протестов на Украине основными каналами связи активистов оставались достаточно традиционные личные коммуникации «лицом к лицу» или по телефону, e-mail [4]. Тем не менее исследователь подчеркивает, что наиболее значимую роль Интернет и социальные сети сыграли в части усиления и передачи информации о стычках протестантов с представителями властей, конфликтах, тиражировании негатива и подогревании эмоциональной составляющей протеста. «Наблюдатели Евромайдана отметили циклические взаимоотношения между социальными медиа, которые подпитывали коллективные акции, и протестами, которые, в свою очередь, поддерживали спрос на социальные медиа». По мнению автора, можно говорить о том, что в случае Евромайдана «сарафанное радио» оказалось мощно усилено социальными сетями, которые стали альтернативными средствами массовой информации. Такая точка зрения согласуется и с фразой Пан Ги Муна о том, что «новые медиа» сыграли «центральную роль» в падении авторитарных режимов, правивших в арабских государствах» (Генсек ООН: «Новые медиа сыграли важную роль в «арабской весне». Голос Америки. 03.05.2012. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/un-freedom-of-press-2012-05-03-150045255/666221.html> [дата обращения: 12.08.2016]).

Резюмируя эту часть, хочу акцентировать внимание, что основной вклад Интернета вообще и социальных сетей в частности состоял не в координации взаимодействия участников, а в повышении информационной связанности общества, формировании «эффекта толпы» в информационном поле, иррационализации мышления и «охлократизации» общества.

Таким образом, волна революций на Ближнем Востоке, переворот на Украине случились, во-первых, при вполне благополучных внешних обстоятельствах, а во-вторых, массовые выступления изначально не имели политических целей, не являлись протестом против существующего строя. Это был протест скорее против общего ухудшения ситуации, и даже был скорее не протестом, но криком отчаяния, который позднее был использован, направлен и окрашен в интересах акторов. Причем в случае арабских переворотов в выигрыше оказались совершенно нетрадиционные геополитические игроки, которых можно было бы заподозрить в целенаправленных действиях.

Рассмотрим ситуацию в Казахстане в вышеперечисленных контекстах.

Ситуация в Казахстане

Изменения в обществе

По мнению различных исследователей, за последние годы общество существенно изменилось. Эти изменения характеризуются консолидацией взглядов общества и группированием интересов вокруг вполне прикладных, практических вопросов.

По мнению Ерлана Карина, за последние пять лет меняется общий характер социальных и политических процессов в обществе, растет непротестность, интересы граждан начинают структурироваться... «... увеличивается количество несанкционированных акций протеста — потому что люди выдвигают чаще всего различные социальные требования, и им не нужно ждать, что их оппозиция соберет» (*Ерлан Карин: Надо бояться не Майдана, а сценариев, похожих на Жанаозен. Мадина Аимбетова. Интервью с Е. Кариным // Время. 18 февраля 2014 г. URL: <http://www.time.kz/articles/zloba/2014/02/18/erlan-karinnado-bojatsja-ne-majdana-a-scenarijev-pohozhih-na-zhanaozen> [дата обращения: 14.08.2016]).*

Г. Илеуова, также отмечая консолидацию идей и ценностей, говорит даже о возникновении целого нового класса, который определила термином «мещане». Характерными признаками этого класса она называет: «Их основной приоритет — это потребление, но прежде — создание

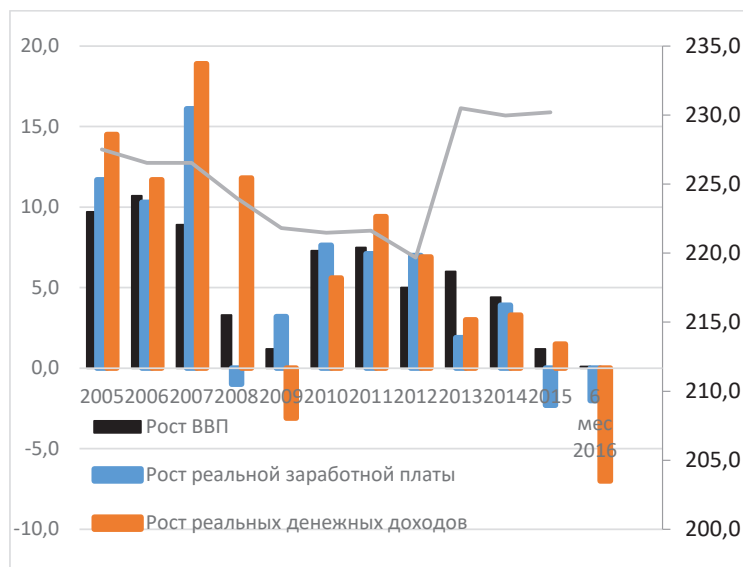
материальных, экономических основ безбедного (в их представлении) существования» (Г. Илеуова. Современное мещанство Казахстана: начало большого пути. Выступление на круглом столе «Динамика социальных изменений в современном Казахстане: 1991—2014 гг.». ИМЭП, Астана, 30 сентября 2014 г. http://www.ofstrategy.kz/images/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%98%D0%BB%D0%B5%D1%83%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.pdf [дата обращения: 15.08.2016]).

Автор согласен с тем, что наше общество существенно изменилось за последние годы, определенным образом сгруппировалось, причем вокруг прикладных индивидуалистических ценностей, которые можно назвать потреблением, личным социально-экономическим комфортом и достижениями, статусом — это в данном контексте непринципиально — во многом эти оценки действительно согласуются с признаками среднего класса [5].

Социально-экономическая ситуация

Доходы населения, заработные платы стагнировали, а в 2015—2016 гг. падают. При этом растет рабочая нагрузка среди занятого населения.

Ниже приведены данные динамики роста ВВП, реальных доходов населения, реальной заработной платы, а также количество отработанных человеко-часов на одного работника (Агентство по статистике РК).

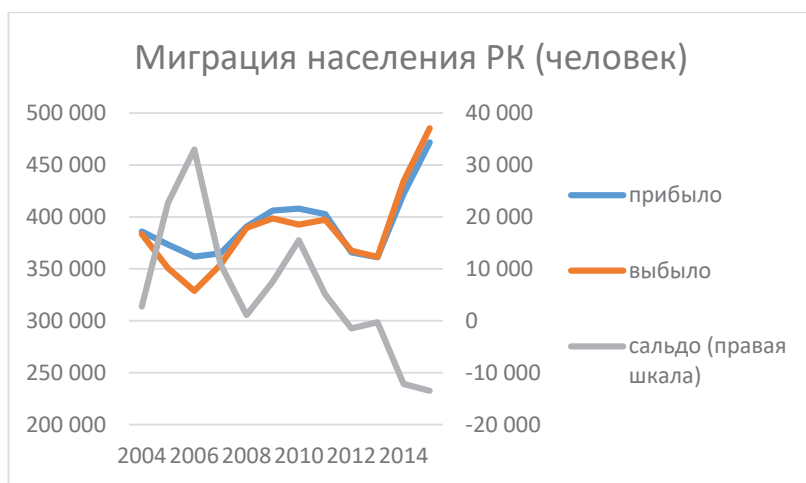

Остановлюсь подробнее на нескольких моментах, по моему мнению, важных текущих моментах с точки зрения психологического влияния.

Такой длительной стагнации заработной платы в реальном выражении, а тем более такого масштабного падения не было с 1994 г. Загрузка сотрудников выросла до максимального значения, какого не было с 2001 г. (с этого времени начинаются данные Агентства по статистике). Фактически это означает, что уже с 2013 г. занятые работники уже даже в какой-то степени «эксплуатируются» только для сохранения своей реальной заработной платы, но и этого оказывается недостаточно. Важно подчеркнуть, что в последние годы темпы роста ВВП опережают, иногда существенно, темпы роста доходов населения и заработных плат.

Резко и значительно выросли миграционные потоки.

Величина миграционных потоков за последние два года уже превосходит величину кризисных 2008—2009 гг. на 20% и продолжает расти. Ниже приведены данные агентства по статистике.

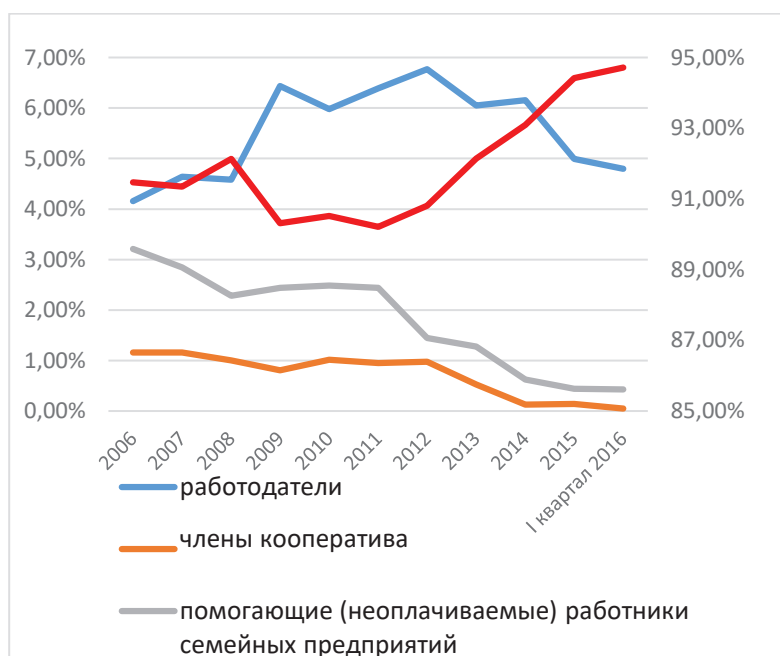
Согласно исследованию Юрия Булуктаева и Мадины Нургалиевой по мигрантам г. Алматы [6], основными факторами при переезде явились «нестабильное материальное положение семьи, низкая заработная плата, безработица, проблемы трудоустройства, массовые увольнения», а 65% мигрантов г. Алматы находятся в возрасте 18—40 лет — наиболее активный возраст. Автор предполагает, что основные характеристики мигрантов в г. Алматы в значительной степени отражают картину мигрантов в целом по Казахстану, во-первых, потому что миграция в Алматы сама по себе составляет значительную часть миграции в Казахстане, а во-вторых, статья явилась подтверждением гипотезы, что миграция определяется по фактору притяжения-выталкивания, то есть

рост миграции в текущих условиях скорее отражает ухудшение социально-экономических условий.

Изменение структуры самозанятого населения

Начиная с 2012 г., стремительно изменяется структура самозанятых: падает доля работодателей, помогающих работников семейных предприятий и членов кооператива, и растет число самостоятельных работников — подлинно самозанятых, в смысле оторванности от каких-либо коллективов. Для точности рассуждений следует отметить: в абсолютном выражении количество людей этого слоя падает, что способствует стабилизации общества, но тот факт, что оставшаяся часть существенно аморфизируется в условиях ухудшения социально-экономической обстановки, вызывает тревогу.

Структура самозанятого населения по МОТ (Агентство по статистике РК):

Комбинация приведенных показателей позволяет предположить, что на протяжении последних уже трех лет социальное положение граждан страны систематически ухудшается. Безработица сохраняется на уровне 5,2—5,1%, а в абсолютном выражении количество безработных снизилось всего на 20 тысяч человек за период с января

2013-го по июль 2016 г. — для сравнения: отрицательное сальдо миграции за 2013—2015 гг. составило 26 тысяч человек.

Согласно данным Г. Илеуовой (*Г. Илеуова. Современное мещанство Казахстана: начало большого пути. Выступление на круглом столе «Динамика социальных изменений в современном Казахстане: 1991—2014 гг.»...*), в 2014 г. доля респондентов, которые считают свое материальное положение «очень хорошим и хорошим», снизилась до 32,8% от уровня 35,5%. С учетом вышеперечисленных фактов можно предположить, что с 2014 г. этот показатель существенно ухудшился.

Объективные прогнозы и субъективные ожидания населения

В текущей структуре экономики Казахстана прогнозируемый рост ВВП в 2017 г. будет равен 1%, что с большой вероятностью означает дальнейшее падение реальных доходов и заработной платы. При этом у правительства практически не осталось рычагов для резкого существенного улучшения социально-экономической политики.

В 2008 г. Президент и правительство озвучили комплекс масштабных антикризисных мер, как то: ручное управление экономикой, широкая социальная поддержка, запуск программы ГПФИИР и ряд других программ типа «Занятость-2020», «Дорожная карта бизнеса», поддержка предпринимательства, массированное использование Национального фонда, существенная индексация заработных плат бюджетникам на 2009—2010 гг. Все эти меры вызвали резкий рост государственных вливаний.

Сейчас же речь идет о том, каким образом будет переломлена тенденция ухудшения экономических условий. Объявив в феврале 2016 г. о разработке новой экономической стратегии, правительство ее не представило и продолжает применять те же программы и политики, которые уже применяла с 2009 г. Повышение заработной платы с 1 января 2016 г. работникам бюджетной сферы составило: в здравоохранении — от 7 до 28%, в образовании — от 15 до 29% и в прочих областях — от 28 до 40%, при том что инфляция в период с июля 2015-го по июль 2016 г. составила 17,7%. Плана по дальнейшему существенному повышению заработной платы пока нет.

Исходя из величины текущего трансферта из Национального фонда, объемов финансирования действующих государственных программ, заявлений Президента и правительства, величины самого фонда, можно заключить, что использование резервов находится на максимальном уровне и дальнейшее наращивание не представляется возможным. С этой точки зрения даже предложенные новые програм-

мы «Нұрлы жол» и вторая пятилетка ГПФИИР не смогут кардинально изменить ситуацию по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе — инкрементальные государственные расходы, связанные с ними, незначительны по сравнению с уровнем государственных расходов в период с 2009-го по 2015 г.

Согласно исследованию «Проблемы формирования гражданской общности в Казахстане», большинство участников фокус-групп признали, что в их населенном пункте могут обостриться отношения между людьми различных национальностей, и в качестве основных факторов указали: «расслоение общества на богатых и бедных; безработицу; плохое материальное положение; массовую миграцию в крупные города; нагнетание обстановки неуверенности и страха, депрессивных настроений средствами массовой информации...» [7].

Мигранты Алматы в качестве основных угроз стабильности обстановки в городе назвали: «обострение социальных проблем, дороговизна жизни (30,3%); ухудшение условий жизни и труда (29,7%); ухудшение экологической обстановки (18%)» [8].

Ключевыми проблемами, которые существуют в сфере деятельности самозанятых Алматы, главными являются: «высокая конкуренция, демпинг (40,3%); нестабильность, связанная с характером деятельности (25,5%); низкая заработная плата 21%» (*Айман Жусупова. Феномен самозанятости в Казахстане как отражение специфики социально-экономического развития. Доклад ИМЭП. Алматы. 2013. URL: http://iwep.kz/files/attachments/article/2013-12-04/doklad_-_samozanyatost-na_pechat-arzygul.pdf [дата обращения: 19.08.2016]*).

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что все ключевые угрозы для обострения национальных отношений, стабильности обстановки в г. Алматы уже реализуются и процесс развивается, а ключевые проблемы самозанятых обостряются.

Информационная связанность

По словам министра А. Исекешева, количество интернет-пользователей в Казахстане выросло с 8% в 2006 г. до 68% (Портал деловых новостей Казахстана. 17.02.2016. URL: http://bnews.kz/ru/news/ekonomika/tehnologii/kolichestvo_polzovatelei_interneta_v_kazahstane_viroslo_s_8_do_68-2016_02_17-1256966 [дата обращения: 21.08.2016]). Согласно глобальному отчету по информационным технологиям за 2015 г., Казахстан занимает 1-е место в мире по уровню доступности инфокоммуникационной инфраструктуры, а по количеству подписчиков сотовой связи на 100 человек — вообще 5-е место (Глобальный отчет по информационным технологиям. Всемирный

экономический форум — 2015. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2015> [дата обращения: 21.08.2016]). По данным TNS (*А. Емельянов*. Аудитория Интернета в Казахстане. Доклад на конференции IMIX'2016. URL: http://imix.kz/upload/pdf-imix/iMIX_TNS_Emelyanov.pdf [дата обращения: 21.08.2016]), 69% пользователей используют мобильные устройства для выхода в Интернет, 19% выходят в Интернет только с мобильных устройств. Молодежь в возрасте от 15 до 24 лет больше времени проводит в Интернете, чем смотрит телевизор, для поколения 24—40 лет эти показатели практически сравнялись. Обмен мгновенными сообщениями занимает 3-е место по активности в Интернете (57%), уступая только поиску информации (63%) и электронной почте (57%). Любопытно, что в 2014 г. обмен мгновенными сообщениями занимал только 35,5% (*А. Галиев*. TNS Central Asia: Аудитория Казнета за год выросла на 13%. Computerworld Казахстан. 19.05.2014. URL: <http://www.computerworld.kz/articlekz/7149> [дата обращения: 21.08.2016]).

Важно признать, что за последние годы информационная связанность, компактность общества резко и многократно выросли. Любая острая новость мгновенно распространяется в соцсетях, мессенджерах, тиражируется в СМИ, обрастает слухами, получает неадекватно сильное значение.

Заключение

Сегодня основной угрозой национальной безопасности Казахстана является само общество.

По мнению ряда исследователей, за последнее время общество Казахстана серьезно структурировалось вокруг унифицированных приоритетов, лежащих в области материального благополучия — потребления, доходов, «стиля жизни», признаков, в целом соответствующих среднему классу или его предвестникам, вместе с этим и вырос запрос на социальную справедливость как в части распределения доходов, так и в части равенства членов общества перед законом, невзирая на статус.

Очень важным моментом является то, что группирование общества, появление нового класса «мещане», предтечи среднего класса, произошло недавно. При этом ухудшение социального самочувствия идет с 2013 г., когда внешние экономические параметры даже улучшались. С тех пор на протяжении двух лет значительно ухудшаются и объективные экономические показатели. Можно предположить, что в результате этого значительная часть «мещан» утратит настоящий статус, а утрата недавно достигнутого уровня благополучия, внезап-

ная маргинализация делает людей гораздо злее, чем просто снижение уровня жизни. По мнению Тоффлера [9], «неудовлетворенностью заражены обычно новые бедняки, чья бедность относительно недавняя. Память о лучших временах жжет их сердца. Мы меньше недовольны, когда нам не хватает многого, чем когда нам не хватает чего-нибудь одного».

Вместе с общественной консолидацией существенно выросла информационная связанность. В условиях ухудшения жизни ценностная и поведенческая концентрация, усугубленная информационной консолидацией, снижает непредсказуемость реакций даже на незначительные раздражители. Члены общества имеют возможность выплескивать личное недовольство в социальные сети, формируя и пополняя сетевой негатив, при этом они же черпают оттуда этот же негатив, заряжаясь и укрепляясь в своем недовольстве, стремительно раскручивая депрессионную спираль, морально и ментально дестабилизируясь. Важно заметить, что в Казахстане средства массовой информации попали под сильное влияние социальных сетей, либо формируя свои новостные программы от их трендов, либо напрямую тиражируя наиболее популярные (читаемые) посты и авторов — это приводит к выплеску негатива за пределы сети, тиражированию его в массовом информационном пространстве.

В такой ситуации вероятность спонтанного массового протеста возрастает значительно, причем вероятный ситуативный повод для него практически непредсказуем ни в своем содержании, ни в географии. Им может оказаться и конфликт с полицией на базаре; несправедливый с точки зрения «информационной толпы» приговор в отношении очередного «богатого бездельника» или насильника; массовая драка, преподнесенная с этническим контекстом; марш против реформ в образовании или поход пенсионеров — поводов бесконечно много. Многие члены общества ощущают «несправедливость мира», потому что благосостояние падает, но не по их вине, и готово защищать справедливость «хотя бы в малом». Механизм в принципе уже проявился на примере земельного вопроса. Некоторые группы пытались привязать к этому протесту антироссийскую, антикитайскую, националистическую и неясно, но довольно прозрачно антиправительственную риторику.

Оценка протестного потенциала общества через его готовность идти на митинги, удовлетворенность теми или иными аспектами социальной и экономической политики может вводить в заблуждение. Массовый протест скорее всего начнется не в силу стремления или желания что-то изменить принципиально, а в силу желания высказаться по какому-то ситуативному поводу, которое приведет к «эффекту толпы» и к социальному бунту, который вовлечет массовый средний класс.

Практически единственным инструментом работы с описанными выше угрозами является работа над повышением внутренней стабильности общества, формированием эффективных коммуникаций, и в основе такой работы должна лежать соответствующая информационная политика. По мнению автора, первым шагом или базой такой политики должна стать демонстрация новых принципов и подходов в социальной, экономической или информационной политике. Кардинальное изменение важно для разрыва текущей спирали самоподдерживающейся депрессии и развивающегося пока латентного протеста.

Список литературы

1. *К.П. Курылев*. Украинский кризис 2013—2014 и Арабская весна — 2011. Сходства и различия // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2014. N 4. URL: https://www.academia.edu/10621427/%D0%A3%D0%9A%D0%A0%D0%90%D0%98%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99_%D0%9A%D0%A0%D0%97%D0%98%D0%A1_2013-2014_%D0%93%D0%93_%D0%98_%D0%90%D0%A0%D0%90%D0%91%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF_%D0%92%D0%95%D0%A1%D0%9D%D0%90_2011_%D0%93_%D0%A1%D0%A5%D0%9E%D0%94%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E_%D0%98_%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%9B%D0%98%D0%A7%D0%98%D0%95_Ukrainian_Crisis_of_2013-2014_and_Arab_Spring_of_2011_Common_and_Different_-_Article_in_Russian (дата обращения: 10.08.2016); *Kateryna Pishchikova and Olesia Ogryzko*. Civic awakening: The impact of Euromaidan on Ukraine's politics and society. *Fride* N 124, July 2014. URL: http://fride.org/download/WP_124_Civic_awakening.pdf (дата обращения: 10.08.2016); *Nadya Diuk*. Euromaidan: Ukraine's Self-Organizing Revolution. *World Affairs*. March/April. URL: 2014. <http://www.worldaffairsjournal.org/article/editor%E2%80%99s-introduction-10> (дата обращения: 10.08.2016).
2. *К.П. Курылев*. Указ. соч.
3. *Чэнь Ди*. Социальные сети и их влияние на события в арабских государствах (2010—2013) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 4. С. 189—194. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1431593535_6157.pdf (дата обращения: 12.08.2016).
4. *Tetyana Bohdanova*. Unexpected Revolution: The Role of Social Media in Ukraine's Euromaidan Uprising. *European View*. June 2014. Volume 13. Issue 1. Pp. 133—142. URL: https://www.academia.edu/17559473/Unexpected_Revolution_The_Role_of_Social_Media_in_Ukraine_s_Euromaidan_Uprising (дата обращения: 12.08.2016).
5. *Кусаинов А.М.* Экономика Казахстана. Мифы и реальность. Новая экономическая политика. Информационное пространство. Национальная идея. Алматы, 2016.
6. *Ю. Булуктаев, М. Нурғалиева*. Внутренняя миграция в г. Алматы: влияние на социоконфликтный потенциал // Казахстан-Спектр. N 1. 2016. С. 83—99.
7. *Курганская В.Д., Дунаев В.Ю.* Проблемы формирования гражданской общности в Казахстане // Казахстан-Спектр. N 3. 2015. С. 65—74.
8. *Ю. Булуктаев, М. Нурғалиева*. Внутренняя миграция в г. Алматы: влияние на социоконфликтный потенциал...
9. *Хоффер Эрик*. Истинноверующий. Личность, власть и массовые общественные движения. Альпина Бизнес Букс (Юнайтед Пресс). 2004. 208 с.

ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНТЕНТА

Канат Сахариянов

Генеральный директор Акционерного общества «КТК»,
Мастер делового администрирования (MBA, HEC, France)

Аннотация. Одним из вызовов информационной безопасности Казахстана является рост конкурентного давления на мировом рынке контента. В то же время открытость казахстанского национального информационного пространства, присутствие в информационном поле значительного количества зарубежных средств массовой информации в совокупности с длительным отсутствием внимания к данной сфере способствовали формированию проблемы «неконкурентоспособности отечественного контента». Действующая в настоящий момент в Казахстане система мер, направленных на повышение конкурентоспособности отечественного контента, включает в себя меры, направленные на оптимизацию нормативно-правовой базы, регулирующей медиа-сферу, организационно-техническую поддержку отечественных СМИ и протекционистские меры со стороны государства в финансовой сфере. В статье анализируется практическое наполнение данных мер.

Ключевые слова: телевидение, конкурентоспособность, телевизионный контент, модернизация медиа, инвестиции.

ОТАНДЫҚ МАЗМҰННЫҢ БӘСЕКЕГЕ ҚАБІЛЕТТІЛІГІН АРТТЫРУДЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ТЕТІКТЕРІ

Канат Сахариянов

Андатпа. Қазақстанның ақпараттық қауіпсіздігінің негізгі қатерлерінің бірі ретінде мазмұнның әлемдік нарықтағы бәсекелестік қысымның өсуін атауға болады. Сонымен бірге, қазақстандық ақпараттық кеңістіктің ашықтығы, ақпараттық алаңдағы шетелдік бұқаралық ақпарат құралдарының айтарлықтай ауқымды көлемде таралуы мен бұл салаға ұзақ уақыт бойы назар аударылмаудың соңы «отандық мазмұнның бәсекеге қабілетсіздігі» мәселесін туындатты. Қазіргі таңда Қазақстанда отандық мазмұнның бәсекеге қабілеттілігін арттыруға бағытталған

шаралар қатарына медиа-саланы реттейтін нормативтік-құқықтық негізді оңтайландыру, отандық БАҚ ұйымдастыру-техникалық қолдау және қаржы саласындағы мемлекет тарапынан көрсетілетін протекционистік шаралар жатады. Мақалада аталған шараларды нақты толықтыру мәселелері қарастырылған.

Түйінді сөздер: теледидар, бәсекеге қабілеттілік, теледидар мазмұны, бұқаралық ақпарат құралдарын жаңғырту, инвестициялар.

CHALLENGES AND MECHANISMS TO BOOST COMPETITIVENESS OF DOMESTICALLY PRODUCED CONTENT

Kanat Sakhariyanov

Abstract. One of the challenges of the information security for Kazakhstan is the increase of the competitive pressure in the global market of content. At the same time, the openness of the Kazakhstan national information space and the presence of a significant number of foreign media in the information field together with the fact that this problem has been overlooked contributed to the “poor competitiveness of the domestic content”. The system of the measures being implemented in Kazakhstan today is aimed at improving the competitiveness of the domestic content and includes the measures aimed at optimizing the regulatory framework governing the media sector, organizational and technical support to the domestic media, and protectionism on the part of the government in the financial sector. The author of the article analyzes the practical implications of these measures.

Key words: television, competitiveness, television content, modernization of media, investments.

Введение

В 2016 г. истекает срок действия Концепции информационной безопасности Республики Казахстан. Одним из вызовов, на который в тексте Концепции обращается внимание, является рост конкурентного давления на мировом рынке контента. В то же время открытость казахстанского национального информационного пространства, а также высокий уровень востребованности зарубежных средств массовой информации формируют ряд угроз информационной безопасности РК. В качестве угроз выделяется возможность «навязывания идей, противоречащих национальным интересам», «создание определенного информационного фона, искусственно поддерживаемого путем манипулирования информацией или ее тенденциозным комментированием», и т.п. Одной из причин сложившейся ситуации является до сих пор нерешенная «проблема неконкурентоспособности отечественного контента» (Концепция информационной безопасности Республики Казахстан до

2016 г. URL: <http://knb.kz/ru/legal/article.htm?id=10322131@cmsArticle> [дата обращения: 20.06. 2016]).

В этой связи актуализируется вопрос о том, какие меры предпринимаются Казахстаном в целях повышения конкурентоспособности отечественного контента.

Принимая во внимание общемировые тенденции снижения значимости печатных СМИ и радио, с одной стороны, и сохраняющийся высокий уровень востребованности среди казахстанцев телевидения, с другой стороны, логичным представляется сфокусировать внимание непосредственно на казахстанской телевизионной отрасли¹.

Методология

Методологически автор опирается на ряд теорий информационного общества, в частности, можно выделить М. Кастельса с теорией информационного капитализма, М. Пайора и Ч. Сайбла с теорией гибкой специализации, Ж. Бодрийяра с теорией постмодернизма [1, 2, 3].

Несмотря на значимую роль, которую телевидение играет в жизни казахстанцев, крупных научных исследований, посвященных вопросам развития телевидения, проблем и перспектив телевизионной отрасли крайне мало. В частности, фиксируется дефицит исследований, касающихся менеджмента телевизионной отрасли. Среди авторов, занимающихся этой темой, можно отметить А. Жусупову [4]. Вопросы телевизионной отрасли казахстанскими авторами рассматриваются, как правило, сквозь призму теорий журналистики. Среди казахстанских исследователей масс-медиа, и в частности телевидения, следует выделить С. Барлыбаеву и Г. Ибраеву [5, 6]. В основной массе вопросы повышения востребованности отечественного телевизионного контента обсуждаются в рамках общественно-политического дискурса и не являются предметом научных дискуссий.

Результаты исследования

Сложившаяся ситуация на рынке отечественного контента характеризуется низким уровнем популярности отечественной информационной продукции, недостаточным качеством производимого информационного продукта и отсутствием развитых практик инвестирования в процесс производства отечественного контента. Очевидно, что проблема формируется под воздействием целого ряда как объективных, так и субъективных факторов. Однако системообразующую роль играют два фактора.

¹ Граждане Казахстана тратят ежедневно на просмотр телевизора 205 минут, для сравнения, тройку мировых лидеров временных затрат на просмотр телеконтента составляют США (282 мин.), Япония (264 мин.) и Италия (262 мин.).

Во-первых, с первых дней существования Республики Казахстан информационное пространство страны было открытым для иностранных масс-медиа. В частности, сегодня на территории Казахстана официально зарегистрировано 111 отечественных каналов, из которых 24 имеют статус общереспубликанских, а 87 — региональных (Реестр отечественных телеканалов (2015). Министерство по инвестициям и развитию РК. Комитет связи информатизации и информации. URL: http://info-con.mid.gov.kz/sites/default/.../reestr_otechestvennyh_telekanalov_0.doc [дата обращения: 10.03.2016]). В то же время на территории Казахстана распространяют свою продукцию 254 иностранных телеканала (Реестр иностранных теле-, радиоканалов, поставленных на учет и распространяемых на территории Республики Казахстан (2015). Министерство по инвестициям и развитию РК. Комитет связи информатизации и информации. URL: <http://info-con.mid.gov.kz/ru/pages/reestr-inostrannyh-tele-radiokanalov-postavlennyh-na-uchet-i-rasprostranyaemyh-na-territorii> [дата обращения: 10.03.2016]).

Во-вторых, недостаточно емкий потребительский рынок. Свободный доступ казахстанцев к зарубежным телевизионным каналам сформировал высокий уровень требований к качеству потребляемого контента как в отношении содержания, так и в отношении исполнения. Изготовление контента высокого качества требует крупных финансовых вложений, что, в свою очередь, предполагает получение адекватной затратам прибыли от трансляции информационного продукта. В то же время, по заявлению генерального директора «31 канала» Б. Кожахметова, казахстанским телеканалам, чтобы окупить собственный сериал, необходимо показать его «по меньшей мере десять раз» (Руководители отечественных телеканалов ратуют за ограничение иностранного контента. URL: <http://www.kursiv.kz/news/obshestvo/rukovoditeli-otechestvennyh-telekanalov-ratuut-za-ogranichenie-inostrannogo-kontenta> [дата обращения: 23.10.2015]). Очевидно, что ориентация на такой экстенсивный формат не позволит решить задачу повышения востребованности отечественного информационного продукта и не будет способствовать росту инвестиций в телеиндустрию.

На уровне медиа-практиков в качестве выхода из сложившейся ситуации активно обсуждалась возможность ограничения ретрансляции зарубежных телеканалов на территории Казахстана (Руководители отечественных телеканалов ратуют за ограничение иностранного контента...). Продвижение этой идеи происходило на фоне политизации вопроса. В подкрепление предлагаемой модели регулирования информационного пространства выдвигался тезис «Кто не кормит свои СМИ — кормит СМИ чужой страны» (Кто не кормит свои СМИ — кормит СМИ чужой страны. URL: <http://>

forbes.kz/massmedia/tot_kto_ne_kormit_svoyu_armiyu_smi_kormit_armiyu_smi_chujoy_strany [дата обращения: 15.12.2014]). Однако проникновение Интернета в Казахстане на уровне выше 75% (Официальная статистическая информация. Информационно-коммуникативные технологии. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersInformationSociety?_afzLoop=3211694419026896#%40%3F_afzLoop%3D3211694419026896%26_adf.ctrl-state%3D1b7t9pp5da_38 [дата обращения: 10.03.2016]) делает данный подход неэффективным. С большей степенью уверенности можно было бы ожидать снижения уровня востребованности самого телевидения в стране.

В результате широкой дискуссии, развернувшейся в стране по вопросу о механизмах поддержки отечественным производителем информационного продукта, был выработан ряд практических мер.

Стратегическая задача — модернизация СМИ

Первым шагом стало формирование стратегического видения развития казахстанской медиа-сферы. Перспективы развития казахстанского медиа-сегмента отражены в ряде программных документов, основополагающее значение среди которых играет Государственная программа «Информационный Казахстан — 2020» (Государственная программа «Информационный Казахстан — 2020». URL: http://mir.gov.kz/sites/default/files/txt,%20pdf.../akparatty_kazakstan-2020.rus_.docx [дата обращения: 03.02.2015]). В соответствии с положениями данной программы основной задачей отечественной медиа-отрасли является ее модернизация. Одним из главных конкурентов казахстанских медиа Программа определяет зарубежные средства массовой информации. В соответствии с текстом Программы государство приняло на себя ряд обязательств по созданию условий, приемлемых для поступательного развития собственной медиа-индустрии.

Среди таких условий можно назвать формирование материально-технической базы, например, с конца 2010 г. функционирует национальная спутниковая система. Другим примером является создание в 2012 г. Телерадиокомплекса «Қазмедиа орталығы», представляющего собой уникальную бизнес-модель для казахстанского рынка. Задачами Телерадиокомплекса являются: во-первых, обеспечение качественного и бесперебойного вещания телерадиоканалов, во-вторых, создание необходимых и комфортных условий для технического, административного и творческого персонала, в-третьих, создание инфраструктуры для всего медийного рынка Казахстана, в том числе и частного (Галеев А. Телерадиокомплексу «Қазмедиа орталығы» исполняется 4 года! Интервью с первым генеральным директором Қазмедиа орталығы К. Сахарияновым. URL: <http://www.ktk.kz/ru/blog/article/2016/05/27/69677> [дата обращения: 27.05.2016]).

Основные целевые индикаторы, касающиеся телевизионной отрасли, предполагают достижение следующих показателей:

- в 2017 г. охват территории республики цифровым телерадиовещанием должен составить 100%;
- в 2017 г. число абонентов национальной спутниковой сети должно достигнуть 700 тыс. абонентов, а в 2020 г. — 1 млн абонентов;
- к 2017 г. 45 отечественных телеканалов должны быть доступными на всей территории страны;
- география распространения казахстанских телевизионных каналов должна включать в 2017 г. 100 зарубежных стран, а в 2020 г. — 110 стран;
- половина (50%) всех казахстанских СМИ должна быть представлена в Интернете к 2017 г., в 2020 г. этот показатель должен составить 80%;
- востребованность отечественных СМИ в контексте удовлетворения населением информационных потребностей должна составить в 2017 г. 64%, в 2020 г. — 70%;
- в 2017 г. обеспечить увеличение объема рекламных средств, привлекаемых государственными СМИ, по сравнению с 2012 г. на 35%, а в 2020 г. — на 50%.

Ряд обозначенных цифровых индикаторов уже достигнут в 2014 г. В частности, география трансляции казахстанских телеканалов в 2014 г. достигла 118 стран. Достижение результата явилось следствием активизации деятельности телеканала «Kazakhtv». Кроме того, 94% казахстанских СМИ представлены в Интернете. Государственные медиапредприятия к 2014 г. разработали по два мобильных приложения на системы Android и IOS (Отчет о реализации Плана мероприятий по реализации государственной программы «Информационный Казахстан — 2020» на 2013—2017 годы (первый этап) за 2014 год. URL: http://info-con.mid.gov.kz/sites/default/files/otchet_po_ik-2020.docx [дата обращения: 05.06.2015]).

Дальнейшее обновление технической базы казахстанских средств массовой информации предполагает переход всего эфирного телевидения на цифровой формат. Успешный опыт работы первых четырех лет «Қазмедиа орталығы» позволяет ставить задачи дальнейшего расширения его производственной структуры, а также создания на его базе цифрового архива золотого фонда государственных телеканалов. Немаловажным представляется переход казахстанских телеканалов на современные технологии изготовления продукции, в частности переход на технологии безленточного производства.

Государство ставит также перед собой задачу оказать поддержку отечественным телеканалам в расширении их онлайн-присутствия в Интернете, что предполагает, с одной стороны, проведение информационной кампании по популяризации интернет-версий телепродукции, а с дру-

гой стороны, оказание помощи в разработке мобильных приложений к уже существующим версиям. При этом следует обратить внимание на то, что указанные меры поддержки и стимулирования развития онлайн-активности распространяются не только на государственные, но и на негосударственные телеканалы.

Одной из актуальных задач, стоящих перед государством в рамках управления государственными телеканалами, является повышение уровня стратегического планирования. В частности, телеканалам рекомендуется трансформировать действующие модели управления медиа-предприятиями. Возможными мерами могут стать, во-первых, пересмотр и оптимизация штатного расписания государственных телеканалов и введение в их структуру интернет-редакций. Во-вторых, развитие практик брендинга телепродукта, его анонсирования с использованием различных способов доставки информации, в том числе мобильных. В-третьих, рост значимости процесса продвижения отечественного контента на потребительский рынок. В-четвертых, усиление маркетинговой составляющей в работе государственных телеканалов и ориентация при формировании сетки вещания в первую очередь на потребности аудитории телеканалов. В-пятых, подписание и продление трудовых контрактов с руководством государственных телеканалов должно находиться в прямой зависимости от результатов проделанной ранее на телеканале работы и эффективности предпринятых усилий в плане расширения аудитории, повышение удовлетворенности телезрителей и т.д.

Экономическая составляющая

Реализация ряда поставленных в Программе «Информационный Казахстан — 2020» задач, касающихся непосредственно телевизионной отрасли, напрямую зависит от экономической составляющей казахстанского телевидения. Основными статьями доходов казахстанских телеканалов являются государственный заказ, размещение рекламы и абонентская плата. Анализ мировой практики функционирования организаций телевидения показывает, что телеканалы получают значимую долю доходов за счет продажи собственного контента другим ретрансляторам. В Казахстане данный вид получения доходов не получил своего должного развития. Кроме того, телевизионная отрасль за рубежом развивается и за счет привлечения внешних инвестиций, что также не характерно для Казахстана.

Казахстанское телевидение с точки зрения привлечения инвестиций испытывает на себе воздействие ряда позитивно и негативно влияющих факторов. Среди факторов, повышающих инвестиционную привлекательность телевизионной отрасли, можно выделить следующие:

- среда, в которой функционируют казахстанские СМИ, имеет конкурентный характер;
- казахстанская медиа-отрасль активно модернизируется;
- телевидение в Казахстане продолжает удерживать лидирующие позиции по востребованности населением среди всех СМИ;
- наиболее востребованными среди жанровых тематик являются «телесериалы», «развлекательные программы», а также «художественные фильмы». Мировая практика показывает, что именно телесериалы являются наиболее перспективной телевизионной продукцией с точки зрения инвестирования. Привлекательность телесериалов определяется также и развитием технологий превращения самого телепродукта в рекламный инструмент;
- наличие квалифицированных кадров в сфере телеиндустрии при относительно низкой заработной плате.

В то же время можно выделить ряд факторов, которые формируют определенные риски для иностранных инвесторов.

Согласно данным компании EY, действующие в Казахстане инвесторы обращают внимание на следующие области, требующие улучшения (Исследование инвестиционной привлекательности Казахстана. URL: <http://www.ey.com/KZ/ru/Issues/Business-environment/EY-Kazakhstan-attractiveness-survey-2014#.V4qAjPmLTZ5> [дата обращения: 17.07.2016]):

- недостаточно развитая транспортно-логистическая инфраструктура страны;
- несмотря на высокий уровень политической стабильности, Казахстан сталкивается с такими проблемами, как коррупция и бюрократия;
- недостаточная емкость потребительского рынка.

Как уже ранее отмечалось, казахстанские сериалы уступают конкурентам, потому что отечественные каналы не могут окупить расходы на производство качественного сериала. Сравнение затрат на производство телесериалов показывает, что себестоимость одной серии американского телесериала в 350 раз превышает себестоимость казахстанского продукта (Как завоевать казахстанского телезрителя? URL: http://forbes.kz/life/afisha/kak_zavoevat_kazahstanskogo_telezritelya [дата обращения: 20.05.2016]). В то же время дешевизна иностранных сериалов на казахстанском рынке объясняется тем, что продажа сериалов казахстанским телеканалам для производителей является бонусом после получения основных сборов на территории других стран. Для того чтобы исправить ситуацию, казахстанские медиа-практики предлагают механизм привлечения иностранных инвесторов с целью создания качественного телепродукта, ориентированного на экспорт. Основная прибыль в этом случае будет поступать от продаж казахстанских теле-

сериалов зарубежным телеканалам или агрегаторам развлекательного контента в Интернете (Как завоевать казахстанского телезрителя?..).

Мерой системного характера стало принятие в конце 2015 г. поправок в Закон РК «О телерадиовещании». В соответствии с поправками, внесенными в закон, в Казахстане вступает в силу запрет на рекламу в ретранслируемых телеканалах (Закон Республики Казахстан от 18 января 2012 года N 545-IV «О телерадиовещании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2015 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31114820 [дата обращения: 11.02.2016]).

Новая редакция закона в первую очередь затрагивает интересы рекламодателей, операторов кабельных сетей, медийных агентств и телеканалов. Основной задачей введения поправок в законодательство являлось сокращение оттока рекламных средств за пределы страны и перенаправление финансовых потоков, циркулирующих в рекламном сегменте в сторону казахстанского телевидения. Мнения экспертов относительно эффективности предпринятых мер разделились и во многом зависят от аффилированности непосредственно самих экспертов. Так, представители кабельных операторов предполагают, что очевидных выгод от нововведений для медиа-рынка не видно. Зарубежные телеканалы не готовы пойти на трансляцию очищенного от рекламы сигнала отдельно на Казахстан. Кроме того, практическая реализация нормы закона будет являться дорогостоящей процедурой. Существуют также риски, что рекламодатели не уйдут на казахстанские телеканалы, а выберут другой медийный канал, например Интернет. Этот вывод следует из опыта, полученного в свое время в России и на Украине.

Представители ряда общественных специализированных организаций высказались в пользу мнения, что перевод рекламных потоков на казахстанские телеканалы будет осуществлен только в случае реального улучшения распространяемого ими контента. Представители различных медиа-агентств также выразили скепсис в отношении принятой нормы. С большей вероятностью следует ожидать замораживания рекламной активности со стороны национальных рекламодателей. В общей сложности медиа-агентства располагают порядка 120 типами медиа, на которых можно размещать рекламу, не фокусируясь на телеканалах.

Что касается иностранных рекламодателей, то предполагалось, что, лишившись привычного, соответствующего требуемым стандартам качества спектра телеканалов, они окажутся в малознакомой медиа-среде. Логично предположить, что в ближайшем будущем иностранные рекламодатели будут вынуждены провести масштабную аналитическую работу по изучению целесообразности размещения своих заказов на казахстанских телеканалах (Хе Д. Запрет на рекламу в кабельных теле-

каналах: как изменится рекламный рынок Казахстана. URL: <http://grp.kz/zapret-na-reklamu-v-kabelnyih-telekanalah-kak-izmenitsya-reklamnyiy-rynok-kazahstana> [дата обращения: 20.11.2015]). В то же время сами рекламодатели не отрицали возможности увеличения рекламных бюджетов на казахстанском телевидении. Можно предположить, что проявляемый скепсис явился результатом наблюдаемого спада рекламных бюджетов в 2015 г. В то же время наблюдавшееся в 2015 г. сокращение рынка рекламы в медиа на 11% явилось объективно сформированным трендом, связанным с оптимизацией бюджетов крупных рекламодателей. Речь идет о компаниях FMCG-сектора, операторах сотовой связи, участниках рынка бытовой техники, ретейлерах — всех тех, у кого традиционно лидирующие затраты на рекламу. При этом лидером медиазатрат остается телевидение — более 60% рекламных бюджетов.

Оценить эффективность нормы закона с точки зрения ее воздействия на повышение уровня доходов телевизионных каналов и, следовательно, рост вложений в повышение конкурентоспособности отечественного телевизионного контента пока не представляется возможным по причине непродолжительности срока действия поправок.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, действующая система мер, направленных на повышение конкурентоспособности отечественного контента, включает в себя:

- меры, направленные на оптимизацию нормативно-правовой базы, регулирующей сферу медиа;
- меры, направленные на организационно-техническую поддержку отечественных СМИ;
- протекционистские меры со стороны государства в финансовой сфере.

Во-вторых, учитывая данные различных социологических замеров, можно констатировать, что задачу по обеспечению высокого уровня конкурентоспособности и востребованности отечественного телевизионного контента решить до сих пор не удалось. Основным телевизионным продуктом, обеспечивающим имеющийся уровень востребованности отечественных телеканалов, являются новости. Тем не менее отмечается как количественный, так и качественный рост казахстанских телесериалов и развлекательных шоу.

В-третьих, проблема низкой конкурентоспособности отечественного телевизионного контента является следствием длительного отсутствия внимания к институту стратегического планирования как на уровне всей казахстанской медиа-сферы, так и на уровне отдельно взятых телеканалов.

В-четвертых, в контексте рассматриваемой проблематики очевиден дефицит научно-обоснованных предложений и решений.

В-пятых, казахстанская медиа-отрасль, в том числе и ее телевизионный сегмент, при решении задач, связанных с модернизацией и монетизацией, демонстрирует высокий уровень ожидания протекционизма со стороны государства. В целом приходится признать, что угрозы, связанные с присутствием иностранных телеканалов в казахстанском информационном пространстве, излишне раздуты.

В-шестых, востребованность отечественного телевизионного контента будет постепенно возрастать с увеличением доли казахоговорящих граждан. Основной массив потребителей казахстанского контента на казахском языке — это молодые люди, следовательно, особое внимание необходимо уделять разработке телевизионного продукта познавательного характера на казахском языке.

Список литературы

1. *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц, Жуковский: Кучково поле, 2003. 464 с.
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 606 с.
3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 96 с.
4. *Жусулова А.* Творческий информационный менеджмент: уроки тележурналистики. Костанай: New line media, 2014. 160 с.
5. *Барлыбаева С.* Телевидение в мире и в Казахстане. Алматы: Қазақ университеті, 2007. 178 с.
6. *Ибраева Г.* Mass Media Казахстана в политической структуре общества. Алматы: КазГУ, 2000. 187 с.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Аружан Джусибалиева

Старший преподаватель Казахского агротехнического университета (КАТУ) им. С. Сейфуллина,
кандидат экономических наук

Аннотация. Целью научного исследования является обоснование роли и значения продовольственной безопасности в реализации аграрной политики РК. В статье исследованы актуальные вопросы продовольственной безопасности и продовольственной независимости Казахстана в контексте государственного регулирования агропромышленного комплекса и аграрной политики в целом. При подготовке статьи были использованы метод научной абстракции, метод экономического анализа и синтеза, статистический метод, макроэкономический метод.

Автором был проведен анализ экономических данных по продовольственной независимости в стране по основным видам продовольствия. В статье представлены необходимые статистические данные по обеспеченности внутреннего рынка за счет отечественного производства, приведен обзор мониторинга состояния продовольственной безопасности РК за 2015 г.

Основные выводы и предложения научной статьи базируются на законах Республики Казахстан в области регулирования продовольственной безопасности, а также на материалах Государственной программы развития АПК в Республике Казахстан на 2013—2020 гг. «Агробизнес-2020».

Проведенный анализ теоретических и практических материалов позволил определить основные меры, способствующие ликвидации внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности.

Наряду с этим, автором уделяется большое внимание актуальным вопросам развития приоритетных отраслей АПК и сельского хозяйства Казахстана, а также обоснованию методов и направлений повышения конкурентоспособности аграрной продукции и аграрного производства в целях обеспечения продовольственной безопасности страны в целом.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственный рынок, экономическая безопасность, продовольственная независимость, уровень питания населения, экспорт продуктов питания, импорт продуктов питания, экономическая

доступность, физическая доступность, доля отечественного производства, мониторинг.

АГРАРЛЫҚ САЯСАТТЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДАҒЫ АЗЫҚ-ТҮЛІК ҚАУІПСІЗДІГІНІҢ РӨЛІ ЖӘНЕ МАҢЫЗЫ

Аружан Джусибалиева

Андатпа. Ғылыми зерттеудің мақсаты — Қазақстандағы аграрлық саясатты жүзеге асырудағы азық-түлік қауіпсіздігінің мәні мен маңыздылығын негіздеу болып табылады. Мақалада агроөнеркәсіп кешенді мемлекеттік реттеу және аграрлық саясат барысындағы Қазақстанның азық-түлік қауіпсіздігі мен азық-түлік тәуелсіздігі жөніндегі өзекті мәселелер зерттелген.

Мақаланы дайындау кезінде келесі ғылыми әдістер қолданылды: ғылыми абстракция әдісі, экономикалық талдау және синтез әдістері, статистикалық әдіс және макроэкономикалық әдістер. Автор елдегі азық-түлік тәуелсіздігіне азық-түліктің негізгі түрлері бойынша талдау жасаған. Мақалада ішкі нарықты отандық азық-түлік өндірісі есебінен қамтамасыз етуге қатысты статистикалық мәліметтер көрсетілді, және Қазақстанның 2015 жылғы азық-түлік қауіпсіздігі жағдайы бойынша мониторингке шолу жасалды.

Ғылыми мақаладағы негізгі қорытындылар мен ұсыныстар азық-түлік қауіпсіздігін мемлекеттік реттеу саласындағы Қазақстан Республикасының Заңдарына және 2013—2020 жылдарға арналған Қазақстан Республикасында агроөнеркәсіптік кешенді реттеу «Агробизнес-2020» Мемлекеттік бағдарламасына негізделген.

Теориялық және тәжірибелік мәліметтерді талдау азық-түлік қауіпсіздігінің ішкі және сыртқы қауіп-қатерлерін жоюға ықпал ететін негізгі шараларын анықтауға мүмкіндік берді.

Сонымен қатар мақалада Қазақстанның агроөнеркәсіп саласының және ауыл шаруашылығының дамуындағы басым бағыттары бойынша өзекті сұрақтарға үлкен назар аударылады. Жалпы, елдің азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету мақсатында аграрлық өндірістің және аграрлық өнімдердің бәсекеге қабілеттілігін арттырудағы әдістер мен бағыттары негізделген.

***Түйінді сөздер:** азық-түлік қауіпсіздігі, азық-түлік нарығы, экономикалық қауіпсіздік, азық-түлік тәуелсіздігі, халықтың тамақтану деңгейі, азық-түлік өнімдерінің экспорты, азық-түлік өнімдерінің импорты, экономикалық қолжетімділік, табиғи қолжетімділік, отандық өндірістің үлесі, мониторинг.*

ROLE AND SIGNIFICANCE OF FOOD SECURITY IN AGRICULTURAL POLICY

Aruzhan Dzhusibalieva

Abstract. The article is focused on the role and significance of food security in the implementation of the agricultural policy of Kazakhstan. The article, based on economic analysis and macroeconomic approach as well as synthesis and statistical

methods, explores the current issues of food security and sufficiency of Kazakhstan in the context of the regulation of agriculture and agricultural policy.

The author analyzes the data on the sufficiency of Kazakhstan in terms of the main types of food and domestic production and demand. The article provides an overview of the monitoring of the food security of Kazakhstan in 2015. The main conclusions and recommendations are based on the laws of the Republic of Kazakhstan relevant to food security as well as the “Agribusiness-2020”: State Program of Development of Agrarian Industry in the Republic of Kazakhstan.

The analysis allowed offering the key measures to eliminate the internal and external threats to food security and identifying the most pressing issues in the priority sectors of agribusiness and agriculture as well as the methods to increase their competitiveness to maintain food security as a whole.

Key words: *food security, food market, economic security, food sufficiency, nutrition level, food export, food import, affordability, accessibility, share of domestic production, monitoring.*

Введение

Продовольственная безопасность Республики Казахстан является одним из главных условий обеспечения национальной безопасности страны и формирования сильного государства, его успешного долгосрочного развития и экономического роста.

В Послании Президента Республики Казахстан — Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» — новый политический курс состоявшегося государства» угроза глобальной продовольственной безопасности определена в числе десяти глобальных вызовов XXI в. для Республики Казахстан (*Назарбаев Н.А. Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства // Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Астана: Елорда, 14 декабря 2012 года.*)

Вопрос продовольственной безопасности Казахстана приобретает особую актуальность в условиях интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе и Всемирной торговой организации, а также в силу взаимных экономических санкций Российской Федерации и основных западных стран.

Обеспечение продовольственной безопасности как элемента национальной безопасности на законодательном уровне закреплено в Законе Республики Казахстан от 6 января 2012 г. «О национальной безопасности Республики Казахстан».

В статье 22 «Обеспечение экономической безопасности» Закона РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 г. N 527-IV ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию

на 06.04.2016 г.) прописано, что экономическая безопасность включает в себя финансовую, продовольственную, энергетическую и транспортную безопасность.

В этой статье дается определение *продовольственной безопасности*, предусматривающей состояние защищенности экономики, в том числе агропромышленного комплекса, при котором государство способно *обеспечить физическую и экономическую доступность* населению качественных и безопасных продовольственных товаров, достаточных для удовлетворения физиологических норм потребления и демографического роста.

Продовольственная безопасность — это такое состояние экономики, в том числе ее агропромышленного комплекса, при котором становится возможным стабильное обеспечение за счет собственного производства основными видами продовольствия всего населения страны при обязательном приоритете наиболее уязвимых, малоимущих его слоев и при условии физической и экономической доступности продуктов питания в таком количестве и качестве, которые необходимы для сохранения и поддержания жизни и дееспособности людей, полной и максимально возможной независимости государства от внешних источников продовольствия.

Закон РК «О государственном регулировании развития АПК и сельских территорий» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.) (далее — Закон) был дополнен главой 3-1 «Государственное регулирование обеспечения продовольственной безопасности» в соответствии с Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам продовольственной безопасности» от 11.12.09 года N 229-IV (Закон РК «О государственном регулировании развития АПК и сельских территорий» от 8 июля 2005 года N 66-III ЗРК [с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.]).

При этом в соответствии со статьей 19-1 Закона критериями обеспечения продовольственной безопасности являются:

- 1) физическая доступность продовольственных товаров;
- 2) экономическая доступность продовольственных товаров;
- 3) гарантия безопасности пищевой продукции.

Необходимо отметить, что *физическая доступность* продовольственных товаров определяет наличие продовольственных товаров на всей территории республики в каждый момент времени и в необходимом ассортименте.

Экономическая доступность продовольственных товаров обеспечивается ростом уровня доходов населения, который позволяет гражданину приобретать продукты питания, по крайней мере, на минимальном уровне потребления независимо от социального статуса и места жительства.

Гарантия безопасности пищевой продукции — это отсутствие недопустимого риска во всех процессах (на стадиях) разработки (создания), производства (изготовления), оборота, утилизации и уничтожения пищевой продукции, связанного с причинением вреда жизни и здоровью человека и нарушением законных интересов потребителей с учетом сочетания вероятности реализации опасного фактора и степени тяжести его последствий.

В качестве основных задач государственного регулирования АПК выделяются: развитие агропромышленного производства, обеспечение продовольственной безопасности, регулирование рынков и поддержание экономического паритета между сельским хозяйством и другими отраслями экономики, создание эффективной системы управления аграрным сектором экономики и реализация единой научно-технической политики в секторе, защита отечественных товаропроизводителей и др.

Основной целью устойчивого развития АПК является обеспечение населения продуктами питания, промышленности — сельскохозяйственным сырьем, сохранение продовольственной безопасности страны (*Джусибалиева А.К.* Аграрная политика: Учебное пособие [для магистрантов специальности 6М050700 — «Менеджмент»]. Астана: КАТУ им. С. Сейфуллина, 2016).

Согласно Закону, продовольственная безопасность обеспечивается путем:

- 1) формирования и использования региональных стабилизационных фондов продовольственных товаров в соответствии с правилами формирования и использования региональных стабилизационных фондов продовольственных товаров;
- 2) мониторинга уровня обеспечения продовольственной безопасности;
- 3) исключения закупа в региональные стабилизационные фонды продовольственных товаров генетически модифицированных пищевых продуктов, продовольственных товаров, содержащих генетически модифицированные организмы (Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам продовольственной безопасности» от 11 декабря 2009 года N 229-IV ЗРК).

Ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности играют меры государства, направленные, во-первых, на обеспечение роста реальных доходов населения, повышение его жизненного уровня; во-вторых, на устойчивое развитие и функционирование агропродовольственного сектора экономики страны; в-третьих, на эффективное регулирование внешней торговли сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием, и прежде всего их импорта, с целью защиты

внутреннего продовольственного рынка, экономических интересов отечественных товаропроизводителей от недобросовестной конкуренции.

Улучшению продовольственной безопасности будет способствовать проведение мониторинга аграрной сферы экономики с использованием критериев продовольственной безопасности не только в стране, но и в отдельных регионах, кадровое обеспечение АПК, без чего невозможно инновационное развитие и повышение конкурентоспособности сельского хозяйства.

Методы и результаты исследования

Согласно статье 19-2 Закона РК «О государственном регулировании развития АПК и сельских территорий» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.), мониторинг состояния продовольственной безопасности проводится в отношении:

- 1) объема производства продовольственных товаров, их товародвижения и наличия запасов;
- 2) формирования, наличия и использования региональных стабилизационных фондов продовольственных товаров;
- 3) формирования государственных ресурсов зерна;
- 4) цен на социально значимые продовольственные товары (Закон РК «О государственном регулировании развития АПК и сельских территорий»...).

Как считают ученые аграрной сферы, важнейшим элементом проведения государственной политики, служащим обеспечению продовольственной безопасности, является регулирование продовольственных рынков путем закупок продукции и продовольственных интервенций.

Внешнеэкономическая направленность государственной политики в сфере продовольственной безопасности заключается в эффективной реализации международного разделения труда в продовольственной сфере при недопущении критической зависимости от импорта продовольствия.

При установлении критериев состояния национальной продовольственной безопасности необходимо учитывать, что они должны характеризовать уровень удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, а также степень устойчивости продовольственного обеспечения страны.

Для оценки уровня обеспеченности населения страны продовольствием целесообразно использовать следующие критерии (*Джусибалиева А.К.* Указ. соч.):

- производство 80—85% общего объема продуктов питания отечественными товаропроизводителями;

- потребление населением продуктов питания с оптимальным уровнем калорийности (2353 ккал в сутки);
- соответствие качества продуктов питания требованиям технических регламентов;
- обеспечение рациональной структуры питания и полное удовлетворение потребностей населения в соответствии с физиологически обоснованными нормами;
- создание восполняемого страхового запаса продовольствия на уровне 25% от годового объема потребления продуктов питания;
- наличие реальной возможности удовлетворения потребности в продуктах питания, не выпускаемых внутри страны или выпускаемых в недостаточных количествах, за счет импорта;
- производство на душу населения не менее 1 т зерна.

В материалах пресс-релиза МСХ РК «О реализации программы «Агробизнес-2020» и продовольственной безопасности» (от 07.04.2014 г.) приведен анализ обеспеченности по основным видам продовольствия, который показал, что по итогам 2011—2013 гг. по всем основным видам продовольствия доля отечественного производства во внутреннем потреблении составляет *более 80%* (URL: www.minagri.gov.kz).

В частности, по таким продуктам питания, как рис обработанный, свекла столовая, мука пшеничная, хлеб *доля отечественного производства* во внутреннем потреблении составляет *более 100%*. По таким видам мяса, как говядина, свинина, баранина и конина, обеспеченность составляет более 90%. В целом производство продуктов питания за 2011—2013 гг. демонстрировало положительную динамику: объем производства в 2013 г. составил 973 млрд тенге, что на 4,2% выше показателя 2012 г. Вместе с тем по отдельным товарам доля отечественного производства во внутреннем потреблении все еще оставалась на низком уровне: это — яблоки, плодоовощные культуры, мясо птицы, колбасные изделия, масло сливочное, сыры и творог, рыба. Производство этих продуктов было определено как приоритетное направление при применении мер государственного регулирования и поддержки.

Также, по данным МСХ РК, с помощью внедренного в 2013 г. инвестиционного субсидирования, объем инвестиций в основной капитал пищевой промышленности увеличился в 2014 г. на 16,5% и составил более 40,0 млрд тенге. *Продовольственная независимость* по основным видам продовольствия за счет отечественного производства составляла *более 80%*. Например, объем импорта продуктов переработки сельхозсырья за 2014 г. составил 2,9 млрд долл. США.

Основную долю в традиционном объеме импорта в 2014 г. занимали молокопродукты (363,0 млн долл. США, или 18,5% от традиционного импорта, или 12,4% от общего объема импорта), кондитерские изделия (267,3 млн долл. США, или 13,6% от традиционного импорта, или 9,1% от общего объема импорта), мясопродукты (266,7 млн долл. США, или 13,57% от традиционного импорта, или 9,1% от общего объема импорта), растительные и животные жиры (140,1 млн долл. США, или 7,1% от традиционного импорта, или 4,8% от общего объема импорта).

Экспорт продуктов переработки сельхозсырья в 2014 г. составил 1,1 млрд долл. США, в том числе на 561,2 млн долл. США (49,4% от общего объема экспорта) — мука; 79,2 млн долл. США (7,0% от общего объема экспорта) — хлопок-волокно; 66,7 млн долл. США (5,9% от общего объема экспорта) — филе рыбное; 43,6 млн долл. США (3,8% от общего объема экспорта) — воды, негазированные напитки и т.д. (URL: www.minagri.gov.kz).

Номенклатура экспорта весьма ограничена, и его география больше приходится на страны Центральной Азии. Однако сохраняется потенциал по наращиванию экспорта продуктов глубокой переработки зерна, кондитерских изделий из сахара, продуктов переработки масличных культур, мясопродуктов, напитков.

По данным отчета министра сельского хозяйства А.И. Мырзахметова перед населением (от 10.06.2016 г.), валовой выпуск продукции (услуг) сельского хозяйства в 2015 г. составил 3307,0 млрд тенге, что выше уровня соответствующего периода предыдущего года на 3,4% (в т.ч. растениеводство — 1825,2 млрд тенге, животноводство — 1469,9 млрд тенге).

Объем производства продуктов питания за данный период увеличился на 0,1% и составил 1074,8 млрд тенге. Объем инвестиций в основной капитал сельского хозяйства снизился на 6,3% и составил 167,1 млрд тенге. Инвестиции в основной капитал пищевой промышленности увеличились на 28,1% и составили 55,9 млрд тенге.

По итогам 2015 г., объемы производства пищевой и перерабатывающей промышленности в денежном выражении составили 1074 млрд тенге. В том числе производство молочных продуктов составило 184 млрд тенге (17%), переработка и консервирование мяса и производство мясных изделий — 149,8 млрд тенге (14%). В 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,7% (с 2926 до 2976 т) увеличилось производство твердого сыра, на 4,9% (с 8783 до 9211 т) мясных консервов, на 4,1% (с 179 785 до 187 123 т) кисломолочной продукции. При этом на 3,5% сократились объемы производства колбасных изделий, на 15,8% — мясорастительных консервов,

на 1,3% — обработанного молока, на 9% — сливочного масла, на 26% — сгущенного молока.

Данное сокращение производства связано в первую очередь со снижением покупательской способности потребителей.

В 2015 г. объемы экспорта мяса и мясoproдуктов увеличились на 32% и составили 16,1 тыс. т (в 2014 г. — 2,2 тыс. т). Экспорт говядины составил 6,5 тыс. т, мяса птицы — 7,3 тыс. т, свинины — 2,2 тыс. т и т.д. Кроме того, в разы увеличился экспорт сливочного масла (в 29 раз) и составил 3,1 тыс. т. Также в 2,2 раза увеличился объем экспорта сыра и творога и составил 1,5 тыс. т. Экспорт молочной продукции осуществлялся преимущественно в Россию и Кыргызстан. Импорт говядины сократился на 8,3%, свинины — на 52%, конины — 32% и баранины — в 1,7 раз, мясных и мясорастительных консервов — на 18%, сливочного масла — на 24%, сыра и творога — на 6,3%, кисломолочной продукции — на 1,6% (Отчет министра сельского хозяйства А.И. Мырзахметова перед населением. 10.06.2016 г. URL: www.minagri.gov.kz).

Обеспеченность населения страны по говядине за счет *отечественного производства* составила 97%, по свинине — 98%, конине — 97%, баранине — 100%, по мясу птицы — 49%, мясным и мясорастительным консервам — 70,6%, колбасным изделиям — 55%, обработанному молоку — 92%, кисломолочной продукции — 87%, по сливочному маслу — 78%, сырам и творогу — 61% (URL: www.minagri.gov.kz).

Таким образом, обеспеченность внутреннего рынка *по основным видам продовольствия* за счет отечественного производства составляет более 80% (*исключением* являются: растительное масло — 70,7%, масло сливочное — 78,1%, сахар-песок — 62,4%, сыры и творог — 61,1%, колбасные изделия — 55,3%, мясо птицы — 48,9%, яблоки — 48,4%, рыба — 56,6%).

Показатели состояния продовольственной безопасности РК представлены в нижеследующей таблице по двадцати видам продовольствия. Как видно из данных таблицы по состоянию на январь — июнь 2015 г., *наиболее высокая* обеспеченность внутреннего рынка за счет отечественного производства (в %) наблюдается по таким видам продукции, как: мука пшеничная (1649,2%), соль пищевая (404,3%), пшеница (289,1%), яйцо куриное (183,7%), макароны (178,2%), чай (156,9%), мясо птицы (151,7%), конина (149,8%), говядина (143,6%), хлеб пшеничный из муки (131,6%), баранина (124,2%).

По данным таблицы можно также резюмировать, что высокая продовольственная обеспеченность (более 80%) наблюдается по таким видам продукции, как: молоко сырое (111,7%), рис (101,3%), сахар-песок (95,2%), масло подсолнечное (87,5%).

Мониторинг состояния продовольственной безопасности РК по состоянию на январь — июнь 2015 г.

№	Наименование продукции	Потребность РК за январь — июнь по минимальной норме, т	Производство за январь — июнь, т	Экспорт за январь — июнь, т	Импорт за январь — июнь, т	Обеспеченность внутреннего рынка за счет отечественного производства, %	Запасы*, т
1	Пшеница***	1 464 694	—	1 507 044	37 856	289,1	4 233 937**
2	Рис	74 550	75 534	36 544	13 413	101,3	33 807**
3	Картофель***	833 209	—	1983	61 804	9,3	77 449
4	Овощи***	326 577	—	28 494	255 038	24,2	78 918
	Томаты	43 853	—	1104	51 397	22,4	9826
	Огурцы	43 853	—	728	7667	21,3	9360
	Морковь	175 412	—	877	24 581	10,0	17 539
	Капуста	219 266	—	1599	54 385	8,8	19 225
	Лук репчатый	175 412	—	24 186	117 008	13,1	22 968
5	Мясо — всего, в т.ч. говядина	337 669	409 754	5058	79 129	121,3	65 086
	свинина	131 559	188 863	280	7643	143,6	26 089
	баранина	78 936	43 666	1281	2169	55,3	7895
	конина	55 255	68 652	0,1	51	124,2	13 267
	мясо птицы	28 066	42 054	0	1238	149,8	8282
6	Молоко сырое	43 853	66 519	3496	68 028	151,7	9553
	Яйцо куриное	2 280 362	2 546 393	—	—	111,7	297 740
7	Мука пшеничная	74 726	137 276	796	63	183,7	117 982
8	Крупа гречневая	114 018	1 880 386	761 450	3030	1649,2	278 117
9		17 541	нет данных	нет данных	нет данных		3 173

Продолжение

10	Хлеб пшеничный из муки	272 065	358 000	нет данных	нет данных	131,6	27 263
11	Макаронны	38 678	68 924	8 129	13 888	178,2	9815
12	Мясопродукты — всего, в т.ч.	0	23 938	621	18 939		4227
	колбасные изделия	26 312	19 913	210	16 850	75,7	3135
	мясные консервы	0	4025	411	2089		1092
13	Масло сливочное	38 942	8242	1540	3694	21,2	3360
14	Сыры	20 523	11 152	774	9853	17,6	1613
15	Творог	42 888					1941
16	Сметана	28 066	нет данных	нет данных	нет данных	–	1280
17	Растительное масло — всего, в т.ч.	–	80 796	6220	16 059	–	214 151
	масло подсолнечное	61 394	53 720	5845	15 782	87,5	212 043
	масло соевое	–	4901	375	12	0,0	671
	масло хлопковое	–	3787	0	0	0,0	105
	масло рапсовое	–	17 098	0	0,6	0,0	1309
	масло сафлоровое	–	1290	0	264	0,0	23
18	Сахар-песок	157 871	150 327	236	99 494	95,2	13 296
19	Чай	5876	9218	805	14 225	156,9	3100
20	Соль пищевая	19 208	77 654	872	10 642	404,3	3091

Обозначения в таблице:

* — данные акиматов областей и г. Астаны и Алматы;

** — данные Комитета по статистике МНЭ РК;

*** — по картофелю, пшенице и овощам показана обеспеченность за счет запасов, так как за этот период производства не было.

Источник: Развитие агропродовольственных рынков // Мониторинг состояния продовольственной безопасности РК. URL: www.mineagri.gov.kz.

Низкая обеспеченность внутреннего рынка за счет отечественного производства за рассматриваемый период наблюдается по таким видам продовольствия, как: мясопродукты, в том числе колбасные изделия (75,7%), овощи — по всем видам (24,2%), масло сливочное (21,2%), сыры и творог (17,6%).

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2013 г. N 151 была утверждена Государственная программа развития АПК в Республике Казахстан на 2013—2020 гг. «Агробизнес-2020», направленная на повышение конкурентоспособности субъектов агропромышленного комплекса в стране и развитие сельскохозяйственной отрасли Казахстана в целом. Целью программы является создание условий для повышения конкурентоспособности субъектов АПК РК.

Программа включает в себя такие четыре основные направления, как:

1. Финансовое оздоровление субъектов АПК.
2. Повышение экономической доступности товаров, работ и услуг для субъектов АПК.
3. Развитие государственных систем обеспечения субъектов АПК.
4. Повышение эффективности систем государственного регулирования АПК (Государственная программа развития АПК в Республике Казахстан на 2013—2020 гг. «Агробизнес-2020»).

Итоги мониторинга реализации этой Программы за 2013—2015 гг. позволяют отметить, что ее выполнение осуществляется эффективно, можно обозначить следующие положительные показатели:

1. Объем валовой продукции сельского хозяйства по сравнению с 2012 г. увеличился в номинальном выражении на 65,4% и составил в 2015 г. 3307,0 млрд тенге. Данный рост обеспечен за счет увеличения производства продукции растениеводства на 86,0% (1825,2 млрд тенге) и продукции животноводства на 45,4% (1469,9 млрд тенге).
2. Производство продуктов питания увеличилось на 24% (*в реальном 9,7%*) и составило более 1 трлн тенге.
3. Приток инвестиций в основной капитал сельского хозяйства увеличился на 24,7% (*в реальном 12,4%*) и составил 167,1 млрд тенге.
4. Объем инвестиций в основной капитал в производство продуктов питания увеличился на 50,5% (*в реальном 43,8%*) и составил 55,9 млрд тенге.
5. Импорт продукции АПК снизился на 22,2%.
6. Производительность труда на одного занятого в сельском хозяйстве, по данным 2015 г., составила 1231,4 при годовом плане 720 тыс. тенге (URL: www.minagri.gov.kz).

Наряду с этим, уделяется большое внимание развитию других приоритетных отраслей сельского хозяйства и в целом для повышения

конкурентоспособности агропромышленного комплекса и обеспечения продовольственной безопасности страны.

В настоящее время в рамках Программы «Агробизнес-2020» реализуются 15 мастер-планов развития основных подотраслей АПК, в том числе по развитию переработки сельхозпродукции, плодоовощеводства, мясного птицеводства и др.

В мастер-плане по развитию перерабатывающей промышленности для решения проблемы недостаточности сырья для молокоперерабатывающих предприятий предусмотрено выделение инвестиционных субсидий на создание более 200 заготовительных пунктов по сбору молока в личных подсобных хозяйствах. На реализацию этих целей планируется выделение до 2020 г. порядка 563 млн тенге. Для обеспечения мясоперерабатывающих предприятий сырьем планируется субсидирование затрат на приобретение ими скотовозов и рефрижераторов. На эти цели предусмотрено выделение до 2020 г. около 398 млн тенге. Для решения проблемы высокой стоимости сырья предусматривается новый механизм субсидирования затрат перерабатывающих предприятий: до 2020 г. на закуп сырья для производства сливочного масла и сыров предусмотрено субсидий в объеме 42 млрд тенге; для производства сахара (из сахарной свеклы) — около 10 млрд тенге (Государственная программа развития АПК в Республике Казахстан на 2013—2020 гг. «Агробизнес-2020»).

Необходимо отметить, что ранее реализация данной меры сдерживалась отсутствием законодательной базы. В настоящее время соответствующие изменения в законодательство внесены.

До 2020 г. государством предусмотрено субсидирование строительства 5 мясокомбинатов, модернизации и реконструкции 135 молокоперерабатывающих предприятий, 56 мясоперерабатывающих предприятий, 5 предприятий по переработке плодов и овощей, 7 сахарных заводов, 7 масложировых предприятий, 7 предприятий по производству макарон и 35 предприятий по производству круп.

Все предпринимаемые государством меры позволят, во-первых, снизить себестоимость продукции, во-вторых, улучшить качество и повысить конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции.

Макроэкономические и социальные эффекты от реализации программы «Агробизнес-2020» прогнозируются в следующих показателях:

- 1) увеличение физических объемов производства сельскохозяйственной продукции в 1,5 раза;
- 2) обеспечение продовольственной независимости по основным продуктам питания на уровне 80% внутреннего рынка;
- 3) повышение производительности труда на одного занятого в сельском хозяйстве в 3 раза;

4) увеличение экспортной выручки от реализации продукции агропромышленного комплекса на 20%;

5) привлечение более 10 трлн тенге частных денежных средств в отрасль (Государственная программа развития АПК в Республике Казахстан на 2013—2020 гг. «Агробизнес-2020»).

При оценке состояния продовольственной безопасности целесообразно использовать нормы, которые регламентируют два нормативных уровня питания населения: *достаточный*, используемый для социально-экономических расчетов в обычных условиях, и *минимально необходимый*, используемый для гарантированного обеспечения населения в чрезвычайных продовольственных ситуациях. В случае превышения пороговых значений приведенных выше критериев будет достигнуто *достаточное* продовольственное обеспечение населения страны.

Минимально необходимому уровню обеспеченности населения продуктами питания соответствует продовольственный компонент «потребительской корзины», то есть набор из 43 основных продуктов питания, определяемый исходя из годовых норм потребления, необходимых для человека трудоспособного возраста, и дифференцированный по полу и возрасту.

Оценка уровня физической доступности продовольствия осуществляется путем сопоставления объемов фактического потребления населением страны продуктов питания со стандартами их потребления, в качестве которых используются разработанные Казахской академией питания минимальные нормы потребления продуктов питания, основанные на рекомендуемом уровне потребления среднестатистического жителя страны.

Экономическая доступность продовольствия определяется как возможность приобретения населением продовольственных товаров при сложившемся уровне цен и доходов в размерах, заложенных в минимальной потребительской корзине (Закон РК «О государственном регулировании развития АПК и сельских территорий»...).

В 2016—2017 гг. МСХ РК планирует реализовать ряд ключевых инициатив, одной из которых является изменение подхода к оценке состояния продовольственной безопасности на основе методики FAO, затрагивающей различные социально-экономические аспекты жизнедеятельности населения и охватывающей физическую доступность (не производство), экономическую доступность и пищевую безопасность (качество).

Согласно определению международной организации Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (далее — FAO), продовольственная безопасность существует тогда, когда все люди в каждый момент времени имеют физический, эко-

номический доступ к достаточной, безопасной и питательной пище, которая отвечает их потребностям и предпочтениям, для поддержания активного и здорового образа жизни.

В системе оценки продовольственной безопасности ФАО применяется 31 показатель, характеризующий:

- 1) наличие (физическая доступность продовольствия) — складывается из достаточного, разнообразного, качественного и доступного на рынке страны продовольствия;
- 2) доступ (экономическая доступность продовольствия) — измеряет физическую доступность и наличие инфраструктуры, а также измеряет способность приобретения потребителями продуктов питания;
- 3) стабильность и использование — оценивает меры по безопасности пищевой продукции.

В настоящее время МСХ РК разрабатывает проект Концепции обеспечения продовольственной безопасности страны до 2020 г.

В целях приведения в соответствие с международными подходами обеспечения продовольственной безопасности, по мнению министра сельского хозяйства А.И. Мырзахметова, необходима корректировка национального законодательства страны, в частности Закона РК «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» ([URL: www.minagri.gov.kz](http://www.minagri.gov.kz)).

Продовольственная независимость Республики Казахстан по видам продовольственных товаров считается не обеспеченной, если их годовое производство в республике составляет менее 80% годовой потребности населения в соответствии с физиологическими нормами потребления (Закон РК «О государственном регулировании развития АПК и сельских территорий»...).

Отметим, что в Законе РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам продовольственной безопасности» от 11 декабря 2009 г. N 229–IV прописаны следующие принципы обеспечения продовольственной безопасности:

- 1) обеспечение физической и экономической доступности качественных продовольственных товаров для населения в соответствии с физиологическими нормами потребления независимо от возраста, имущественного и социального положения, местонахождения и места жительства;
- 2) соответствие качества производимых, ввозимых и реализуемых в Республике Казахстан продовольственных товаров требованиям, установленным законодательством Республики Казахстан о безопасности пищевой продукции;

3) формирование, обновление и пополнение государственных ресурсов продовольственных товаров независимо от воздействия внутренних и внешних неблагоприятных факторов;

4) создание равной конкурентной среды для доступа на агропродовольственный рынок;

5) взаимодействие и сотрудничество государства и субъектов частного предпринимательства;

6) содействие повышению роли общественных объединений, ассоциаций (союзов) предпринимателей в вопросах обеспечения продовольственной безопасности;

7) доступность и открытость информации о состоянии агропродовольственного рынка (Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам продовольственной безопасности»).

Не допускается принятие решений и действий (бездействия) государственными органами, физическими и юридическими лицами:

1) ухудшающих состояние продовольственной безопасности;

2) провоцирующих необоснованное повышение цен на продовольственные товары, снижение внутренних ресурсов продовольствия;

3) способствующих незаконному вывозу продовольственных товаров за пределы Республики Казахстан;

4) способствующих ввозу на внутренний рынок некачественных и опасных для населения продовольственных товаров.

Выводы исследования

Проведенный нами анализ материалов и публикаций по вопросам обеспечения продовольственной безопасности Казахстана позволил определить основные меры, способствующие ликвидации внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности (*Джусибалиева А.К.* Указ. соч.):

– совершенствование системы экономических отношений в сфере производства, закупа, первичной и глубокой переработки, хранения, транспортировки и реализации сельскохозяйственной продукции;

– оптимальное сочетание государственного и рыночного регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию с целью оживления платежеспособного спроса населения и повышения конкурентоспособности отечественного продовольствия на внутреннем и внешнем рынках;

– модернизация и техническое перевооружение предприятий перерабатывающей промышленности, внедрение передовых технологий и систем управления качеством (ИСО 9000, ИСО 14000);

- последовательная реализация политики импортозамещения, насыщение внутреннего рынка широким ассортиментом качественной и конкурентоспособной продукции отечественного производства, сокращение ввоза в страну тех продуктов питания, которые можно произвести в Казахстане;
- эффективное использование потенциала разных почвенно-климатических и экономических территорий страны с учетом углубления их специализации и создание на этой основе специализированных продовольственных зон;
- активизация работы по созданию продовольственных поясов, преимущественно за счет продуктов отечественного производства;
- совершенствование инфраструктуры АПК, в том числе создание в крупных и средних городах муниципальных оптовых продовольственных рынков;
- развитие и стимулирование системы контракций между СХТП и перерабатывающими предприятиями;
- стабилизация продовольственного рынка путем организации закупочных и товарных интервенций;
- постоянный мониторинг продовольственного рынка и продовольственной безопасности Казахстана;
- совершенствование системы кадрового, научного, правового и информационного обеспечения предприятий АПК страны.

ВЗЯТКИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЯ*

Айгуль Садвокасова¹,
Гулимжан Сулейменова²

¹Руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центральноазиатском регионе Академии государственного управления при Президенте РК, доктор социологических наук

²Директор Института дополнительного образования государственных служащих Академии государственного управления при Президенте РК, доктор экономических наук

Аннотация. В данной статье представлены результаты изучения роли взяток в общественной жизни Казахстана. Описывается отношение населения к даче и получению взяток, определены основные причины, подталкивающие к даче взяток, и сферы, где больше всего распространено взяточничество.

Ключевые слова: взятка, коррупция, коррупционная услуга, транзакционные издержки.

ПАРА АЛУ ӘЛЕУМЕТТІК ФЕНОМЕН РЕТІНДЕ: ХАЛЫҚТЫҢ ҚАБЫЛДАУЫ

Айгүл Сәдуақасова, Гүлімжан Сүлейменова

Андатпа. Бұл мақалада Қазақстанның қоғамдық өміріндегі пара алудың рөлін зерттеу нәтижелері ұсынылған. Пара беру мен алуға қатысты қоғамның көзқарасы сипатталған, пара беруге итермелейтін негізгі себептер мен паракорлық кең таралған салалар анықталған.

Түйінді сөздер: пара, сыбайлас жемқорлық, сыбайлас жемқорлық қызмет көрсету, транзакциялық шығындар.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Социологическое измерение коррупции: методология исследования и отношение общества к результатам исследований» (НИР 3680/ГФ4).

BRIBERY AS SOCIAL PHENOMENON: PUBLIC PERCEPTION

Aigul Sadvokasova, Gulimzhan Suleymenova

Abstract. This article discusses the finding of the study on the role of bribery in the social life in Kazakhstan. The major focus of the authors is on the people's attitude towards the practices of giving and receiving of bribes. The study was aimed at revealing the main reasons for giving and receiving of bribes and the areas where bribery is the most widespread.

Key words: *bribery, corruption, corrupt services, transaction costs.*

Введение

Коррупция представляет собой процесс взаимодействия по меньшей мере двух активных участников, так как обе стороны имеют какую-то пользу [1, 2]. Процесс взаимодействия представляет собой сделку между двумя сторонами. Наличие сделки подтверждает существование рынка коррупционных услуг, где присутствуют сторона, предлагающая коррупционные услуги, и сторона, выражающая спрос на коррупционные услуги. Сторона, предлагающая коррупционные услуги, готова совершить действия за незаконные платежи, а сторона, предъявляющая спрос на коррупционные услуги, выражает готовность получить такую услугу за указанную цену [3, 4]. Цена сделки на рынке коррупционных услуг может быть представлена в виде взяток. Это обусловлено результатами недавних исследований, которые показали, что «подкуп», форма проявления которого «взятничество», является просто частным случаем коррупции [5].

Естественно, подкуп должностных лиц производится с целью получения «блага» (или экономических возможностей) за меньшие транзакционные издержки. Насколько взятки распространены в обществе и каково отношение общества к взяткам — данные вопросы явились предметом нашего исследования. Для изучения роли взяток в общественной жизни в 2015 г. был проведен социологический опрос населения. Эта статья представляет собой отчет о данном исследовании.

Методика исследования

Для решения научных вопросов был применен количественный метод сбора информации — массовый опрос с использованием анкет, посредством личного интервью с респондентом (*face-to-face*). Опрос проводился во всех областях, столице, городах республиканского значения с выборкой 2000 респондентов. Выборка формировалась случай-

ным образом и репрезентирует взрослое население Казахстана по полу, возрасту, национальной принадлежности, уровню образования и месту проживания в соответствии с типом населенного пункта.

Построение выборочной совокупности было осуществлено на основе квоты, репрезентирующей население Казахстана в возрасте от 18 лет и старше, пропорционально представляющей структуру страны в региональном, гендерном и этническом разрезах. Ошибка выборки (отклонение средних характеристик выборочной совокупности от средних характеристик генеральной совокупности) составляет $\pm 1,99\%$. Отбор респондентов осуществлялся случайным образом с использованием таблиц Киша, маршрутной методики.

Характеристика респондентов

В опросе приняли участие 2000 респондентов, из них женщины — 55,3% (1106) и мужчины — 44,7% (894). По возрастной группе респонденты распределились следующим образом: возрастная категория от 18 до 29 лет — 32,4% (647); от 30 до 39 лет — 26,5% (530); от 40 до 49 лет — 21,3% (425); от 50 до 59 лет — 14,1%, (282); старше 60 лет — 5,7% (116). По этническому составу в структуру респондентов вошли представители 20 этнических групп, проживающих в Казахстане. Из них подавляющее большинство — казахи — 60,1% (1201), затем русские — 31,5% (630), узбеки — 2,2%, татары — 1,8%, немцы — 1,0%, украинцы — 0,7%, азербайджанцы — 0,5%, а также представители других этнических групп: корейцы, турки, чеченцы, башкиры, уйгуры, кыргызы, белорусы, еврей, грек, лакец, поляк, армянин, курд.

В опросе приняли участие в преобладающем большинстве люди со средним специальным образованием (37,6%) и высшим образованием (34,7%). 3,1% респондентов имели ученые степени, 8,1% — незаконченное высшее образование, а также 15,1% респондентов имели среднее образование.

Результаты исследования

Для любого исследования первично уточнение понятийного аппарата. Поэтому вначале респондентам был задан вопрос «Какое из определений, представленных ниже, на Ваш взгляд, наиболее точно отражает сущность коррупции?». Результаты показали, что в общественном представлении в большей степени сущность коррупции отражают такие понятия, как «блат» (51,9% респондентов) и взяточничество (49,1% респондентов). Другие понятия, согласно мнению респондентов, раскрывают сущность коррупции в меньшей степени (табл. 1).

Присутствие «блата» означает, что предпочтительной формой решения различных вопросов является использование связей в определенных сферах деятельности, благодаря которым вам может быть оказана качественная помощь или услуга. Вознаграждением за оказанную услугу может стать взятка. В данном случае «блат» выступает способом разрешения вопроса за «взятку». Как следствие, 87,6% респондентов на вопрос «В какой степени распространено взяточничество в Казахстане сегодня?» ответили, что взяточничество распространено достаточно широко. Примечательно, что взяточничество является наиболее распространенной формой и в России [6].

Табл. 1. Какое из определений, представленных ниже, на Ваш взгляд, наиболее точно отражает сущность коррупции?

Варианты ответов	Количество	Процент*
Взяточничество	981	49,1
Подношение подарков должностным лицам	657	32,9
Использование должностного положения в личных, корыстных интересах	633	31,7
Использование государственных средств в личных целях	495	24,8
Побуждение должностных лиц к принятию тех или иных решений под давлением каких-либо обстоятельств, фактов	507	25,4
Оказание влияния на принятие или отказ от принятия каких-либо законов, нормативно-правовых актов (лоббирование)	409	20,5
Незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов	329	16,5
«Блат» или использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам — товарам, услугам, источникам доходов, привилегиям, оказание различных услуг родственникам, друзьям, знакомым	1038	51,9
Все перечисленное	–	–
Затрудняюсь ответить	52	2,6

* Сумма не равна 100%, так как респонденты могли отметить несколько вариантов ответов.

Широкая распространенность взяточничества объясняется существованием спроса и предложения на рынке коррупционных услуг. Для оценки характера спроса респондентам был задан вопрос о том, как расценивается «дача взятки». Ответы респондентов указывают на то, что спрос на коррупционные услуги имеет двойкий характер. С одной стороны, ответы части респондентов (38,4%) указывают на «вынужденный»

характер спроса (люди вынуждены давать взятку, так как практически нет другого выхода). С другой стороны, то, что 34,9% респондентов ответили, что это «удобный способ для решения вопросов», позволяет сделать вывод, что спрос на коррупционные услуги отражает желание населения приобрести эти услуги и наличие у него возможности оплатить их.

Согласно законам рынка, при наличии спроса формируется предложение. По мнению 39% респондентов, предложение коррупционных услуг носит устойчивый характер, так как оказание услуг за вознаграждение превратилось в «норму поведения». 28,7% респондентов оправдывают данное поведение, объясняя его следующим образом: «люди вынуждены получать взятку, так как зарплата маленькая». Это отражает «толерантность» населения к коррупции [7]. В то же время исследования Е. Димант показали, что повышение заработной платы государственных служащих не ведет к снижению взяточничества (*Dimant E. Wages Increases for Public Officials: not Such a Good Idea After All? 24 March 2014. URL: <http://corruptionresearchnetwork.org/acrn-news/blog/> [дата обращения: 12.09.2016]*).

Наблюдается трансформация формы взятки. Наиболее предпочтительной формой взятки стали денежные единицы. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос «Как Вы благодарили за посредничество или решение вопроса?», где респонденты ответили, что в большей степени деньгами (табл. 2).

Табл. 2. Как Вы благодарили за посредничество или решение вопроса?

Варианты ответов	18 — 29	30 — 39	40 — 49	50 — 59	60+
Только словами	8,8	5,0	6,3	6,4	—
Символическими подарками (например, недорогая коробка конфет)	19,9	23,3	23,8	14,9	15,8
Деньгами	72,8	65,0	65,0	70,2	57,9
Дорогими подарками	6,6	6,7	8,8	10,6	5,3
Приглашением в ресторан	8,8	12,5	7,5	12,8	21,1
Затрудняюсь ответить	2,9	5,8	5,0	4,3	5,3

В Казахстане, как и в других странах, уделяется огромное внимание противодействию коррупции. Приняты основополагающие нормативные

правовые акты. С 2001 г. реализуются государственные программы по борьбе с коррупцией, в рамках которых принимаются конкретные меры по устранению причин и условий возникновения коррупционных проявлений. В этой связи респондентам был задан вопрос «Как изменилось отношение к взяткам за последние десять лет?». Обработка результатов показала: 25,2% опрошенных стали реже давать взятки; 36,3% респондентов «затрудняются ответить»; 79,9% респондентов отметили, что им за последний год не приходилось давать взятки.

Результаты опроса показали, что уровень образования респондентов влияет на их отношение к взяткам. Чем выше уровень образования, тем меньше респонденты дают взятки. Это может быть объяснено общим уровнем осведомленности о своих правах и уголовном наказании за дачу и получение взятки.

Почему дают взятки? Две основные причины: с целью сокращения транзакционных издержек (29,4%) и «так принято» (20,6%). Только 18,9% респондентов указали, что у них вымогали взятку. Если первая причина объясняется рациональностью поведения населения с позиции «выгоды-издержки», то вторая причина объясняет то, что вокруг формальных правил образованы неформальные традиции, которые носят устойчивый характер [8].

Сферы или нужды, по которым респондентам приходилось прибегать к даче взяток, представляют отдельный интерес. Несмотря на то, что техническое оснащение дорожно-патрульного регулирования улучшается, респонденты чаще всего дают взятки в целях урегулирования ситуации с автоинспекцией (нарушение ПДД, аварии, получение прав, техосмотр) — 37,8%.

Второе место занимают трудоустройство и продвижение по службе. В условиях ограниченности сфер приложения труда и высокой конкуренции в организациях население предпочитает решать вопросы трудоустройства и продвижения по службе путем дачи взяток (33,1%).

Распространенность коррупции в образовательной системе — очевидная проблема. 23,1% респондентов указали, что дают взятки за обучение в высшем учебном заведении.

В ситуации с получением документов либо обеспечением законности подложных документов к даче взятки прибегают 20,6%. Почти на одном уровне по важности находятся решения бытовых проблем: устройство, поступление в нужную школу, ее успешное окончание (15,2%), приобретение, переоформление, легализация земельного участка (15,7%), получение либо оформление юридического права на жилищную площадь (13,4%) (табл. 3).

Табл. 3. Если Вам часто или иногда приходилось прибегать к коррупционным услугам (взяткам, откатам и т.п.), то по каким нуждам чаще всего приходилось это делать?

Варианты ответов	Количество	Процент*
Урегулировать ситуацию с автоинспекцией (нарушения ПДД, аварии, получение прав, техосмотр и т.п.)	152	37,8
Работа: получить нужную, выгодную работу или обеспечить продвижение	133	33,1
Институт: поступить, перевестись из одного в другой, экзамены, контрольные, диплом и т.д.	93	23,1
Документы: добиться получения, обеспечить законность подложных документов	83	20,6
Земельный участок: приобрести, переоформить или легализовать (для индивидуального строительства или ведения своего хозяйства)	63	15,7
Школа: устроить, поступить в нужную школу и успешно ее окончить	61	15,2
Жилплощадь: получить или оформить юридическое право	54	13,4
Получить помощь или защиту в полиции (поиск украденного, наказание виновных и др.)	43	10,7
Военная служба: призыв, отсрочки, досрочное увольнение, послабление тягот	40	10,0
Социальные выплаты: оформление прав, перерасчет и т.п.	38	9,5
Добиться справедливости или нужных решений в суде	33	8,2
Освобождение от претензий правоохранительных или контролирующих органов	29	7,2
Получить регистрацию по месту жительства, паспорт, загранпаспорт	28	7,0
Отбиться от уголовного рэкета или домогательств чиновников госструктур	23	5,7
Пенсии: оформление при недостатках документов, перерасчет и т.п.	22	5,5
Получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике, больнице	19	4,7
Получить услуги по ремонту, эксплуатации жилья, возмещению затрат	19	4,7
Устроить в детский сад	4	1,0

* Сумма не равна 100%, так как респонденты могли отметить несколько вариантов ответов.

Во всех возрастных категориях самым актуальным является урегулирование ситуаций с автоинспекцией и получением выгодного места работы. 18—29-летние и 30—39-летние чаще представителей других возрастных категорий дают взятки в ситуациях с автоинспекцией; в то время как 40—49-летние — в ситуациях с получением желаемой должности.

Женщины чаще мужчин дают взятки в ситуациях, связанных с автоинспекцией (40,7%), в целях получения документов (22,1%). Женщины по сравнению с мужчинами лидируют в социальном блоке: дают взятки при урегулировании ситуаций, связанных с обучением в общеобразовательных и высших учебных заведениях (16% и 24,2% соответственно). Мужчины — лидеры в даче взяток при решении вопросов с жилплощадью и земельными участками (16,4% и 18,1% соответственно).

Заключение

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующий вывод. Во-первых, установлено, что в общественном представлении в большей степени сущность коррупции отражают такие понятия, как «блат» (51,9% респондентов) и взяточничество (49,1% респондентов). Во-вторых, выявлено, что, несмотря на то, что 79,9% респондентов отметили, что им за последний год не приходилось давать взятки, значительная часть респондентов считает, что взяточничество в стране распространено достаточно широко. В-третьих, с позиции спроса и предложения на рынке коррупционных услуг, согласно мнению респондентов, спрос на коррупционные услуги носит в большей степени «вынужденный» характер. Что касается предложения, то, по мнению респондентов, это «норма поведения» (39%) и «люди вынуждены получать взятку, так как зарплата маленькая» (28,7%). Почти треть респондентов (29,4%) отметили, что они прибегают к взяткам с целью уменьшения транзакционных издержек. 20,6% респондентов ответили, что дали взятки, так как «так принято». В-четвертых, предпочтительная форма взяток имеет денежное выражение.

Результаты исследования свидетельствуют, что взятки есть социальный феномен, так как взяточничество является результатом совместной деятельности людей. Оно имеет место там, где люди вступают в экономические отношения. Все экономические отношения реализуются в рамках установленных «правил игры». Люди предъявляют спрос на коррупционные сделки по результатам оценки «выгод-издержек» действий в рамках «правил игры». Подкуп должностных лиц производится с целью получения «блага» (или экономических возможностей) за меньшие транзакционные издержки. За счет «обхода», нарушения или пересмотра правил игры возможны: а) экономия транзакционных издержек; б) перераспределение «благ» (или экономических возможностей) в пользу определенных лиц.

Список литературы

1. *Pržulj Z., Kostadinović S.* Cultural Roots of Corruption — The Case of Western Balkans // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014, September. Vol. 5. N 2. Pp. 467—478.
2. *Nechaev A., Proskurina A.* Corruption as a Social Phenomenon: Comparative Analysis in Russia and Germany. Samara, 2012. 20 p.
3. *Boisvert A.L., Dent P. and Quraish O.B.* Corruption in Canada: Definitions and Enforcement. Prepared by Deloitte LLP. Ottawa, ON: Public Safety Canada, 2014.
4. *Сулейменова Г.К.* Институциональные преобразования в сфере малого предпринимательства: теория, методология и практика. Кызылорда, 2006. 284 с.
5. *De George R.T.* Business Ethics (Serbian language edition). Belgrade, Filip Visnjic, 2003.
6. *Тавокин Е.П., Шишова Ж.А., Широкова О.В.* Коррупция в органах государственной власти // *СоцИс*. 2014. N 5. С. 63—71.
7. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психологические факторы коррупции // *СоцИс*. 2014. N 7. С. 63—71.
8. *Сулейменова Г.К.* Административные барьеры в развитии предпринимательства // *Казахстан-Спектр*. 2005. N 2. С. 91—97.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕАЭС НА КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН

Лидия Пархомчик

Старший научный сотрудник Евразийского
научно-исследовательского института (ERI)
при МКТУ им. А. Ясави

Аннотация. В условиях геополитических трансформаций в Каспийском регионе, к числу которых можно отнести изменения в раскладе сил в каспийском энергетическом «пасьянсе», начавшийся процесс выхода Ирана из геополитической изоляции, особое место следует уделить появлению новой формы евразийского экономического сотрудничества Казахстана и России в рамках такого объединения, как Евразийский экономический союз, влияние которого на дальнейшее развитие региона Прикаспия пока остается недостаточно изученным.

В результате проделанной работы, в рамках которой были применены системно-структурный подход, факторный и функциональный анализ, позволившие обозначить возможные формы сотрудничества между странами ЕАЭС и странами «каспийской пятерки» в таких сферах, как энергетика, экономика и транспорт, а также перспективы расширения экономического сотрудничества в Каспийском бассейне в рамках текущей торгово-экономической ситуации, получил подтверждение тезис о «точечном» воздействии фактора ЕАЭС на взаимодействие стран «каспийской пятерки» в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Каспийский регион, евразийская интеграция, интеграционный потенциал, торгово-экономическое взаимодействие, региональное сотрудничество.

ЕЭО-ДАҒЫ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ҮДЕРІСТЕРДІҢ КАСПИЙ АЙМАҒЫНА ӘСЕРІ

Лидия Пархомчик

Андатпа. Каспий энергетикалық «пасьянсында» күштер тендігіндегі өзгерістер мен Иранның геосаяси оқшаулаудан шыға бастау үдерісі секілді Каспий аймағындағы геосаяси өзгерістер жағдайында Еуразиялық экономикалық одақ шеңберіндегі Қазақстан мен Ресейдің еуразиялық экономикалық ынтымақтастығының жаңа үлгісіне ерекше көңіл бөлу керек. Оның Каспий маңы өңірінің одан әрі дамуына әсері де зерттелмеген күйде қалып отыр.

Мақалада ЕЭАО елдері мен «Каспий бестігі» елдерінің энергетика, экономика және көлік салаларындағы ынтымақтастығының жаңа үлгілері, сондай-ақ ағымдағы сауда-экономикалық ахуал аясында Каспий аймағындағы экономикалық ынтымақтастықты кеңейту болашағын анықтауға мүмкіндік беретін жүйелік-құрылымдық тәсіл, факторлық және функционалдық талдау қолданыла отырып, орта мерзімді перспективада ЕЭАО факторының «Каспий бестігі» елдерінің өзара әрекеттестігіне «нақты» ықпалы туралы пікір дәлелденді.

***Түйінді сөздер:** Каспий аймағы, еуразиялық интеграция, интеграциялық әлеует, сауда-экономикалық ынтымақтастық, аймақтық ынтымақтастық.*

IMPACT OF THE EEU INTEGRATION ON THE CASPIAN REGION

Lidiya Parkhomchik

Abstract. Given geopolitical transformations in the Caspian region including the changes in the balance of power in the Caspian energy “configuration” and breaking of Iran’s isolation, special attention should be given to a new form of interaction between Kazakhstan and Russia established within the Eurasian Economic Union (EEU). It should be emphasized that the EEU, as an impact factor on the further development of the Caspian region, has been mainly overlooked and, therefore, requires a more robust study for its better understanding. The methodology of the paper, based on the systemic-structural approach as well as the factor and functional analysis, enables to identify the possible forms of cooperation between the EEU members and the countries of the “Caspian Five” in such areas as energy, economy, transport and to speculate on the prospects of an expanded economic cooperation in the Caspian region. The author’s hypothesis that the factor of the EEU integration may result in the influences on the certain areas of the interaction of the “Caspian Five” in the medium term, has been confirmed in the article.

***Key words:** Caspian region, Eurasian integration potential, trade and economic cooperation, regional cooperation.*

Введение

В настоящее время страны Каспийского бассейна все больше становятся ориентированы на реализацию потенциала регионального сотрудничества, потребность в котором возросла в результате изменения концептуального подхода к планам относительно дальнейшего развития и становления региона. Осознание того, что изначальная ориентация исключительно на увеличение производительности нефтегазодобывающего комплекса в большинстве случаев не способствует углублению уровня межрегиональной кооперации на Каспии, привело к пересмотру национальных приоритетов, реализуемых прибрежными странами на при-

каспийских территориях. Речь, в частности, идет о планомерном расширении социально-экономической составляющей каспийского стратегического курса.

Все чаще главы прикаспийских государств апеллируют к необходимости усиления внутрирегиональных экономических взаимосвязей посредством наращивания торгово-экономического взаимодействия в пятистороннем формате. Более того, присутствует четкое понимание того, что прогрессивное социально-экономическое развитие стран Каспийского бассейна в конечном счете может трансформировать отношение мировых держав к Каспийскому региону, который преимущественно рассматривается ими в контексте добычи и транспортировки энергетических ресурсов. Вполне очевидно, что первым шагом на пути к уменьшению степени внешнего вмешательства в процессы политико-экономического развития региона является инициирование новых совместных проектов, которые могли бы создать благоприятный внутренний фон, позволяющий в той или иной мере усилить экономическое взаимодействие между прикаспийскими партнерами, а также подготовить условия для возможной региональной интеграции.

Современный каспийский геополитический пасьянс складывается исходя из особенностей как региональных, так и внерегиональных процессов, к наиболее значимым из которых следует отнести обострение на Нагорно-Карабахском фронте, последствия украинского кризиса, запуск китайской инициативы создания Экономического пояса Шёлкового пути, а также, обновление формата взаимодействия между Казахстаном и Россией в связи с началом функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Новая модель регионального сотрудничества в Евразии, ставшая объективной реальностью 1 января 2015 г., имеет своей целью процессы экономической кооперации на евразийском пространстве на качественно новый уровень. Несмотря на то, что ввиду значительного ухудшения экономических показателей стран — участников Союза, ожидаемые результаты деятельности ЕАЭС в плане стимулирования роста взаимной торговли пока остаются недостижимыми, сам факт наличия институционализованной интеграционной структуры наглядно демонстрирует необходимость изучения ее влияния на другие региональные образования.

Исходя из этого, целью проводимого исследования является рассмотрение влияния евразийской интеграции на дальнейшее развитие Каспийского региона с последующим выявлением как потенциального положительного, так и отрицательного воздействия на выстраивание внутрирегиональных связей между странами «каспийской пятерки». Достижение обозначенной цели предполагает успешную реализацию ряда задач, к числу которых относятся рассмотрение ключевых факторов, определяющих поступательное развитие тренда на расширение рамок сотрудничества между

странами «каспийской пятерки», выявление приоритетных направлений взаимодействия в Каспийском регионе в пятистороннем формате с последующим сопоставлением с имеющимися в рамках ЕАЭС проектами, определение интенсивности товарно-экономического взаимодействия между прибрежными странами с последующим определением торгового потенциала региона.

Нужно отметить, что среди отечественных авторов и авторов ближнего зарубежья попытки комплексно рассматривать Каспийский регион принимали такие исследователи, как А. Алиев, Т. Шаймергенов, А. Бутаев, В. Гусейнов, С. Жизнин, С. Жильцов, И. Зонн, С. Кушкумбаев, А. Магомедов, Р. Мамедов, А. Нурша, А. Ушков, Г. Чуфрин, И. Эжиев и др. Проблемы и перспективы развития Каспийского региона в контексте становления его геополитической значимости, роста энергетического потенциала, а также обеспечения безопасности представляют большой интерес и для зарубежных авторов, среди которых можно выделить таких исследователей, как С. Акинер, Г. Бинненджик, С. Брендон, Х. Сантисю, А. Хушанг и др.

В настоящее время каспийская проблематика достаточно широко представлена в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей, однако обозначенные авторы в своих исследованиях в большей степени концентрируются на страновом (влияние локальных, региональных и глобальных игроков на развитие Прикаспия) и секторальном (перспективы развития энергетики, транспорта и логистики, торговых отношений и т.д.) срезам.

Изучение вопросов интеграционного взаимодействия в Каспийском регионе является относительно новым направлением академических исследований. В настоящее время отдельные работы, посвященные данному вопросу, были подготовлены такими исследователями, как К. Ланда, О. Митрофанова, С. Михеев, Э. Полетаев и др. При этом стоит отметить, что, в силу своей новизны, влияние фактора ЕАЭС на Каспийский регион не получило достаточно широкого изучения. Отмечая тот факт, что в настоящее время формируется целый пласт работ, посвященных вопросам становления и развития евразийской интеграции, авторами которых являются такие исследователи, как Е. Винокуров, А. Казанцев, Е. Кузнецова, Г. Рахматуллина и др., однако, по причине различных обстоятельств, тема влияния евразийской интеграции на региональные процессы на Каспии в большинстве случаев остается за рамками проводимых исследований.

Таким образом, изучение вопросов, связанных с каспийским интеграционным процессом, а также с возможной его корреляцией с евразийской интеграцией, представляет собой достаточно новый и малоизученный сегмент, требующий внимательного рассмотрения.

Методы

Следует отметить, что при подготовке работ по выявлению особенностей интеграционного процесса, характерных для того или иного региона, исследователи преимущественно придерживаются логики концепции неофункционализма, не допуская тем самым возможности отсутствия предпосылок для последующей интеграции. Подобный подход, безусловно, является беспроигрышным вариантом и в случае с рассмотрением каспийской проблематики.

Методологической основой работы являются общепризнанные методы научного анализа, такие как синтез, обобщение, аналогия. При исследовании поставленной проблемы широко применялся системно-структурный подход, факторный и функциональный анализ. Применение данных подходов в их комбинации позволило обозначить возможные формы и форматы сотрудничества между странами ЕАЭС и странами «каспийской пятерки» в таких сферах, как энергетика, экономика и транспорт, а также перспективы расширения экономического сотрудничества в Каспийском бассейне в рамках текущей торгово-экономической ситуации.

Политические предпосылки для развития регионального сотрудничества на Каспии

В настоящее время страны «каспийской пятерки» находятся в самом начале пути формирования собственного уникального формата регионального сотрудничества. Необходимо признать, что именно переговоры по определению правового статуса каспийского водоема являются точкой отсчета для каспийского диалога в его современной форме. Как известно, вопрос о пересмотре международно-правового статуса Каспийского моря, ранее определяемый советско-иранскими договоренностями, а именно Договором между РСФСР и Персией от 1921 г. и Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 1940 г., возник после прекращения действия Договора об образовании СССР, что автоматически расширило круг прикаспийских государств. Нужно отметить, что на первоначальном этапе проблема определения статуса Каспия рассматривалась преимущественно с юридической стороны, так как вновь образованные государства не являлись участниками прежних договоренностей, что, с одной стороны, освобождало их от каких-либо исторических обязательств, а с другой — предоставляло более широкое поле для геополитического маневрирования [1]. Хотя именно отсутствие «сдерживающих» факторов привело к тому, что страны региона неоднократно изменяли свои концептуальные подходы в отношении данного вопроса,

в настоящее время прибрежные страны убедились, что наилучший вариант разграничения Каспийского моря следует формировать на комбинированной основе, что в значительной степени облегчит как сам процесс, так и внедрение соответствующей терминологии.

Нужно отметить, что проводимые странами «каспийской пятерки» консультации с течением времени наполнялись новым содержанием и постепенно из переговоров исключительно о юридических аспектах правового статуса Каспийского моря трансформировались в многоплановое обсуждение целого комплекса проблем, связанного с организацией межгосударственного диалога на Каспии. Краткая периодизация переговорного процесса в отношении урегулирования вопроса об установлении нового правового режима Каспийского моря (табл. 1) наглядно демонстрирует, что активная работа по переформатированию каспийского диалога началась в 2003 г. с подключением к обсуждению каспийской проблематики глав прикаспийских государств в рамках пятисторонних встреч. При этом, после проведения 18 ноября 2010 г. в Баку III Каспийского саммита, активизируется процесс формирования пятисторонней нормативно-договорной базы в отношении правового режима на Каспии. По его итогам было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, которое регулирует вопросы борьбы с терроризмом, организованной преступностью, контрабандой оружия, наркотиков и ядерных технологий, захватом судов, нелегальной миграции, незаконной добычи биоресурсов и т.д. Данное Соглашение можно назвать настоящим прорывом в переговорном процессе. Именно после него была подготовлена и подписана целая серия документов (протоколов и самостоятельных соглашений), которые легли в основу так называемой «новой» нормативно-договорной базы правового режима на Каспии (табл. 2).

Табл. 1. Краткая периодизация переговорного процесса на Каспии

Период	Характерные особенности
1992—1996 г.	Подготовительный процесс перед проведением первых пятисторонних консультаций, результаты которых предопределили характер последующих встреч на высшем и высоком уровне. В 1994 г. в Москве состоялась первая встреча всей «каспийской пятерки» на уровне заместителей министров иностранных дел, в 1995 г. в Тегеране прошла первая встреча руководителей правовых департаментов МИД по вопросам правового статуса Каспийского моря, второе совещание прошло в том же году в Алматы, но уже без участия российской стороны, и, наконец, в 1996 г. в Ашхабаде состоялось первое совещание министров иностранных дел данных государств. Именно после этой встречи была сформирована Специальная рабочая группа (СРГ) по разработке Конвенции о правовом статусе Каспия, что обусловило переход к новому этапу консультаций.

Продолжение

1996—1998 гг.	Страны «каспийской пятерки» активно проводят переговоры на двух- и трехстороннем уровне, пытаются соотнести проблему правового статуса с нефтегазодобывающими работами, начавшимися на каспийском шельфе. Переход к следующему этапу переговоров был обусловлен кардинальной сменой позиции России по каспийскому вопросу, которая, начиная с 1998 г., проводит политику сближения со своими северными соседями.
1998—2003 гг.	Казахстан, Россия и Азербайджан завершают оформление договоренностей по разграничению Северного Каспия и фактически проводят делимитацию северной части водоема.
2002/3—2010 гг.	Переформатирование каспийского диалога посредством подключения к обсуждению глав прикаспийских государств в рамках пятисторонних встреч. Несмотря на провальный I Саммит глав прикаспийских государств, который состоялся 23—24 апреля 2002 г. в Ашхабаде, сам факт проведения такого мероприятия с участием глав всех прикаспийских стран имел большую политическую значимость для дальнейшего развития переговорного процесса. Проведенный 16 октября 2007 г. II Каспийский саммит в Тегеране оказался более успешным. Стороны смогли подписать итоговую декларацию, которая закрепляла права прибрежных стран в отношении моря и его ресурсов, обеспечения режимов судоходства и рыболовства. Важными стали и положения о мирном характере использования Каспия.
2010 г. — по настоящее время	Активизация процесса формирования пятисторонней нормативно-договорной базы в отношении правового режима на Каспии, начавшаяся с успешного проведения 18 ноября 2010 г. в Баку III Каспийского саммита. Наиболее успешным в этом отношении стал проведенный 29 сентября 2014 г. IV Каспийский саммит в Астрахани, в рамках которого было заключено три пятисторонних соглашения преимущественно по вопросам экологии и охраны биологических ресурсов водоема. Более того, впервые за долгое время страны «каспийской пятерки» продвинулись и в вопросе регулирования непосредственно правового режима, а именно были согласованы ширина территориального моря и рыболовной зоны — 25 морских миль.

Табл. 2. «Новая» нормативно-договорная база правового режима на Каспии

1	Рамочная Конвенция по защите морской среды Каспийского моря (2003)
	Протокол о региональной готовности, реагированию и сотрудничеству в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью (2011)
	Протокол по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности (2012)
	Протокол по сохранению биоразнообразия (2014)
2	Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море (2010)
	Протоколы находятся в разработке
3	Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море (2014)
4	Соглашение о сохранении и рациональном использовании биологических ресурсов Каспийского моря (2014)
5	Соглашение о сотрудничестве в сфере гидрометеорологии Каспийского моря (2014)

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что за рассматриваемый период в переговорном процессе по каспийской проблематике произошла смена приоритетных для обсуждения тем. Если раньше стороны исходили из уверенности в первостепенности разрешения правовых вопросов статуса Каспия, то в настоящее время наблюдается обратная ситуация, а именно наиболее продуктивная дискуссия складывается в отношении вопросов, напрямую не связанных с правовыми аспектами и потому обладающих наименьшим конфликтным потенциалом.

Интеграционный потенциал Каспийского региона

Наглядным свидетельством появления обозначенного тренда могут являться инициативы, озвученные и реализованные в ходе последнего Каспийского саммита, прошедшего в сентябре 2014 г. в Астрахани. Так, к примеру, особое значение приобретает инициатива проведения каспийских бизнес-форумов, первое заседание которого состоялось именно в рамках IV Каспийского саммита. Создание постоянно действующей платформы поддержки бизнес-инициатив предпринимателей стран Каспийского региона, безусловно, будет способствовать росту пятистороннего экономического взаимодействия, что позволит сформировать приемлемые условия, необходимые для перехода на более высокий уровень кооперации в региональном формате.

Помимо этого, речь идет об инициативе президента Туркменистана Г. Бердымухамедова разработать проект Соглашения о сотрудничестве в области транспорта на Каспийском море, в рамках которого станет возможно создание Регионального транспортно-логистического центра, а также о предложении президента России В. Путина приступить к формированию железнодорожного кольца вокруг Каспия. Как известно, страны «каспийской пятерки» являются непосредственными участниками российского проекта по созданию Международного транспортного коридора «Север — Юг». При этом основная транспортировка товаров проходит именно по маршруту вокруг/ через Каспийское море¹.

¹ Наиболее интенсивное движение грузопотока в настоящий момент осуществляется по так называемому транскаспийскому маршруту, который проходит через такие порты на Каспии, как Астрахань, Оля, Махачкала — с российской стороны, и Энзели, Амирабад и Ноушехр — с иранской. В настоящее время именно данный маршрут обеспечивает российско-иранскую двухстороннюю торговлю, которая в 2014 г. составила \$2,8 млрд. После завершения строительства и пуска в эксплуатацию железнодорожной ветки Узень — Берекет — Этрек — Горган (Казахстан — Туркменистан — Иран) в 2014 г., оживились грузоперевозки и по восточному маршруту проекта «Север — Юг». Лишь западный маршрут, основой которого должна выступить железнодорожная линия Астара — Решт — Казвин (Азербайджан — Иран), все еще испытывает значительные сложности с реализацией.

Одним из альтернативных вариантов усиления экономических взаимосвязей между государствами региона может также стать реализация предложения главы Казахстана Н. Назарбаева создать Каспийскую зону свободной торговли. Нужно отметить, что в регионе уже имеется позитивный опыт по созданию специальных экономических зон (СЭЗ). Так, например, в Казахстане на Каспии функционирует СЭЗ «Морской порт Актау», в рамках которой осуществляются пять проектов, обеспечивающих выпуск продукции на сумму в 220 млрд тенге, а в течение 2015 г. совместно с азербайджанской стороной планируется приступить к реализации очередного проекта — логистического терминала. В Иране успешно действует специальная экономическая зона «Бендер — Энзели». Азербайджан рассматривает возможность размещения СЭЗ в поселке Алят, где ведется строительство дополнительных мощностей Бакинского порта; о создании свободной экономической зоны в Астрахани заявила и Россия. В перспективе у прикаспийских государств есть возможность объединить созданные СЭЗ в единую региональную систему, которая бы «опоясывала» Каспийское море, и в дальнейшем перейти к формату зоны свободной торговли (ЗСТ).

Однако нужно отметить, что какие бы ни были дальнейшие шаги «каспийской пятерки» по укреплению экономического сотрудничества, странам Прикаспия необходимо в полной мере учитывать возможные последствия геополитических и геоэкономических трансформаций вокруг региона, к числу которых в первую очередь следует отнести образование такой новой региональной структуры, как ЕАЭС.

Фактор ЕАЭС

Являясь непосредственными участниками процесса становления евразийской интеграции, а также развития межгосударственных взаимоотношений в формате «каспийской пятерки», Казахстан и Россия фактически выступают в качестве «моста» между обозначенными формами региональной кооперации. С одной стороны, действуя в хорошо слаженном тандеме, Астана и Москва могут обеспечить взаимовлечение и взаимопричастность прикаспийских государств к различного рода проектам, реализуемым в рамках евразийской интеграции. С другой стороны, очевидно, что прибрежные государства, не входящие в ЕАЭС, как минимум должны иметь возможность своевременного осведомления о ключевых преобразованиях в торгово-экономической сфере у своих партнеров по региону и как максимум иметь возможность оказывать определенное влияние на процесс выработки того или иного стратегически значимого решения.

Наглядным примером в данном контексте может служить решение стран ЕАЭС к 2025 г. образовать общий энергетический рынок². Намерение скоординировать энергетическую политику и создать общие энергетические рынки, которые включают рынки электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, возникло у стран Союза в первую очередь по причине наличия тесного взаимодействия в сферах добычи, транспортировки и переработки топливно-энергетических полезных ископаемых [2]. Нужно отметить, что члены ЕАЭС располагают значительными запасами первичных энергоресурсов, экспортируя их на международные рынки. На его долю приходится более 18% мировых запасов природного газа и более 17% его добычи, а также более 7% мировых запасов нефти и более 14% ее добычи (рис. 1). Вместе с тем следует отметить, что энергетический потенциал Каспийского региона еще более значителен. По оценкам *British Petroleum*, совокупные мировые запасы нефти и газа стран «каспийской пятерки» составляют более 17% и 46% соответственно. При этом страны региона обеспечивают около одной пятой мировой добычи нефти и одной четвертой добычи газа.

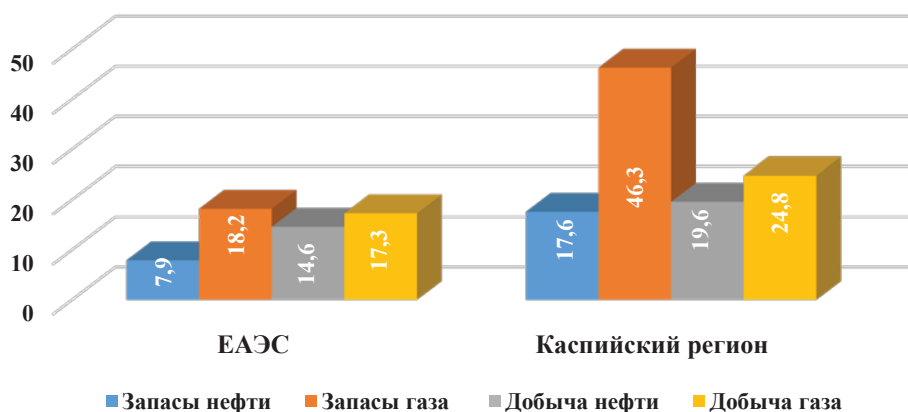

Рис 1. Доля государств — членов ЕАЭС и государств Прикаспия в мире в 2014 г. (%)

² Главы государств ЕАЭС решили, что общий электроэнергетический рынок заработает к 1 июля 2019 г., а создание общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов предполагается с 1 января 2025 г. Процесс формирования рынков разделен на этапы и предусматривает сначала разработку и утверждение соответствующей концепции, а затем программы и выполнения ее мероприятий и в конечном итоге — вступление в силу международного договора о формировании общего рынка. На сегодняшний момент разработана и утверждена 8 мая 2015 г. Концепция общего электроэнергетического рынка, 1 июля 2015 г. принято Соглашение о методологии формирования индикативных (прогнозных) балансов газа, нефти и нефтепродуктов в рамках Союза, а до конца текущего года планируется принять концепции общего рынка газа и общих рынков нефти и нефтепродуктов. Начата работа над программой формирования общего электроэнергетического рынка, которая должна быть утверждена до 1 июля 2016 г.

В данных обстоятельствах решение запустить процесс проработки будущих основ общего энергетического рынка в рамках ЕАЭС, несомненно, внесет некоторые коррективы в характер организации энергетических отношений на Каспии. В первую очередь это коснется формата самих казахстанско-российских отношений в Каспийском регионе. В частности, можно ожидать интенсификации сотрудничества в сфере совместной разработки каспийских месторождений и проведения геологоразведочных работ как на каспийском шельфе, так и в Прикаспийской впадине.

В настоящее время положительным сигналом для развития взаимодействия в данной области может служить Протокол к Соглашению о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 1998 г., подписанный в октябре 2015 г. главами Казахстана и России, который ликвидирует некоторые пункты договоренностей относительно совместной разработки одного из трех трансграничных месторождений, а именно нефтеносной структуры «Центральная». Теперь российская компания «ЛУКОЙЛ» сможет пролонгировать лицензию на геологоразведку структуры северного Каспия³, несмотря на то, что, согласно российскому законодательству, только компании с государственным участием выше 50% допущены к разработке шельфовых месторождений.

Как ожидается, подписанный документ решает вопрос о проведении дополнительной геологоразведки месторождения «Центральная» до заключения с Казахстаном Соглашения о разделе продукции (СРП). Кроме того, выдача лицензии также позволит привлечь к финансированию дополнительного изучения недр уполномоченную организацию Казахстана. После завершения этапа геологического изучения предприятие вправе продолжить пользование недрами на соответствующем участке с применением общего режима налогообложения или заключить с правительством РФ СРП.

Помимо уже проводимых работ на каспийском шельфе, правительство РК намерено в ближайшем будущем запустить проект поиска месторождений нефтяного сырья глубинного залегания. Прошедший 2015 г. стал решающим в процессе формирования консорциума из нефтяных компаний для реализации масштабного проекта «Евразия». Презентованный в 2013 г. проект «Евразия» рассчитывал проведение геолого-разведывательных работ в Прикаспийской впадине по поиску углеводородов на глубине залегания в 14 000—15 000 м. Предполагается, что консорциум будет сформирован на принципах государственно-частного партнерства и будет включать пять-шесть

³ Лицензия выдается без аукциона и конкурса сроком на 25 лет с этапом геологического изучения недр на срок до 7 лет.

нефтедобывающих компаний. Этап геологического изучения Прикаспийской впадины продлится вплоть до 2021 г. Казахстанские власти давно анонсировали, что в готовящемся к выходу в 2016 г. новом, усовершенствованном Кодексе «О недрах» специальным положением будут оговорены условия снижения налоговой нагрузки при проведении работ по геологическому изучению, поиска разведки недр, а также исполнения контракта геологического изучения Прикаспийской впадины, что должно стимулировать не только приток иностранных инвестиций, но и передовых технологий⁴.

Так как разведка предположительно будет вестись в Каспийском море и на территориях, находящихся в юрисдикции как Казахстана, так и России, то в настоящее время в рамках созданного Совета по проекту «Евразия» идет обсуждение с российскими партнерами о согласовании программы совместных действий. В рамках работ по изучению глуболежащих горизонтов и оценки ресурсной базы Прикаспийской низменности планируется провести бурение сверхглубокой скважины Каспий-1⁵. По предварительным оценкам, бурение скважины начнется через 3—3,5 года после подписания контракта и начала работ по геологическому изучению при общей стоимости проекта в \$500 млн [3].

Говоря о возможных трансформациях межгосударственных отношений в регионе вне формата казахстанско-российского партнерства, следует особое внимание уделить возможности создания ЗСТ между Ираном и странами ЕАЭС. В частности, инициатива о создании зоны свободной торговли была высказана иранской стороной, которая надеется инициировать официальные консультации с Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) о подготовке необходимых документов для создания ЗСТ по примеру Вьетнама⁶. Примечательно, что главным «лоббистом» кандидатуры Ирана в качестве претендента на заключение договора о зоне свободной торговли с ЕАЭС выступила Армения, которая обратилась к Евразийской экономической комиссии с предложением начать переговорный процесс⁷. Несмотря на то, что именно Россия является основным торговым партнером ИРИ в Каспийском регионе, большие геоэкономические выгоды от создания ЗСТ получит

⁴ На сегодняшний момент в Казахстане отсутствуют буровые установки, способные бурить вертикальную скважину глубиной 15 000 м.

⁵ Глубина Прикаспийского бассейна составляет порядка 20 000—25 000 м и имеет огромный объем нефтегенерирующих пород. Следует отметить, что рекордная отметка глубинного бурения на сегодняшний день была достигнута при бурении Кольской скважины в России — более 12 000 м. В Казахстане же попытки пробурить сверхглубокие скважины были предприняты в советское время. Однако пробуренные Аралсорская и Бижальская скважины смогли достичь глубины всего в 7000 м.

⁶ 29 мая 2015 г. государства ЕАЭС и Вьетнам подписали Соглашение о создании зоны свободной торговли.

⁷ Президент Армении Серж Саргсян 8 мая 2015 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета в Москве на уровне глав государств высказался за укрепление отношений между ЕАЭС и Ираном, обозначив необходимость расширять географический ареал сотрудничества и в южном направлении.

именно Армения, которая, ввиду транспортной и энергетической блокады со стороны Азербайджана, приобретет реальную возможность интенсифицировать торговлю со странами Союза, и в частности с Россией, через территорию Ирана.

В настоящее время ЕЭК приняла решение создать совместную исследовательскую группу по изучению целесообразности выхода на Соглашение о зоне свободной торговли Евразийского экономического союза с Ираном. Однако, в отличие от Вьетнама, ИРИ все еще находится под действиями международных экономических санкций, наложенных как в многостороннем, так и одностороннем порядке, процесс поэтапного снятия которых начался с 2016 г. Помимо этого, Исламская Республика Иран не является полноправным членом Всемирной торговой организации, стандарты и нормы которой принимались во внимание при выработке советующих положений деятельности ЕАЭС, что предполагает разработку особого формата возможного Соглашения о ЗСТ. В данных обстоятельствах даже при наличии политической воли государств к ускорению процесса создания обозначенной зоны свободной торговли необходимость проработать множество деталей технического характера, без сомнения, в значительной степени затруднит разработку соглашения и удлинит сроки его подписания.

Потенциал торгового взаимодействия на Каспии

Говоря о возможности формирования ЗСТ в Каспийском регионе, необходимо иметь четкое представление об объемах товарооборота стран «каспийской пятерки», что позволит устранить некоторые спорные моменты относительно экономической целесообразности данного формата взаимодействия. Нужно отметить, что за последние годы и Казахстан, и Россия существенно снизили товарооборот с Ираном в силу ряда геополитических и геоэкономических факторов. Так, например, в 2014 г. товарооборот между Казахстаном и Ираном составил всего \$986 млн, в то время как товарооборот России и Ирана — \$1, 682 млрд. В общерегиональном срезе взаимной торговли обозначенные показатели соответствуют 3 и 5%. Хотя всего пару лет назад данные показатели были порядка \$2 млрд и \$3,5 млрд соответственно. При этом основная «загрузка» по взаимной торговле между прикаспийскими странами (рис. 2) приходится на пару Казахстан — Россия (\$21,05 млрд, или 63%), с большим отрывом за ними следуют пары Россия — Азербайджан (\$4,008 млрд, или 12%) и Иран — Туркменистан (\$3,7 млрд, или 11%).

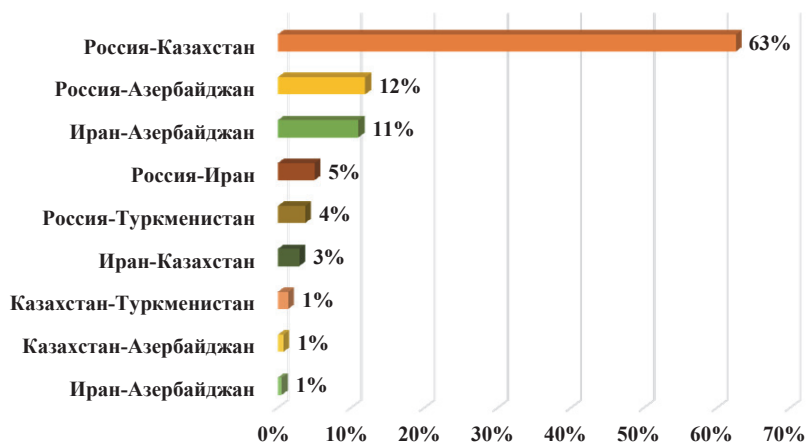

Рис. 2. Процентное соотношение объемов парной торговли в Каспийском регионе в 2014 г.

Безусловно, обозначенные показатели могут претерпеть существенные изменения. Так, например, из-за тяжелых последствий санкционного давления на экономику ИРИ доля присутствия Ирана в регионе, начиная с 2012 г., стабильно снижается, тогда как российское присутствие в Каспийском регионе, наоборот, стабильно растет. По заявлению иранской стороны, в стране разработана программа увеличения товарооборота с прикаспийскими странами до \$10 млрд, при этом максимальный объем товарооборота ИРИ со странами Прикаспия достигал \$6,2 млрд [4].

Говоря непосредственно о Казахстане, следует принимать в расчет тот факт, что на сегодняшний день страны Каспийского региона, за исключением России, на которую приходится основная часть казахстанского экспорта и импорта в регионе, незначительно влияют на его торговую политику [5]. Несмотря на объективное снижение торговых показателей, вызванное резким снижением цен на энергоносители, которое, в свою очередь, привело к усилению кризисных явлений в экономике двух государств, в регионе сохранится устойчивый вектор на доминирование в общем товарообороте пары Казахстан — Россия.

Выводы

Следует признать, что прибрежные государства еще не достигли уровня развития межгосударственных отношений, необходимого для создания полноценного международного экономического сотрудничества в регионе. Тем не менее, несмотря на этот факт, есть некоторые признаки формирования среды, приемлемой для ослабления взаимных претензий

в политической сфере, которые выступают препятствием на пути к достижению более высокого уровня экономического партнерства.

В целом можно отметить, что влияние ЕАЭС на взаимодействие стран «каспийской пятерки» в среднесрочной перспективе будет иметь точечный характер. При этом устойчивый тренд на экономическое сближение Казахстана и России косвенным образом будет проявляться и в политической сфере. В отношении Каспийского региона речь идет о взаимной поддержке в вопросах регулирования проблемы определения правового статуса водоема, а также инициирования новых форм внутрирегионального взаимодействия, которые бы смогли повысить уровень межгосударственного сотрудничества в сферах с меньшим конфликтным потенциалом, чем вопросы делимитации Каспия.

Одновременно входя в состав как стран — участников ЕАЭС, так стран «каспийской пятерки», Казахстан и Россия несут определенную ответственность за поддержание должного уровня интенсивности взаимодействия между данными двумя группами. При этом вполне очевидно, что движущей силой как для евразийской, так и для потенциальной каспийской интеграции выступает именно казахстанско-российская экономическая деятельность в таких сферах, как энергетика, транспорт и торговля. Таким образом, существует острая необходимость предотвратить дальнейшее ослабление экономического взаимодействия между партнерами, особенно в период кризисных явлений в экономиках стран региона.

Список литературы

1. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003. С. 67.
2. Энергетика. Евразийская экономическая комиссия. М., 2015. С. 4—5.
3. Глубины Евразии // KAZENERGY. 2015. N 2 (69). С. 24—26.
4. Кусаинов А. Взаимная торговля стран Каспийского бассейна. URL:<http://www.almagest.kz>. 2015 (дата обращения: 10.06.2016).
5. Полетаев Э. Новые горизонты российско-казахстанского прикаспийского сотрудничества в свете евразийской интеграции. URL: <http://wef.kz>. 2014, 8 июля (дата обращения: 13.06.2016).

РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА

Джамиля Нурманбетова¹,
Юлия Шаповал²,
Рузия Камарова³,
Татьяна Липина⁴

¹ Доктор философских наук, член-корреспондент НАН РК, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

² Доктор философских наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

³ Кандидат философских наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

⁴ Магистр религиоведения, Центр политического анализа и стратегических исследований партии «Нұр Отан»

Аннотация. Процессы политизации этничности и религии в условиях полиэтничности большинства мировых стран в конце XX — начале XXI в. привели к этноконфессиональным конфликтам с человеческими жертвами.

Однако в зарубежной и отечественной научной литературе при анализе сферы этнических отношений недооценивается значимость религиозного фактора, который может усиливать этничность или, наоборот, ослаблять ее в зависимости от социального контекста.

В Казахстане как полиэтничном и поликонфессиональном государстве вопросы взаимодействия этничности и религиозности у различных этнических групп являются весьма актуальными, оказывающими значительное влияние на сферу этнических и религиозных отношений.

Цель статьи: показать разные модели взаимодействия этничности и религии у разных этнических групп на примере этнокультурных центров Ассамблеи народа Казахстана.

В качестве основного метода исследования применялся кейс-стади с использованием включенного наблюдения и интервьюирования в татарском, украинском, корейском центрах и казачьих организациях.

В ходе исследования были выявлены модели взаимодействия этнического и религиозного компонентов в этнокультурных центрах. Модель тесного переплетения этничности и религии, возрождения религиозной составляющей реализу-

ется в татарском центре. Модель использования религиозных символов, нарративов для усиления этнического компонента применяется в казачьих центрах. В украинских этнокультурных центрах религиозный фактор присутствует в меньшей степени, и преимущественно в центрах, осуществляющих взаимодействие с греко-католической общиной. В корейских этнокультурных центрах религия стала одним из средств возврата к этническим корням в связи с деятельностью корейских миссионеров с исторической родины.

Ключевые слова: этничность, религия, этнокультурные центры, модели взаимодействия этничности и религии.

ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫ АССАМБЛЕЯСЫНЫҢ ЭТНОМӘДЕНИ ОРТАЛЫҚТАРЫ ҚЫЗМЕТІНДЕГІ ДІН ЖӘНЕ ЭТНИКАЛЫҚ (ЭТНИЧНОСТЬ)

Джамиля Нурманбетова, Юлия Шаповал,
Рузия Камарова, Татьяна Липина

Андатпа. ХХ ғасырдың соңы мен ХХІ ғасырдың басында әлем елдерінің басым бөлігіндегі этникалықты (этничность) және дінді саясаттандыру үдерісі адам шығыны болған этноконфессиялық шиеленістерге алып келді.

Алайда этникалық қатынас саласын саралау кезінде, шетелдік және ғылыми әдебиеттерде әлеуметтік мәнмәтініне қарай этникалықты күшейте алатын, немесе керісінше әлсірете алатын діни фактордың маңыздылығы ескерілмейді.

Полиэтникалық және поликонфессиялық мемлекет ретінде Қазақстанда түрлі этникалық топтардың этникалық және діншілдік өзара қарым-қатынасы айтарлықтай өзекті. Ол этникалық және діни қатынастарға айтарлықтай әсер етеді.

Мақала мақсаты — Қазақстан халқы Ассамблеясы этномәдени орталықтары негізінде түрлі этникалық топтардағы этникалық пен діннің өзара қарым-қатынасының түрлі үлгілерін көрсету.

Зерттеудің негізгі әдісі ретінде татар, украин, корей орталықтары мен казак ұйымдарында сұхбаттасуды және іштей бақылауды жүргізу негізіндегі кейс-стади әдісі қолданылды.

Зерттеу барысында этномәдени орталықтарда өзара қарым-қатынас моделінің этникалық және діни компоненттері анықталды. Этникалық пен діннің тығыз байланыс үлгісі татар орталығында жүзеге асырылуда. Этникалық компонентті күшейту үшін діни символдарды, нарративтерді қолдану үлгісі казак орталықтарында қолданылады. Украин этномәдени орталықтарында діни фактор аз дәрежеде кездеседі, әсіресе грек-католиктік қауыммен әрекеттесетін орталықтарда. Тарихи отаннан келген корей миссионерлердің қызметіне байланысты корей этномәдени орталықтарында дін этникалық тамырға оралудың құралы ретінде көрініс тапты.

Түйінді сөздер: этникалық (этничность), дін, этномәдени орталықтар, дін және этникалық арасындағы қарым-қатынас үлгілері.

RELIGION AND ETHNICITY IN ACTIVITIES CULTURAL CENTERS OF PEOPLE'S ASSEMBLY OF KAZAKHSTAN

**Zhamila Nurmanbetova, Yuliya Shapoval,
Ruziya Kamarova, Tatyana Lipina**

Abstract. Politicization of ethnicity and religion in the late 20th and early 21st centuries, when the majority of the countries of the world are multi-ethnic and multi-confessional, have led to the lethal conflicts. However, both foreign and domestic scholarly literature overlooks the significance of the religious factor in inter-ethnic relations, which may exacerbate or weaken ethnicity depending on the specific social context.

In Kazakhstan, which is a multiethnic and multi-confessional nation, the issues of interaction between ethnicity and religion in various ethnic groups are highly relevant having a significant impact on the ethnic and religious relations.

The article aims to distinguish the models of interrelation of ethnicity and religion in different ethnic groups having the activities of the ethno-cultural centers functioning under the People's Assembly of Kazakhstan as the case studies. Apart from case study, participant observation and interviews in the Tatar, Ukrainian, Korean, and Cossack centers have been applied.

The study revealed the patterns of interrelation of ethnic and religious components in the ethno-cultural centers. Close intertwining of ethnicity and religion as well as religious revival is characteristic for the Tatar centers, religious symbolism and the narratives reinforcing the ethnic component have been observed in the Cossack centers while in the Ukrainian ethno-cultural centers the religious factor is present to a lesser degree, mainly in those affiliated with the Greek-Catholic community. For the Korean ethno-cultural centers, religion has become one of the means to return to the ethnic roots mostly due to the activities of the Korean missionaries representing their "historical homeland".

Key words: *ethnicity, religion, cultural centers, model of interrelation of ethnicity and religion.*

Введение

В поликонфессиональном и полиэтничном обществе, которым является Казахстан, религия и этничность — это два значимых фактора, оказывающих глубокое влияние на социальные процессы. Религия и этничность являются базовыми ресурсами идентификации людей, социальных групп, формами организации социальных отношений. Более того, религия и этничность являются мировоззренческими основаниями, через призму которых люди воспринимают социальный мир, оценивают его и придают ему смысл. Религия и этничность формируют культуру этносов и этнических групп, способствуют их самосохранению и предотвращают ассимиляцию.

В современном мире мы являемся свидетелями глобального процесса политизации религии и этничности, когда политических целей достигают на основе манипуляции религиозными и этническими чувствами, используя огромный символический мобилизационный потенциал религии и этничности.

В то же время в мировом академическом дискурсе, фокусирующемся на исследовании этничности, этнополитике и религиозному фактору в течение длительного периода уделялось недостаточно внимания, так как считалось, что возникновение национальных идеологий, национальных государств относится к эпохе модерна и, соответственно, связано с процессом секуляризации, то есть с уменьшением роли религии в общественных процессах и ее вытеснения в приватное пространство человека. Однако всплеск национализма в конце XX — начале XXI в., возникновение новых национальных государств после распада Советского Союза, межэтнические конфликты, в которых в значительной степени присутствовало религиозное измерение, а также процессы транснациональной миграции, приведшие к «суперразнообразию» этносов и религий внутри национальных государств [1], показали невозможность дальнейшей недооценки религиозного компонента в этнических процессах и необходимость изучения взаимодействия религии и этничности в современных социально-политических процессах.

Исследования отношения религии и этничности в современной социально-гуманитарной науке развернулись в основном в двух научных областях, а именно в рамках конфликтологии, а также изучения миграции и диаспор.

Авторы, занимающиеся изучением этнических конфликтов, будь то на постсоветском пространстве или в западных странах, например в Северной Ирландии, приходят к выводу о сложных и неоднозначных отношениях между этничностью и религией в зависимости от социального и культурно-исторического контекста, в котором разворачивается конфликт. В ряде случаев, как показывает исследователь Клер Митчелл (*C. Mitchell*) на примере конфликта в Северной Ирландии, господствует инструментальный подход к религии со стороны участников конфликтов, которые используют религиозные различия между протестантами и католиками, апелляцию к религии, религиозную риторику и религиозную символику для легализации насилия. В то же время отношения между этническим и религиозным компонентами в этом конфликте являются более сложными, поскольку на конкретных примерах и биографиях общественных деятелей ученый демонстрирует, что в одних случаях религиозные идеи усиливают этнические категории, обостряя конфликт, в других случаях обращение к религии привело к охлаждению этнических чувств и попыткам мирного урегулирования конфлик-

та, поскольку в своей основе христианство, будь то католичество или протестантизм, призывающее любить даже врагов, несовместимо с насилием [2].

Исследователь Кристофер Марш (*C. Marsh*) [3], анализируя посткоммунистические конфликты, приходит к выводу, что, когда между группами в этнополитическом конфликте существуют религиозные различия, это ведет к тому, что данные различия становятся все более подчеркнутыми, выпуклыми, а сами конфликты становятся более интенсивными (по количеству жертв, по числу мигрантов), более долгими и неподатливыми для мирного урегулирования. К. Марш видит явное религиозное измерение в постсоветских конфликтах, в частности, религиозные символы были вовлечены в Нагорно-Карабахский конфликт, также их можно найти в Чечне, Боснии и Косово. Сама по себе религия не опасна, но при определенных обстоятельствах может стать взрывоопасной.

Российский исследователь В.А. Шнирельман обращает особое внимание на культурную составляющую современных конфликтов, выделяя среди культурных факторов процессы мифологизации прошлого, актуализации исторической памяти, которые могут быть поддержаны религией. В фундаментальной коллективной монографии, посвященной этническим конфликтам, российские исследователи предлагают типологию этнических конфликтов, при этом религиозные конфликты выделяют в отдельную категорию и анализируют их на примере Северного Кавказа [4].

Помимо конфликтологии, тема религии и этничности нашла отражение в исследованиях по диаспоре, мигрантам. В центре внимания ученых в области исследования миграции и диаспор вопросы идентичности, в частности роли религии для формирования и сохранения диаспоральной идентичности. Ученые В. Кокот (*W. Kokot*), Х. Толольян (*Kh. Tölölyan*), К. Альфонсо (*C. Alfonso*) актуализировали вопрос о недооценке религиозного компонента в идентичности диаспор, указывая на влияние религиозной веры, религиозных символов и организационных структур на формирование идентичности [5]. Исследователь Д. Джекобсон (*J. Jacobson*) показывает, что религия является более значимым источником идентичности для пакистанцев в Великобритании, чем этничность [6], а М. Сокефельд (*M. Sökefeld*) показывает, что религия является центральной для сохранения этнической идентичности алавитов в Германии [7].

Таким образом, вопросы религии и этничности все больше привлекают внимание исследователей, что отразилось и на понимании этноса в современной социально-гуманитарной науке, где акцент делается на культурных составляющих. Согласно известному исследователю

этничности и национализма Э. Смиты, в этносе, этничности определяющими являются «коды, символы и мифы, а также ассоциированная с ними историческая память общего прошлого опыта» [8, с 127]. Они служат отличием этноса от других типов человеческих групп и социальных связей. Религия у многих этносов, у одних в большей степени, у других в меньшей степени, является составной частью данных символов, мифов, исторической памяти, а также их хранителем и транслятором. Поэтому этническое возрождение, как показывает французский исследователь Д. Харви-Легер (*D. Hervieu-Leger*) [9], часто сопровождается религиозным возрождением, когда происходит актуализация и мобилизация не только этнических, но и религиозных символов и ценностей.

Соответственно, в Казахстане с обретением независимости, когда люди, представители разных этносов, получили возможность свободы вероисповедания и возрождения своей этнической культуры и традиций, имели место как процессы «религиозного возрождения», внешне выразившиеся в росте интереса людей к религии, в том числе к религиозным традициям своей этнической культуры, увеличении числа религиозных организаций, так и возрождение этнического самосознания, что выразилось в возникновении общественных объединений, цель которых — возродить, сохранить и передать язык, культуру, традиции своего этноса.

Ассамблея народа Казахстана (до 2007 г. Ассамблея народов Казахстана) была образована в 1995 г., а этнокультурные объединения стали возникать по инициативе снизу с начала 1990-х гг. Религиозное возрождение не ограничивалось только этническими аспектами возрождения так называемых «этнических религий», аффилированных с определенным этносом, но является более широким феноменом, включающим и процессы разрыва этничности и религии при конверсии людей в новые религиозные движения. В свою очередь, процессы этнического возрождения обнаруживают разные пути взаимодействия этнического и религиозного компонентов, от возрождения веры в Бога у людей и вовлечения в религиозные практики до более не прямых путей динамичного отношения религии и этничности, выражающегося в апелляции к религии как составляющей этнической культуры или просто в использовании религиозной риторики и атрибутики без глубокого вовлечения в веру и религиозные практики. Для современных ученых, занимающихся этнической проблематикой, большой интерес представляет исследование не прямых, неявных форм присутствия религиозного компонента в жизнедеятельности людей, не практикующих религию, однако при определенных социальных контекстах обращающихся к религии.

В ряде работ казахстанских ученых рассмотрен социально-политический контекст, в рамках которого у людей актуализируется религиозное

сознание. Это депортация народов в Казахстан, жизнь депортированных народов и стремление сохранить свою этническую идентичность, в том числе через религию. Исследователь Ж.У. Кыдыралина, основываясь на архивных данных, показывает, что партийные инстанции были обеспокоены тем, «что под религиозное влияние попала большая часть спецпереселенцев (поляки, немцы, чеченцы)» [10, с. 207]. В частности, в Казахстане, в местах проживания советских немцев, усилили свое влияние нелегальные религиозные общины, среди которых особой активностью отличались меннониты.

Исследователь Н.А. Абуов также показывает, что одной из форм протеста спецпоселенцев являлось их вовлечение в общины лютеран, баптистов, меннонитов с целью следования духовным ценностям предков [11]. Епископ Евангелическо-лютеранской церкви в Казахстане Ю.Т. Новгородов, в ходе проведенного с ним интервью, отмечал, что в годы советской власти религиозные общины носили этнический характер и часто выполняли функцию национально-культурных центров, куда люди немецкой национальности приходили пообщаться на немецком языке, вспомнить о своей этнической принадлежности, об этнической культуре, традициях. Таким образом, религия поддерживала и укрепляла этническую идентичность депортированных народов.

Цель нашего исследования — выявить взаимодействие этнического и религиозного компонентов на примере этнокультурных центров АНК в Казахстане, так как их посещают люди, которые неравнодушны к поддержке и развитию своей этнической культуры, традиций, языка, то есть обладающие в той или иной степени этническим самосознанием.

Методы исследования

В ходе исследования была применена качественная методология, а именно метод кейс-стади. В качестве кейсов были взяты следующие этнокультурные центры Ассамблеи народа Казахстана:

- Татарский образовательно-культурный центр «Дуслык» в Астане.
- Региональное общественное объединение «Союз казаков Степного края» (РОО СКСК), Семиреченская казачья община (СКО), РОО Союза казаков Семиречья (СКС), казаков Яицких и Уральских.
- Этнокультурные центры украинцев: Украинское общество «Оберег» и Украинский культурный центр «Ватра» г. Астаны.
- Ассоциация корейцев Казахстана.

Исследование каждого кейс-стади, то есть каждого этнокультурного центра, включало проведение полевых исследований методом включенного наблюдения, чтобы иметь возможность изучить, какое место

религия занимает в их деятельности, включая ритуалы жизненного цикла, различные праздники, мероприятия внутри и вне этнокультурного центра. Кроме того, для более глубокого понимания взаимосвязи этнического и религиозного были проведены полуструктурированные интервью с членами этнокультурных объединений. По каждому кейс-стади велись фото- и видеосъемки с применением методов визуальной антропологии.

В ходе исследования широко привлекались работы по истории рассматриваемых этносов, что позволяет говорить об историческом методе исследования. Важным методом исследования был анализ газет, интернет-сайтов, издающихся этнокультурными центрами, а также материалов, предоставленных ими в распоряжение исследователей.

Результаты исследования

Исследования взаимодействия этнического и религиозного в жизнедеятельности татаро-башкирских центров были связаны с ОО (общественным объединением) Татарским образовательно-культурным центром «Дуслык» в Астане. Данный кейс служит примером переплетения религии и этничности, когда религия воспринимается как органическая часть этнической культуры и идентичности.

Согласно исследователю Р. Брубейкеру (*R. Brubaker*) [12], для данного типа взаимодействия религии и этничности характерно, что религия во многом определяет границы нации, а также снабжает мифами, метафорами, символами, которые являются центральными для репрезентации нации. Религия помогает ответить этносу на вопрос «Кто мы?», отличает его в аспекте истории, характера, идентичности, предназначения от других этносов.

Соответственно, в деятельности центра «Дуслык» продвижение этнической культуры тесно связано с обращением к религиозным истокам. Возрождение и восстановление традиционных ценностей и обрядов включают реконструкцию традиций, символов, связанных с татарским исламом. В частности, это салават и шамаиль. Салават — благословление, приветствие Пророку. При проведении полевых исследований, мы были свидетелями, когда в ходе ифтара — разговения во время поста, месяца рамазан, бабушки-татарки пели салават. Это семикратно повторяемая формула, которая исполняется при празднованиях мавлюда, айтов, рамазана. Исполнение салаватов было запрещено в советское время, и сейчас имеются примеры восстановления этой традиции.

Следующей восстанавливаемой традицией является интерес к искусству шамаиля, поддерживаемое «Дуслыком». Правда, пока это

наблюдается не столько в развитии собственного художественного промысла, а в сборе, коллекционировании предметов шамаиля, привезенных из Татарстана. Изначально слово «шамаиль» имеет арабское происхождение и означает буквально «качество, достоинство». Можно предположить, что в значении «священная картина» термин «шамаиль» закрепился и в культуре казанских татар. Татарские шамаили принципиально отвергали и отвергают образы живых существ и связанные с ними религиозно-поклонные функции. Шамаиль в культуре татар-суннитов — религиозный знак, основанный на искусстве арабской каллиграфии, оформленный в виде станковой картины.

В Астане, изучая вклад татар в развитие Астаны, ОО «Дуслык» предлагает для обсуждения и продвигает проект восстановления Зеленой мечети, которая была построена в конце XIX в. на средства татарских купцов Нуркея Забирова, Баймухамета Коцегулова, Мурсалима Миркамалова и Хусаина Бегишева. Она получила название «татарской» и «зеленой», так как была покрашена зеленой масляной краской. В советское время она сначала была закрыта, перестроена под Дом пионеров, потом разрушена, а на ее месте был построен жилой трехэтажный дом. Сегодня от нее остались только стены старинного забора, находящиеся в старом центре столицы.

10 июля 2015 г. по инициативе руководителя ОО «Дуслык» Яннат Асхатовны Низамутдиновой был проведен круглый стол «Ислам: традиции и современность», на который были приглашены правнучки татарских купцов, спонсировавших строительство. В центре обсуждения была история Зеленой мечети, которая в изложении выступающих сакрализовалась, а именно руководитель Центра указывала на существование поверья, что на месте Зеленой мечети находится священный дух города, который дарует удачу и исполняет самые сокровенные желания. Также была приведена легенда из книги «Город с тысячелетней историей» генерального директора Национального архива Республики Казахстан Марата Абсеметова. По сведениям известного ученого, во время кладки стены, возведенной вокруг мечети, строители из Бухары в отдельные кирпичи вписали имя «Аллах».

Зеленая мечеть в дискурсе ОО «Дуслык» является важнейшим этно-религиозным символом, репрезентирующим татарскую культуру, глубоко связанную с исламом.

Подобное явление наблюдается и в г. Уральске. Красная мечеть, одно из старейших культовых зданий в городе, находится в татарской слободе и традиционно ассоциируется с татарами. Более того, она входит в ансамбль своеобразного культурообразующего «татарского» пространства Уральска. Ее интегрирующее и культурное значение особенно подчеркивалось представителями Татарского культурного центра в этом городе.

Следующий тип взаимодействия религиозного и этнического компонентов представляет собой один из путей влияния религии на формирование этничности, что выражается в использовании религиозных мотивов, нарративов и символов для актуализации и поддержки этнических идей. Согласно Р. Брубейкеру, в этом типе можно встретить использование мотива избранности, особого предназначения и других религиозных символов, которые являются глубоким культурным ресурсом для этничности. Связь религии и этничности является в этом случае не столь глубокой, обращение к религии может не сопровождаться глубоким вовлечением в религиозную веру и практику. На наш взгляд, казачьи общественные объединения репрезентируют данный тип взаимодействия религии и этничности.

Казачьи организации Казахстана представляют собой значительное многообразие, поэтому мы обозначим общие тенденции, которые удалось выявить при изучении данного кейса, но необходимо иметь в виду, что существуют особенности среди объединений казаков, например, уральские казаки отличаются от семиреченских. Нами проводилось исследование казачьих организаций в трех городах: Астане, Алматы и Уральске.

Вопрос об идентификации казаков является дискуссионным. Как указывает исследователь С.К. Сагнаева [13], в этнической типологии советских этнологов Ю. Бромлея, Т. Жданко и др. казаки характеризовались как этническая или этнографическая группа русского народа. В своей работе, посвященной историческим аспектам формирования уральского казачества, С. Сагнаева обосновывает свою точку зрения на казаков как на этнословную группу, что обусловлено особенностями их происхождения, длительным историческим существованием как военного сословия в Российской империи, спецификой социальных, хозяйственных, военно-правовых институтов казачества, образом жизни, что в итоге обусловило особенности их культуры, быта, традиций, а порой и религиозных верований. Исследователи Г.М. Дерлугьян [14], А. Попов [15], фокусируясь в своих работах на процессах «возрождения» казачества в рамках неказаческих движений современного постсоветского пространства, указывают на приемлемость определения казаков как субэтнуса русского этноса. В научной серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», выпускаемой Институтом этнологии и антропологии РАН, в 2016 г. исследователями Е.А. Агеевой и Е.С. Данилко [16] была выпущена брошюра, посвященная уральским казакам, в которой казаки понимаются как этнолокальная группа русских, имеющая свои особенности в культуре, быту, традициях, верованиях.

Что касается самоопределения казаков, то, с одной стороны, они относят себя к русскому народу, с другой — говорят о себе как об

особенном народе, имеющем отличия, что связано с их особым предназначением воинов-защитников. Во время глубинных интервью с казаками, респонденты называли себя народом. Как отмечают ученые С. Маркедонов [17], А. Попов [18], Г.М. Дерлугьян [19], А.А. Озеров [20], современные процессы «возрождения» казачества более релевантно рассматривать через призму конструктивистского подхода, который позволяет понять их не просто как возрождение далекого прошлого, а как конструирование идентичности в новых изменившихся экономических, социально-политических, исторических и культурных условиях, когда прежние функции казачества ушли в прошлое. В связи с этим процессом конструирования, все чаще в академической литературе вышеуказанными авторами используется термин «неоказачество».

В Казахстане, как уже упоминалось выше, казачьи объединения являются разнообразными. Часть из них — активные члены АНК, другая часть действует вне Ассамблеи. Их объединяет то, что в ходе интервью, проводимых с казаками, постоянно подчеркивались религиозные маркеры, отличающие казаков. На вопрос, кто такие казаки, всегда в ответ говорилось ключевая фраза, что «казак без веры не казак!». Со слов «вера» начинаются девизы региональных газет уральских казаков «Казачьи ведомости», казаков Степного края «Казак степной», «Казачий курьер» казаков «Союза казаков Семиречья».

Следующий религиозный маркер, который используют казаки для самоопределения и самоидентификации как признак, отличающий казаков от других групп и служащий для репрезентации, — это определение себя как воинов Христовых. Присяга казаков (верстание) проходит обязательно в православных храмах в присутствии и с благословения священника. Казаки сотрудничают с Православной церковью в Казахстане, а именно обеспечивают охрану и порядок на церковных праздниках, участвуют в крестных ходах, а также проводят совместные со священнослужителями мероприятия просвещенческого и иного характера. В казачьей общине существуют храмовые дни, когда казаки ходят на воскресные службы и охраняют порядок в церквях. Во время больших православных праздников или привоза знаменитых икон и святых мощей казаки целыми днями осуществляют дежурство, следя за соблюдением порядка. Большинство храмов Алматы, например, поделено между казачьими организациями города, которые обеспечивают порядок в них. Присутствие священника и его благословение обязательно на казачьем круге, а также на всех остальных собраниях казаков, включая воскресные казачьи школы.

В помещениях, где располагаются казачьи организации, присутствуют религиозные символы и атрибутика: висят иконы, фотографии казаков в храмах, со священниками, во время участия в крестных хо-

дах в большие православные праздники, такие как Пасха, Крещение. В музее Казачьего культурного центра г. Алматы, помимо фотографий, икон, нами был увиден большой плакат, содержащий Положение о священнике Союза казачьих объединений Казахстана, согласно которому главная функция священников — напоминать казакам о христианской морали и ценностях, но реальным голосом при принятии решений священнослужитель не обладает.

В то же время, когда респондентам предлагалось подробнее объяснить фразу «казак без веры не казак», то становилось понятно, что казаки делают различие между верой и религией как организацией. Религия, по их словам, — это организация, которую создали люди, это что-то внешнее. А вера — «в душе», «вера отцов, предков», «живая традиция», что-то истинное, подлинное. Соответственно, как утверждают они, главное — вера и то, как предки верили и передали ее нынешним поколениям. На вопрос, соблюдают ли они православные посты, последовал ответ, что некоторые соблюдают, но строгого соблюдения нет.

Таким образом, религиозный компонент в значительной степени присутствует в деятельности казачьих объединений для усиления культуры, поддержания традиций казаков как особого народа, каким они себя считают, но при этом глубокой личностной вовлеченности в вероучение и религиозные практики нами замечено не было. Религиозные маркеры играют значительную роль в попытках конструирования идентичности современных казаков в Казахстане.

Украинские этнокультурные центры не являются гомогенными, соответственно, роль религиозного фактора в их деятельности является различной. В большинстве своем украинцы в Казахстане относят себя к Православной церкви (МП). Среди религиозных ориентаций небольшой части украинцев в Казахстане присутствует и греко-католическая вера.

В связи с неизученностью греко-католической общины в Казахстане, коротко остановимся на ее истории. На Украине Греко-католическая церковь возникла в XVI в. в результате Брестской унии с Римско-католической церковью. В настоящий момент здесь, наряду с православными церквями различной юрисдикции, функционирует и Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ). Трагические страницы истории Украинской греко-католической церкви связаны с Казахстаном, так как среди украинцев, репрессированных и сосланных в Казахстан, определенную часть составляют украинцы из Западной Украины, которая вошла в состав СССР в 1939 г. Также из Западной Украины были высланы и священники Украинской греко-католической церкви.

С обретением независимости, с 1990-х гг., Украинская греко-католическая церковь активизирует свое присутствие в Казахстане. Самая большая традиционная греко-католическая община в Казахстане находится

в Караганде, в 1997 г. был освящен греко-католический храм «Покрова Пресвятой Богородицы», который стал, по сути, центром греко-католиков в Казахстане. В сентябре 2013 г. была освящена и открыта Украинская греко-католическая церковь в Астане. В настоящее время действует пять приходов Украинской греко-католической церкви: в Караганде, Астане, Павлодаре, Шидерты и Сатпаеве.

Как показало наше исследование, Украинская греко-католическая церковь в Казахстане является примером глубокого переплетения этнического и религиозного компонентов в своей деятельности. Богослужения в ней проводятся на украинском языке, празднуются не только религиозные праздники, но и национальные украинские праздники, такие как День матери, День независимости Украины. В этих церквях можно наблюдать, когда чисто религиозный праздник сопровождается после богослужения концертом украинских песен и танцев творческих коллективов. Данные церкви поддерживают развитие украинской культуры, традиций, языка и стараются сотрудничать с украинскими этнокультурными центрами.

В отношении Украинской греко-католической церкви в Астане наблюдается разное отношение двух украинских этнокультурных центров. Руководитель украинского этнокультурного центра «Ватра» Т.А. Чернега поддерживает тесные отношения с этой церковью, стараясь привлечь остальных членов этнокультурного центра, так как для него важна ее «украинскость». Это, прежде всего, возможность послушать богослужение на украинском языке, это пропаганда украинской культуры, это празднование украинских национальных праздников. Однако большинство членов данного этнокультурного центра ассоциируют себя с Русской православной церковью и по большим церковным праздникам (Рождество, Крещение, Пасха, Троица) посещают православные храмы.

Другой украинский этнокультурный центр Астаны «Оберег» под руководством Т. Ширмер в настоящее время не поддерживает тесных контактов с Украинской греко-католической церковью. На наш вопрос о религиозных предпочтениях центра был получен ответ, что это — бывшие советские люди. Большинство из них на большие праздники посещают Русскую православную церковь Московского патриархата. В отношении Украинской греко-католической церкви было сказано, что тип религиозности, которую они встречают в данной церкви, им непонятен. Однако ранее, как информировал директор воскресной школы украинского этнокультурного центра «Оберег» и учитель украинской гимназии, в 2000-е гг. было активное сотрудничество с исторической родиной в сфере образования и со священниками Украинской греко-католической церкви. Греко-католический священник преподавал музыку в украинской гимназии в Астане (ныне гимназия № 47), учителя с учениками по-

сещали рождественские богослужения и праздники, развивался взаимообмен между украинской гимназией и школами во Львове.

Необходимо отметить, что Русская православная церковь в Казахстане, в частности в Астане, на современном этапе реализует перспективный проект, посвященный этнокультурным особенностям православия у разных народов, исторически исповедующих православную веру. Активисты Астанайского православного молодежного движения (АПМД) и молодые священники организуют представления, показывающие, как празднуются православные праздники у разных народов. В частности, в январе 2016 г. мы были свидетелями постановки «Рождество по-болгарски», а в мае 2016 г. в Духовно-культурном центре Казахстанского митрополичьего округа имени Кирилла и Мефодия при Успенском соборе в Астане на суд зрителей была представлена постановка, демонстрирующая пасхальные традиции белорусского народа. Данные представления всегда вызывают большой интерес зрителей и проходят при полном зале. Как нам было сказано священником, одним из организаторов этого проекта, в перспективе планируется показать, как празднуется Рождество у украинского народа. Также им было отмечено, что украинские культурные традиции, связанные с православием, отличаются своей глубиной и богатством, а украинский народ является глубоко верующим народом, у которого православие вплетено в ритуалы жизненного цикла и традиций. Таким образом, в отношении украинских этнокультурных центров мы видим реализацию следующих моделей отношения религии и этничности. Украинский этнокультурный центр «Ватра» усилиями своего руководителя Т.А. Чернеги больше вовлечен в сотрудничество с Греко-католической церковью, цель которого не религиозная, а культурная — приобщение к украинской культуре, укрепление украинской идентичности. Обращение к религии основывается на стремлении поддержать этнический компонент. Центр «Оберег» отстраненно держится от прямого взаимодействия с религиозными организациями, будь то Православная церковь в Казахстане или Украинская греко-католическая церковь, то есть религия, религиозные ритуалы не воспринимаются как путь интеграции в украинскую культуру и важная составляющая украинской идентичности.

Корейские этнокультурные центры являются примером, когда религиозный фактор возникает в ряде случаев как следствие деятельности религиозных организаций с исторической родины.

В качестве примера можно привести корейцев Алматинского национального корейского центра. Некоторые из них являются представителями вон-буддизма, который появился в Казахстане в результате деятельности корейца из Республики Корея, прибывшего в нашу страну в 1991 г. Сначала он преподавал корейский язык в одном из вузов страны, потом организовал курсы корейского языка, а также открыл вон-буддийскую общину.

Как показало исследование, верующие данной организации стали ходить на курсы корейского языка, изучать корейскую культуру, соблюдать корейские праздники и ездить в Южную Корею для знакомства с исторической родиной.

Вон-буддизм выступает не только религией, но, как мы подробно рассматривали в своей предыдущей публикации, «для них — это традиция, дань своей национальности, возможность полнее ощутить свою причастность к корейскому народу — своеобразная «корейская философия жизни» [21, с. 97]. Более того, в ходе проведенного опроса некоторые респонденты были против именованя буддизма религией, для них это часть корейской культуры, которая позволяет полнее ощутить свои этнические и исторические корни.

Для многих верующих нет разницы между собственно буддизмом и вон-буддизмом, который возник сравнительно недавно, 100 лет назад, по сравнению с многотысячелетней историей буддизма. Они воспринимают вон-буддизм как часть традиционной для корейцев религии, буддизма. Таким образом, вон-буддизм для определенной части корейцев служит путем приобщения к этнической культуре и ценностям.

Для корейского этнокультурного центра Западно-Казахстанской области характерен иной образ религиозно-этнического взаимодействия. Наблюдается конфессиональная палитра корейцев, состоящих в данном центре.

Часть из них сохранила по традиции религиозную идентичность своих предков, принявших православие на территории Дальнего Востока. Однако последовательного и строгого выполнения религиозных обрядов и следования религиозной традиции не наблюдается.

Среди всего особенно выделяется случай принятия православия в зрелом возрасте в силу привычности и близости этих традиций. В данном конкретном случае это было обусловлено не только компенсаторным потенциалом православия, но и тем, что основные коммуникации установлены с представителями указанной конфессии. Можно наблюдать формирование религиозной идентичности, основанной на желании соучастия в бытии ближайшего окружения.

Помимо этого, в Уральском этнокультурном центре ряд активистов исповедуют протестантизм пресвитерианского направления. Отсюда следует участие этой церкви в мероприятиях корейского этнокультурного центра. Это взаимодействие отражается также на повседневных предметах, находящихся в малом офисе этнокультурного центра в г. Аксае, к примеру, настенный календарь пресвитерианской церкви.

Можно отметить, что для многих прихожан приобщение к религиозным ценностям данной общины началось посредством посещения языковых курсов, на которых преподавали проповедники церкви. В этом случае

мы наблюдаем корреляцию механизма вхождения в религиозную общину вон-буддизма и пресвитерианства. Однако если вон-буддизм для корейцев, его исповедующих, продолжает соотноситься с корейской культурой и традициями, то в случае с пресвитерианством вхождение в религиозную общину повлекло за собой ослабление этнической идентичности. Усиливается религиозная идентичность, основанная на универсальном начале такой мировой религии, как христианство.

Обсуждение результатов

Таким образом, рассмотренные кейсы показывают присутствие в разной степени религиозного фактора в процессе восстановления, сохранения и развития этнической культуры на примере этнокультурных центров. Более того, религия и этничность взаимодействуют между собой, формируя разные модели данного взаимодействия, что зависит от историко-культурных традиций отношений этнического и религиозного компонентов и социально-политического контекста существования этноса на современном этапе, учитывая трансформации, которые происходят с этнической группой, живущей вне исторической родины под влиянием иного этнокультурного окружения, способствуя у одних этносов усилению взаимодействия религии и этничности, а у других — ослаблению взаимосвязи, а порой освобождению этнического от религиозного.

Татарский культурно-образовательный центр «Дуслык» репрезентирует тесное переплетение процессов восстановления этнической культуры и религиозного возрождения, сопровождаемое вовлеченностью в религиозные практики.

Кейс казачьих организаций также демонстрирует взаимодействие этнического и религиозного, но в другом аспекте, а именно значительной роли религиозных символов, нарративов в поддержании особого статуса казаков, не просто как части русского народа, но особого народа со своей спецификой.

Широкое использование религиозной символики и дискурсов не всегда выражается в вовлеченности в религиозные практики, хотя мы встречали представителей казачьих организаций, у которых религиозный компонент реализуется на более глубоком личностном уровне. Кроме того, среди небольшой части казаков сохранилась приверженность старообрядчеству, что необходимо исследовать, поскольку, в отличие от официально признанного и поддерживаемого властями православия, старообрядчество в Российской империи преследовалось, соответственно, это повлияло и на идентичность казаков, его исповедующих.

Украинские этнокультурные центры в целом являются примером ослабления взаимосвязи этнического и религиозного компонентов в деятельно-

сти и идентичности ее членов. Украинская этническая группа в Казахстане, подверженная в значительной степени ассимиляционным процессам, репрезентирует меньшую степень религиозности по сравнению с украинцами на Украине, которые в основной массе являются более религиозными людьми, следующими богатой религиозной культуре, накопленной за многие века после принятия христианства. Это относится и к украинцам православным, и к греко-католикам. В Казахстане, как нами было замечено, наблюдается существенная разница в уровне религиозности между украинцами, признающими себя православными, и украинцами, аффилированными с Украинской греко-католической церковью, но данный вопрос требует дальнейшего изучения, поскольку греко-католические общины в Казахстане не изучались.

Религиозный фактор в корейских этнокультурных центрах стал присутствовать в связи с активной деятельностью корейских миссионеров с исторической родины. Как было замечено, казахстанских корейцев в религиозных организациях привлекала, прежде всего, возможность приобщиться к корейскому языку и культуре. В этом аспекте вовлеченность в вон-буддийскую общину способствовала усилению этничности, а в пресвитерианскую — ослаблению этнической идентичности.

Необходимо отметить, что среди корейцев имеются православные и католики, а также люди, отрицающие значимость религиозного фактора в сохранении и развитии корейской культуры и идентичности. Данный кейс является сложным и неоднозначным и требует дальнейшего изучения.

Выводы

Все рассмотренные кейсы демонстрируют динамичные и неоднозначные отношения между этничностью и религией у разных этнических групп, проживающих в Казахстане, что является достаточно новым для казахстанской науки. Невозможно вывести какую-то одну модель взаимодействия этнического и религиозного для всех этнических групп. Даже в рамках одной этнической группы в ходе истории происходит изменение, казалось бы, сложившейся модели отношений этничности и религии, так как меняется социальный контекст существования этноса.

Модели усиления религиозного компонента идентичности у диаспор в стране проживания, которые мы часто наблюдаем в европейских странах, не всегда работают в казахстанских условиях. Главная, на наш взгляд, причина этого заключается в советском периоде, который оказал огромное влияние на демографические, этнические, культурные процессы, включая и взаимодействие этничности и религии как у государствообразующего этноса, так и у этнических групп. Соответственно, без серьезного изуче-

ния советского периода невозможно понять современные процессы в этнической и религиозных сферах, модели их взаимодействия.

Казахстанскими учеными много сделано для раскрытия таких страниц советского периода, как депортация, репрессии, в результате которых казахстанское общество стало полиэтничным, но глубокое изучение отношений религии и этничности для сохранения этнической культуры, традиций, этнической идентичности в советское время у этносов Казахстана или, наоборот, процессов освобождения этнического от религиозного в ходе реализации советской национальной и антирелигиозной политики и формирования советского человека ждет своих исследователей.

Следующий важный пласт исследований по религии и этничности связан с современными процессами глобализации, транснационализма, когда религиозный компонент может трансцендировать этничность и религиозные границы становятся более важные, чем этнические и национальные государственные границы. В качестве примера исследователь Г.М. Емельянова [22] приводит новых мусульман на постсоветском пространстве, на примере процессов реисламизации в Кабардино-Балкарии, которые стали агентами транснациональной идентичности. Эти новые мусульмане, в идентичности которых отсутствует взаимосвязь этнического и религиозного, склонны к радикализации, к акцентированию «чистой» религиозности. В противоположность этому большинство этнокультурных центров АНК являются примером, когда религия воспринимается как органическая часть этнической культуры, даже если нет вовлечения в религиозные идеи и практику. Такая позиция в отношении религии и этничности способствует стабильности в этнической и религиозных сферах жизни общества, а также продвижению светского государства.

На наш взгляд, этнокультурные центры АНК обладают важным потенциалом по профилактике радикализации религиозного сознания, сохраняя взаимосвязь религии и этничности в своей деятельности, направленной на возрождение, сохранение и развитие этнической культуры.

Источник финансирования исследований

Представленное исследование было выполнено в рамках грантового финансирования научных исследований на 2015—2017 гг. Министерства образования и науки РК по приоритету — «Интеллектуальный потенциал страны». Наименование проекта «Этнокультурные центры Ассамблеи народа Казахстана: взаимодействие этнического и религиозного в светском обществе».

Список литературы

1. Vertovec S. Towards post-multiculturalism? Changing communities, conditions and contexts of diversity // *International Social Science Journal*. 2010. N 199. Pp. 83—95.
2. Mitchell C. The Push and Pull between Religion and Ethnicity: The Case of Loyalists in Northern Ireland // *Ethnopolitics*. 2010. Vol. 9. N 1. Pp. 53—69.
3. Marsh C. Religious Dimension of Post-Communist "Ethnic Conflict" // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35. N 5. Pp. 811—830.
4. Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. 651 с.
5. Diaspora, identity and Religion. New direction in theory and research / Eds. W. Kokot, Kh. Toloyan, C. Alfonso. London and New York, 2004. 211 p.
6. Jacobson J. Religion and ethnicity: dual and alternative sources of identity among young British Pakistanis // *Ethnic and Racial Studies*. 1997. Vol. 20. N 2. Pp. 238—256.
7. Sokefeld M. Religion or culture: concepts of identity in Alevi diaspora // *Diaspora, identity and Religion. New direction in theory and research* / Eds. W. Kokot, Kh. Toloyan, C. Alfonso. London and New York, 2004. Pp. 133—156.
8. Smith A. Chosen peoples: Why Ethnic group survive // *Ethnic and Racial Studies*, 1992. Vol. 15. N 3. Pp. 125—147.
9. Hervieu-Leger D. Religion as a chain of memory. Polity Press, 2000.
10. Кыдыралина Ж.У. Нация и история. Астана: Елорда, 2009. 304 с.
11. Абуов Н.А. Депортации народов в Казахстан в 1936—1957 гг. (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Караганда, 2008. 30 с.
12. Brubaker R. Religion and nationalism: four approaches // *Nation and Nationalism*. 2012. N 18 (1). Pp. 2—20.
13. Сагнаева С.К. Исторические аспекты формирования самосознания уральского казачества и современные проблемы самоидентификации казаков // *Возрождение казачества: надежды и опасения: Научные доклады. Вып. 23. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. 242 с.*
14. Derlugian G.M., Cipko S. The politics of identity in a Russian Borderland province: the Kuban Neo-Cossack movement, 1989—1996 // *Europe-Asia Studies*. 1997. Vol. 49. N 8. Pp. 1485—1500.
15. Popov A. Re-making a frontier community or defending ethnic boundaries? The Caucasus in Cossack identity // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. N 9. Pp. 1739—1757.
16. Агеева Е.А., Данилко Е.С. Казаки-уральцы — этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане (материалы полевых исследований) // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии РАН. Вып. 249. М.: ИЭРААН, 2016. 31 с.*
17. Markedonov S. New Cossacks in the South of Russia: Ideology, Values, and Policies // *Central Asia and Caucasus*. 2003. Vol. 29. N 5. Pp. 161—174.
18. Popov A. Op. cit.
19. Derlugian G.M., Cipko S. Op. cit.
20. Озеров А.А. Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2006. 50 с.
21. Липина Т.А. Корейцы Казахстана: новая грань национальной идентификации // *Общество и этнополитика: Международная научно-практическая конференция. Ч. 3. Новосибирск: СибАГС, 2015. С. 91—99.*
22. Yemelianova G.M. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies: Russia's Autonomous Republic of Kabardino-Balkariya // *Ethnicities*. 2005. N 5 (1). Pp. 51—82.

РЕЦЕНЗИЯ

Сыроежкин К.Л. Охота на «тигров»: почему и как в Китае борются с коррупцией: монография. — Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016. — 388 с.

Марат Шибутов

Председатель Попечительского совета Фонда Трансперенси Казахстан, представитель Ассоциации приграничного сотрудничества в РК

Как еще в 1976 г. писал в своих трудах о теории зависимости и периферийном капитализме Рауль Пребиш, одной из главных черт капитализма в Третьем мире является коррупция. Она идет вместе с экспортным характером экономики, господством олигархии, неразвитым внутренним рынком. Также она является следствием слабости закона, могущества криминала и сросшегося с ним государственного аппарата, который может вымогать взятки и отнимать бизнес. Более того, если посмотреть историю, то довольно часто страны Третьего мира становились колониями из-за своей коррумпированности — когда англичане, французы, голландцы просто подкупили местных чиновников и за счет этого легко завоевывали себе колонии.

Китай, разумеется, не избежал тех рисков, которые таит в себе периферийный капитализм, однако он с ними борется в рамках своей модернизационной политики. Казалось бы, ну да, борется страна с коррупцией — а кто не борется? Но тут возникает уже интересность коррупции для исследователя. Что показывает коррупция на самом деле исследователю:

1. Размах теневой экономики.
2. Реальные группы влияния и кланы в политическом классе страны.
3. Настоящие возможности каждого из чиновников (чиновнику без влияния никто взятки не даст).
4. Как идет политическая борьба и какова роль в ней силовиков?
5. Как политически используется борьба с коррупцией?

Патриарх казахстанского китаеведения Константин Львович Сыроежкин в своей новой книге на тему борьбы с коррупцией очень убедительно и понятно показал, как устроена правящая элита Китая и какие в ней происходят процессы. Причем он показывает эту борьбу на нескольких уровнях сразу — как борьбу Си Цзиньпина за власть, как стремление побороть фракционность в Коммунистической партии Китая, как ответ на обвинение населения в разложении правящего класса, как стратегию по выходу страны из экономического кризиса, ну и как реальную борьбу с мафиозными группировками во власти. Перед читателем, пусть даже мало посвященным во внутреннюю политику Китая, очень доступно раскрывается внутренняя кухня политики Китая, что, учитывая языковой и культурный барьеры, крайне ценно.

Поэтому, на мой взгляд, сейчас это одна из самых актуальных книг по внутренней политике Китая на русском языке и если вы интересуетесь Китаем, то она должна быть в приоритете на прочтение. Кроме всего прочего, казахстанцам данная тематика будет интересна и с точки зрения того, как организована чисто технически борьба с коррупцией. Это тоже ведь ценное знание!

В общем, я рекомендую эту книгу всем, кто интересуется вопросами политики, — она даст вам много ценной информации, а также поводов для собственных размышлений.